

СОФИЯ БАЮН

СОТНЯ
ЗОЛОТЫХ
ОС

Для Бесси Нотт Младший Эддаберг — чудесный город, населенный дружелюбными и славными людьми, а личный помощник Аби — лучший друг, пусть и виртуальный.

Для Марш Арто город жилых кварталов — причина всех ее проблем и место, которое она искренне ненавидит. Впрочем, других городов она не видела — ее социального рейтинга, за которым следит искусственный интеллект Аби, не хватает на путешествия.

Для Рихарда Гершелла Младший Эддаберг — город возможностей, которыми он пользовался всю жизнь. Рихард — пресс-секретарь реабилитационного центра, а в Младшем Эддаберге это означает безупречную репутацию и солидный капитал.

Рихард готов выйти на пенсию после последнего триумфального отчета.

Бесси готова бескорыстно помогать всем, кто попросит помощи.

Марш готова на все, чтобы город, в котором один за другим горят дома, наконец-то узнал, как сильно она его ненавидит.

Город, Аби и Рихарда Гершелла.

Эпиграф

Виновных нет, поверь, виновных нет:
Никто не совершает преступлений.
Берусь тебе любого оправдать,
Затем что вправе рот зажать любому.

Купи себе стеклянные глаза.
У. Шекспир
"Король Лир"

Пролог. Красноглазая и золотая

Рихард Гершелл, пресс-секретарь реабилитационного центра «Сад-за-оградой», никогда не отличался тягой к прекрасному, и всё же предпочел бы, чтобы мертвая женщина в стеклянном саркофаге с проводящим раствором была красива. Марш Арто не была красива в юности, когда он ее знал, и прошедшие годы ничего не исправили. Какой была, такой и осталась — бледная, с костистым лицом и злым подбородком. Только теперь не было зеленых кудрей, а в пустой левой глазнице чернели разъемы, к которым недавно крепились снимающая повязка.

Он смотрел на синий гребень считывающих игл в ее позвоночнике — от бритого затылка до выступающего копчика.

Эти иглы всё из нее вытянули — осколки витража на полу, разноцветные на белом. Горящий дом на пустыре, патетические речи. Закопченные стены, неоновые лозунги. Все секреты — маленькие и большие. Что она ела по утрам, с кем спала и какие позы предпочитала. Что говорила тем соплякам, которые до сих пор ее покрывают, цепляясь за браслеты с сетевым помощником, будто пытаются заглушить настойчивый голос, советующий поступать правильно. Как она потеряла глаз. Где-то там же была история последних дней карьеры Леопольда Вассера.

Все эти никому теперь не нужные секреты.

Рихард Гершелл никогда не любил, а теперь, пожалуй, ненавидел Марш Арто, но всё равно предпочел бы, чтобы она была красивой.

— Вы уверены, что вам требуются эти записи? — раздался за его спиной голос доктора Чарльза Эффа.

— Да. Мне нужно проанализировать ситуацию и провести конференцию по итогу, — дежурно ответил он. — Думаю, это хороший инфоповод — трагическая смерть прямо после... совершения подвига.

Это были хорошие слова, легкие и пустые — именно такими он всегда говорил о своих подопечных, пациентах центра для тех, кто совершил «социально приемлемое» преступление — не тяжелое или непреднамеренное. Рихард умел хорошо тасовать такие слова и играть со смыслами, но сейчас техничная ложь далась неожиданно тяжело.

Он знал, что Марш Арто совершила не одно намеренное, совершенно социально неприемлемое преступление. И до сих пор до конца не понимал, почему всё закончилось именно так.

— Снятие данных с трупа стоит дороже, чем этот инфоповод, — резонно заметил доктор. — К тому же не забывайте, что она устроила за пару часов до подвига. В сети сотни записей с обоими... инцидентами.

Рихард обернулся. Чарльз Эфф стоял, засунув руки в растянутые карманы клетчатого пиджака, и в его глазах отражалось голубое свечение саркофага.

— Я уже решил этот вопрос, — глухо ответил Рихард. — Девушка болезненно жаждала внимания, у молодежи сейчас с этим серьезные проблемы. Вы же понимаете, почему я хочу сделать акцент на подвиге?

— Не только вы. Легаша были здесь несколько часов назад, та девочка, Беатриса, всё еще на допросе. Снимают данные с ее помощника. Всем интересно, что за странный... сбой произошел в системе начисления баллов.

— Это не первый случай, — поддакнул Рихард. — Я тоже... провел расследование, если можно так сказать. Обнаружил десятки таких случаев, и до сих пор никого не нашли... Это ужасно, доктор Эфф. Отвратительно. Бедные дети, ну вы знаете. — Он поправил высокий ворот жилета так, чтобы скрыть микрофон. Никакого толка от этого не было, но его раздражала угодливая зеленая лампочка Аби, готового к работе.

— Может, на этот раз найдут, — равнодушно сказал Чарльз. — Вы данные приберегите, может, их потом захотят посмотреть.

— Всенепременно. Что будет с телом?

— Мы его утилизируем, разумеется, — пожал плечами доктор Эфф. — Или вы хотите выкупить еще и труп?

— У нее есть мать, — напомнил Рихард.

— Она давно подписала отказ. Между прочим, она могла и данные перекупить, но ей, на ваше счастье, они оказались не нужны. — В голосе доктора слышалось неприкрытое ехидство.

Интересно, в чём он его подозревал? Впрочем, какая разница — Рихард готов был поставить почти обустроенную квартиру на окраине Среднего Эдаберга на то, что Чарльз Эфф понятия не имел, зачем ему данные с трупа террористки. Ах да, он же понятия не имел, что это труп террористки. Как удачно все складывается, кто бы мог подумать.

Рихард обернулся. Голубое свечение в саркофаге помутнело. Скоро оно погаснет, раствор сольют на очистку. Рабочие отмоют стекло, лаборанты простерилизуют иглы, и от Марш Арто останется прозрачная пластинка с данными от Аби и биометрикой.

Туда ей и дорога.

— Могу я попросить оставить нас на пару минут? — не оборачиваясь, спросил Рихард.

— Конечно. Всё-таки нежные чувства?

Клетчатое отражение Чарльза Эффа так и не вытащило руки из карманов. И не двинулось с места.

— Как ответственный за имидж центра, я радуюсь, когда его выпускники становятся героями, но как человек искренне скорблю, — глухо солгал Рихард.

И отражение вздрогнуло, расплылось. Послышалась шаги и шорох закрывающейся двери.

Рихард окинул кабинет быстрым взглядом. Сесть было некуда, и он, поддернув брюки, тяжело опустился на корточки. Колени сгибались без боли, но туго, а в суставах что-то отчетливо скрипело. Нужно было записываться на очередную коррекцию. А он слишком устал.

— Ты такая дрянь, Арто, — хрипло сказал он, приложив ладонь к саркофагу.

Ее лицо было совсем рядом — прямо у него под пальцами, за прохладной стеклянной коркой. Единственный глаз затянуло мутной пленкой, как у рептилии.

— Такая дрянь, — со вздохом повторил Рихард, погладив стекло.

В голубом свечении скользнула тень. Он безучастно смотрел, как голографическая татуировка — саламандра, золотая и красноглазая, судя по фотографиям из морга, — суетливо скользит вдоль игл, огибая каждую, будто они в самом деле ей мешали.

— Бесси думает, что она во всём виновата, — мрачно сказал он.

Ящерка скользнула по мертвому лицу, обняла виски длинным хвостом. Положила голову на уголок губ, раскинув передние лапки, словно пыталась обнять. Она тоже угасала, но Рихард знал, что когда тело будут сжигать, она будет метаться по нему, как живая. Всего

несколько секунд — потом не останется ни ящерицы, ни Марш, но эта мысль всё равно была неприятна.

— Ты зачем это устроила? Хоть удовольствие получила? Или как всегда?

Ему показалось, что она вздрогнула. Показалось, что на долю секунды спала пленка, и что вот-вот ее лицо, которому смерть оставила снисходительно-отстраненное выражение, вновь перекосит бешеной злобой. Рихард представил, как она открывает рот, и из него вырываются частые голубые пузыри. Как щерятся иглы на ее спине, и теперь это вовсе не иглы, а настоящий гребень, продолжение позвоночника, как у морского чудовища из мутных колб в старом музее.

Она бы билась о стекло в попытке вцепиться ему в горло. Ненавидела бы его, может, даже пыталась кричать, захлебываясь раствором.

Рихард был бы так рад. Так рад, что Марш Арто осталась жива, и он может сказать ей, какая же она дрянь. И тогда не будет красного пальто, заходящегося истерическим оранжевым светом диода на ее воротнике, тяжелого воя приближающегося аэробуса, тысяч растерянных лиц. Жадного воодушевления в глазах людей, увидевших, как другой человек совершает Настоящий Поступок.

Удивительно, как мало они знали об этом поступке. Как мало он знал.

Рихард погладил острый край прозрачной пластины с данными.

Что она слышала перед смертью? Что сказал ей Аби?

О чем она думала?

Какого цвета были ее глаза? На свежих записях она в красной линзе. А какие были раньше — он не мог вспомнить.

Ей было страшно? На записи было не разобрать.

— Марш? — тихо позвал он.

И в эту секунду Рихард был уверен, что женщина в голубом растворе оживет.

Марш не двигалась. Только саламандра — красноглазая и золотая — кольцом обвила пустую глазницу.

Глава 1. Теперь слышите, как поём?

Так могла начаться только хорошая история. С паучка, который карабкается по бетонной стене, тянет за собой тонкий провод-паутинку. С крошечных стяжек. Искр, красных в синей темноте — они вспыхивали, когда паучок поворачивал.

Марш следила за гаснущими искрами, и ей казалось, что они продолжают гореть.

Она видела весь узор — сама его составила. Собрала и запрограммировала паучка, своего маленького смертника, даже нарисовала ему на спинке букву «М». Это значило «Марш», но ей нравилось думать, что это еще значит «мама».

У Марш бывали приступы сентиментальности, и они всегда заканчивались именно так.

Искорка вспыхнула у черной оконной рамы. Сейчас паучок должен был повернуть влево.

Всё было подернуто серо-голубой дымкой — барахлила дешевая снимающая повязка, заменяющая ей глаз. Давно нужно было починить, но даже этот голубой блюр не мог испортить предвкушения.

Это был старый дом, и он ужасно нравился Марш. Такой нелепый — восемь этажей, покосившаяся треугольная крыша, квадратные окна. Словно его нарисовал ребенок — желтыми мелками прямо на черноте пустыря. А вокруг — электробашни в черных коконах кабелей, гудящие и потрескивающие навязчивым фоном. Вокруг — обглоданные временем и людским равнодушием остовы зданий, сплошь обломки, обрывки и гнутая арматура. И среди этой разрухи — такое чудо.

Сейчас такого не строят. Удивительно, как этот домик вообще остался стоять — забытый, покосившийся, но при свете дружелюбно блестящий битыми окнами. Стоял-стоял дом, а потом понравился Марш. И еще два до него понравились, тоже брошенные и неказистые.

Вообще-то Марш не обязательно было здесь стоять. Не нужно было слушать, как ветер свистит на пустыре у нее за спиной. Как он проходит сквозь решетки ржавой арматуры, как забивается в трещины в бетонных плитах. Не нужно слушать, как вой превращается в визг, когда ветер влетает в разбитые окна, но всё равно вязнет в гуле электробашен.

Не нужно вдыхать этот запах, пробивающийся сквозь надетую под маску балаклаву, — остывшего бетона, ржавчины, сухой земли и маслянистого горючего.

Не нужно — но Марш очень хотелось здесь стоять.

Она обернулась. Освальд стоял, натянув шапку на рыжие кудри. Марш поморщилась, и промерзший пластик маски коснулся кожи там, где лицо не было закрыто черной тканью. Она пришла, чтобы получить удовольствие от проделанной работы и предстоящей акции, то Освальд исполнял ритуал. Наказывал себя — и она никак не могла понять, за что.

Вспыхнула еще одна искра, почти под самой крышей.

— Надо еще отойти, — угрюмо сказала Марш, опустив приближающую пластинку — прозрачный экранчик, позволяющий наблюдать с крыши соседнего здания.

— Думаешь, будет волна? — спросил Освальд, сильнее натягивая шапку.

Он выглядел глупо. Освальд всегда выглядел глупо, но сейчас это была опасная глупость. Что если сейчас в небе летает чей-нибудь снимающий дрон? Какой-нибудь девчонки, которая любит снимать развалины для конвента с атмосферными локациями?

Освальд ссутулился и спрятал руки в карманы. Вид у него был жалкий, и оттого, что

маской он выбрал черный зубастый клюв, Освальд выглядел только глупее.

— Я знаю, какая будет волна, — наконец сказала Марш. Она выбрала белое кукольное лицо, изуродованное черным швом широкой улыбки. — Я не боюсь. А ты, если хочешь...

Она замолчала. Вспыхнула синяя искра. Часто замигала, а затем погасла.

Марш закрыла живой глаз и стала считать уходящие секунды. Семь. Десять.

Красным вспыхнули все стяжки.

Четырнадцать.

— Там точно никого нет? — простонал у нее за спиной Освальд.

— Третий раз уже, а ты всё ссышь!

Марш улыбнулась.

Шестнадцать. Улыбнулась шире, почти до боли. Она знала, что сейчас в подвале дома, на влажно блестящем полу, растекаются призрачные радужные пятна.

Двадцать.

Наконец искры, которых она не могла видеть, потекли по проводам, неслышно затрещали в стяжках. В этот момент пятна там, в подвале, стали темнеть, задрожали и заметались — во что вгрызться невидимыми зубами, что превратить в чистый рыжий свет? Пойдет даже самое безыскусное, уродливое — ветошь и обломки мебели, которые Марш натащила еще вчера.

Пусть ветошь, пусть щерящиеся щепками выломанные подлокотники и каркасы. Так даже лучше, так рыжий свет будет ярче, гуще — и все услышат его песню.

Сначала был хлопок — тихий, с каким вылетает крышка из порошкового игристого вина.

Марш прикоснулась к маске кончиками пальцев — пластик улыбался шершавым швом. Улыбался вместе с ней.

Сейчас.

За хлопком пришел треск, тихий и жалобный, но нарастающий с каждой вспышкой красного огонька. Вспышки учащались, и Марш уже казалось, что они вовсе не гаснут. Освальд что-то бормотал, но

на самом деле никакого Освальда не существовало — был только этот домик и паучок с буквой «М» на спине.

«Мама».

Марш улыбалась.

И когда пришел взрыв, узор, нарисованный паучком, разошелся глубокими трещинами. Всего на секунду, чтобы потом вспыхнуть синим и рыжим, разрастающимся светом.

Свет пришел раньше, чем звук — но когда звук пришел, не стало ни гула электробашен, ни воя ветра на пустыре.

Восьмой, седьмой, шестой этаж — брызгали остатки стекол и бетонная крошка, пламя обнимало опустевшие оконные проемы. Жидкое рыжее пламя, вместо всех слов, всех конвентов, вместо всех!..

Ей так хотелось сорвать маску и балаклаву. Хотелось ярче почувствовать запах дыма, обожженной земли, мокрого зимнего ветра. Смеяться, визжать, хватать Освальда за руки, чтобы он разделил с ней этот момент, раз уж не мог паучок с ее монограммой.

Но Марш не хотела оборачиваться. Не хотела терять ни секунды, менять горящий дом на кислую рожу Освальда. Да и моментом делиться она, пожалуй, вовсе не хотела.

Позади раздался мерный стрекот винтов — Освальд поднимал в воздух снимающий

дрон. Зеленые лампочки по углам, да, это дрон обычных охотников за контентом.

Четвертый, третий.

Они с Освальдом специально пошли вдвоем, не позвали ни Иви, ни Даффи. Просто парочка захотела потискаться на пустыре, поснимать развалины. Вот их дрон, вот их глупые маски, за которыми они наверняка прячут глупые ухмылки.

Зеленые огоньки на крыльях дрона присоединились к десяткам других таких же. Ну еще бы, на такой инфоповод все слетелись как мухи на дерьмо.

Взрывов больше не было. Дом горел, и, кажется, кто-то кричал. А впрочем, Марш наверное, просто померещилось.

Она наконец обернулась. Освальд стоял совсем рядом, положив руки ей на плечи — а она и не заметила.

— Что такое? — хрипло спросила Марш.

Праздник кончился, слова затихли, и теперь ей стало грустно. Она даже не была против того, что Освальд ее трогает.

— Смотри, — сказал он, показывая на дом. — Смотри, что... та-а-ам...

Она подошла к краю крыши и посмотрела вниз.

И что-то выросло, распустилось в ее душе, тугое, плотное, не дающее вдохнуть. Распустилось — и лопнуло.

Марш засмеялась и вдруг поняла, что Освальд смеется тоже.

...

Мало кто из жителей Младшего Эддаберга считал, что город ночью уродливее, чем днем, но Рихард был в этом уверен. При свете город еще можно было терпеть — шесть жилых кварталов, белые прямоугольные башни без окон — и россыпь черных домов поменьше — тянулись вдоль цепи холмов. Зимой бурых, покрытых редкими снежными проплешинами, а летом зеленых и золотых. Рихарду даже нравились широкие чистые улицы, кварталы, у подножий которых теснились палатки и полулегальные магазины, словно черная пена, разбивающаяся о скалы. Ему нравился несмолкающий рассерженный гул электробашен и тяжелое дыхание вентиляций. Рихарда успокаивал Младший Эддаберг, но только днем.

Ночью проклятый город превращался в верещащую черно-неоновую дрянь. Ночью смолкал мерный вой аэробусов, и оживали уличные динамики. У баров, на крышах, во внешних лифтах — каждый, кто не уходил в сеть, считал своим долгом заявить о себе, включив музыку погромче. Наверное людей все-таки пугала неоновая темнота.

Темнота людям оставляла лишь серые очертания кварталов, словно непрогрузившееся пространство конвента, который жителям нужно было заполнить и декорировать. Конечно, жители Младшего Эддаберга и тут не могли оставить любимый город в покое. В темноте оживали вывески и дроны, вся разноцветная подсветка, от контуров несуществующих окон, непристойных надписей и рисунков на стенах до голографических моделей, собранных художниками без сертификатов. А художникам без сертификатов подавай заумные переливающиеся абстракции и голых баб. Рихард многое мог бы простить художникам без сертификатов, но бабы у них выходили страшные, как обнуленные рейтинги.

Рихард не хотел выходить из дома ночью и тем более приезжать на место взрыва. Он не знал, что увидит там, кроме руин, оплавленного пластика и горелого бетона, но точно знал, что это будет значить.

Но разве он мог не приехать?

Вчера взорвался третий дом.

Когда взорвался первый — Рихард не придал этому значения. Ему этот дом был безразличен, он всем был безразличен, даже после взрыва. Конечно, пару дней вокруг руин вились снимающие дроны. Особенно эффектные фотографии получались в темноте — кто-то исписал уцелевшую стену светящимися революционными лозунгами. «Теперь слышите, как поём?» — стена спрашивала, а сеть молчала. Всем было плевать на дом, и Рихарду было плевать.

А потом взорвался второй дом, и этого снова никто не заметил, только Рихард начал раздражаться. Дома взрывались в опасной близости от «Сада-за-оградой». Кто-то обязательно должен был спросить — кто же взрывает заброшенные дома? Как справляются врачи и тренеры в реабилитационном центре?

Спрашивали, разумеется, не у врачей и не у тренеров. У Рихарда, потому что в сети у «Сада-за-оградой» было его лицо. Но он тогда решил проблему. Он сводил на конвенты пару удачных пациентов — к счастью, он не успел выписать Анни Брайт. Девчонка умела жалостливо кривиться, когда рассказывала, как ее растлевал дядя. Энни попала в «Сад» за его убийство, и она прекрасно понимала, в каком положении находится. Рихард был ей признателен и с удовольствием показывал на всех встречах, а Анни очень-очень старалась. Она совсем не хотела снова оказаться на улице с почти обнуленным рейтингом. У нее правильно дрожали губы и пальцы, у нее правильно наворачивались слезы, и когда взорвался второй дом, Рихард сумел избежать снижения рейтинга «Сада-за-оградой».

Но теперь кто-то взорвал третий дом.

Город у него за спиной надрывался динамиками. Солировали электронная скрипка и визгливая девица, монотонно тянущие одну истеричную ноту. Слов было не разобрать, но Рихарду это было не нужно — он смотрел на дом.

Закопченные исписанные стены, окна — рамы с оплывшими пластиковыми вставками. Черные хлопья сгоревшего пластика лежали на подоконниках, поверх нарисованных аэрографом зигзагов.

Они были похожи на зубы.

Зигзаги на подоконниках были похожи на зубы — и больше ни на что.

Рихард поморщился и машинально отодвинул обшлаг белоснежного коверкота. Голубые цифры социального рейтинга успокаивали уверенно-шестизначной надежностью. Прошое и будущее в шести цифрах. Если его начнут штрафовать за некомпетентность — только прошое.

На треснувшем бетонном блоке светилась желтая надпись «Теперь у нас есть голос». Эта особенно раздражала — в сети было множество записей с пожаром, но никто не брал ответственность за поджог. Глупо писать о голосе и ничего не говорить.

Разве что поджигатели собираются высказаться потом.

— Аве Аби. Рассчитай мне, где вероятнее всего будет следующий пожар.

— Обрабатываю запрос, — проскрежетал голосовой помощник. Монотонно зашуршала бумага — Рихард все время забывал отключить звуковые эффекты, и теперь Аби делал вид, что работает с архивом.

Самое глупое, что Аби не всегда угадывал с эффектами, и бумага шуршала невпопад — тут должны были раздаваться щелчки счетной машинки. И Рихард понятия не имел, зачем Аби добавили такие эффекты, будто кто-то из живущих видел бумажный архив или счетную машинку.

И голос у Аби всё-таки был мерзкий.

Рихарду недавно исполнилось пятьдесят три, он не застал электронных интонаций старой помощницы Элис, но всё равно предпочитал не очеловечивать программное обеспечение электронного браслета. Пускай искусственный интеллект остается искусственным.

По крайней мере, пока.

— И какая пададь это устроила? — спросил он, разглядывая следующую надпись — оранжевую. «Слава сенатору Кьеру!»

Рихард усмехнулся. Обычно вся эта шушера политикой не интересовалась.

— Обрабатываю запрос...

— Не надо! — поморщился Рихард. — Считай, где будет следующий пожар.

Если бы Аби мог вычислить поджигателя — цены бы ему не было. Но он не мог, и цена у него была вполне конкретная — несколько платных модификаций, улучшающих качество звука и скорость поиска, новый транслятор на браслете для более четких визуализаций, и, конечно, достижение определенного значения

рейтинга, чтобы можно было выбрать нужные позиции. Без них Аби был еще бестолковее.

— Показываю варианты.

На черной стене расплылось голубое сияние транслятора, медленно сгущающееся в карту Младшего Эддаберга. Шесть огромных квадратов, означающих жилые кварталы, были окружены домами поменьше, а те — сотнями безымянных построек, остатками старого города. Красные точки загорались кучно — все вокруг «Сада», все в старых постройках. Рихард насчитал шестьдесят три точки и бросил считать.

Какой смысл. Карабинеры точно сделали то же самое. И программы у карабинеров точно были умнее личного помощника.

— Провести повторный анализ с учетом биометрики? — уточнил Аби.

— Думаешь, надо?.. — забывшись, пробормотал Рихард, а потом, опомнившись, добавил: — Проводи. Во внешнем слое. За последние... пять? Да, за последние пять лет. Пока хватит.

Теперь об Аби можно было забыть на ближайший час. Он даже бумагой забыл пошуршать, бедняга.

Рихард не любил связываться с внутренним анализом. Это было долго и чаще всего бесполезно. Во внешнем слое Аби анализировал снимки камер и фото из всех архивов в поисках совпадений с новыми снимками и звуковыми дорожками — забытые лица, контуры, цитаты, отданные когда-то команды.

Вряд ли Аби что-то найдет. Будет час прикладывать фразочки со стен ко всему, что говорили пациенты при Рихарде, может, выдаст пару случайных совпадений или путаных, вырванных из контекста предложений.

Может, стоило пойти домой, принять пару таблеток ребулина и позволить Аби сканировать внутренние чипы. Это было долго и очень муторно. Внутренние чипы фиксировали все гормональные и температурные изменения, на основе которых классифицировали эмоциональные реакции, видеоматериалы, по запросу записанные камерами Аби и домашними камерами, к которым у Аби был доступ. Эта информация была конфиденциальна, и даже карабинеры получали к ней доступ только в исключительных ситуациях. А вот Рихард мог заставлять Аби копать в собственной памяти сколько угодно, если ему было угодно валяться несколько часов в темной комнате, с тошнотой и головной

болью, которые всегда сопровождали работу внутренних датчиков. Нет уж, пускай анализирует камеры. А остальным занимаются карабинеры — он ищейкой не нанимался.

Даже когда взорвался третий дом, Рихард не так уж старательно искал ответы на опасные вопросы

Глава 2. Плохой человек

Из-под пола раздавалось ровное гудение встроенных батарей. Бесси встала на пушистый коврик у кровати. Нахмурилась и осторожно, словно воду, тронула босой ступней холодные плиты.

Батареи гудели, но не грели.

— Аве Аби! Батареи опять не включили, — расстроено прошептала она.

— Отправить жалобу? — спросил голос виртуального помощника. На ее воротнике мелькнула зеленая лампочка — он проснулся и был готов к работе.

Это такое чудо было, если подумать — Аби всегда просыпался вместе с ней!

— Нет-нет, не нужно, — поморщилась Бесси. — Зачем-зачем. А ты не можешь включить батареи?

— Запрос не может быть обработан, — механически ответил он, но Бесси все равно почувдились виноватые нотки. — Вы хотите отправить заявление в хозцех?

— Да-да! Хочу отправить заявление! — обрадовалась она, садясь на край кровати.

В комнате приятный синий полумрак. Бесси нравился синий цвет и то, как он растекался на плакатах и распечатанных картинках на стене. Сейчас так мало кто делал, даже в доме Бесси у всех стояли экраны, но ей нравилось все настоящее, пусть оно шуршало, выцветало и собирало пыль.

— Включаю форму 0-8-64 С, — мягко сказал ей Аби. — Продиктуйте текст обращения.

— Полы холодные, — с готовностью сказала она, поднося к губам воротник — микрофон все время барахлил.

В наушнике раздалось монотонное шипение, за ним — звук, который, как Бесси знала, изображал стук клавиш старинного устройства, которое называли печатной машинкой.

— Дальше, — приободрил ее Аби.

— А что дальше? Холодные же, ну, — нахмурилась она.

Ей не нравилось, когда Аби настаивал на чем-то. Она не понимала — не-же-ла-ла понимать — что он от нее хочет.

— Вы должны представиться, назвав полное имя, код, дату обращения и номер в реестре, — подсказал Аби.

— Беатриса Нотт, код 0936М, тринадцатый день десятого месяца, номер в реестре... 9803.12.

— Текущее значение рейтинга, — подсказал Аби.

Бесси посмотрела на браслет, где едва заметно светилась голубым короткая надпись.

— Мало, — мрачно сказала она. — Ты же можешь считать.

— Нужно голосовое подтверждение значения, — нудно проскрипел Аби.

Иногда Бесси начинало казаться, что он вовсе ей не друг и даже не настоящий.

Где-то тяжело забряцал третий утренний экспресс. Иногда Бесси бежала по длинным коридорам через четыре сектора, чтобы выйти на общественный балкончик и посмотреть, как серая змея с синими глазами бортовых огней летит по мутной трубе где-то внизу, но сейчас ее волновали полы.

Или не так уж и волновали.

Не хотелось называть свой рейтинг.

Бесси знала, что значат эти цифры. В приюте преподавали старую литературу и

показывали старое кино — такое неуклюжее, где почему-то играли только люди, а не их слепки. Люди часто фальшивили, и художники не могли дорисовать им правильные эмоции. К тому же кино показывали на экране, не позволяя находиться внутри сцены, как сейчас, и это было странно — будто картинки оживали и пытались врать.

Некоторые вралы хорошо.

Но кино и старых книг им показывали мало. И в основном чтобы объяснить, сколько раньше у людей было терзаний, которые теперь считались пережитком, эмоциональным атавизмом, которому предавалась только экзальтированная молодежь.

«Кто я», «каково мое место в этом мире», «быть ли мне» и самый главный — «хороший ли я человек?» — все это так мучило людей на старых записях. Люди задавали эти вопросы, то патетически выкрикивая их, то сдавленно шепча, то торопливо вываливая на читателя или зрителя, давась и путаясь. Люди захлебывались в этих вопросах и сходили с ума. Бесси было их жалко.

А сейчас это стало неважным. Сейчас все ответы уместились в цифры социального рейтинга. Они объясняли, где твое место, давали четкий ответ на вопрос «почему» и, конечно же, именно цифры безжалостно определяли, хороший ли ты человек.

За все хорошие поступки начислялись баллы. За пожертвования — Бесси постоянно переводила разным приютам часть пособия, но это давало всего пару пунктов — за участие в общественной жизни. Вот если бы у Бесси был аэрокэб, который нужно водить без штрафов. Муж и ребенок — за них бы дали ачивку «семья». За успехи ребенка ей бы начисляли рейтинг каждый месяц, а муж бы ставил отметки в графе «социальная удовлетворенность», и за это Бесси тоже получала бы свои цифры. Она бы тоже ставила отметки, всегда самые-самые высокие!

У нее еще мог бы быть диплом. Ее бы хвалили преподаватели, и рейтинг бы рос. А потом за диплом дали бы ачивку «образование» и ежемесячную надбавку. За работу по специальности давали бы надбавки. И рейтинг Бесси рос бы быстро-быстро, как у благо-надеж-ной гражданки.

Только вот у Бесси не было ничего.

Ей платили пособие, потому что она сирота. Дали комнату в многоквартирном квартале. Им что-то такое объясняли — про справедливость, про то, что раньше им приходилось бы работать, только Бесси не поняла, кем. Что-то говорили про «черную работу», и она всегда представляла, что раньше люди разливали по коробкам мазут. Учителя говорили про какие-то улицы, которые нужно мести и заводы, где детали нужно было вы-та-чи-вать руками, но Бесси не могла представить, что кто-то будет сам мести улицы. Это же глупо. Машинки хорошо справляются. Главное, ей работать было не нужно. Она никому не была нужна, но о ней все равно заботились.

О сиротах вообще хорошо заботились — как-никак, всем хотелось надбавок.

И Бесси хотелось, только ее базового рейтинга и талантов ни на что не хватало. В приюте говорили, что Бесси глупая, а психиатр на выпуске как-то по-другому говорил, но она не поняла и не запомнила — наверное, правда была глупая.

Но все это никого не интересовало, потому что на запястье Бесси светилось голубым короткое число, отвечающее на все вопросы.

— Чтобы отправить жалобу, вам нужно назвать текущее значение социального рейтинга, — напомнил Аби.

— Не хочу, — буркнула она. Наклонилась, достала из-под кровати теплые носки.

Социальным рейтингом были недовольны, потому что он определял, когда к тебе придет скорая помощь, когда обработают твою заявку и примут заявление. Кто-то говорил слова вроде «сегрегация» и еще какие-то слова, кто-то упорно копил ачивки за любую мелочь, но Бесси значение социального рейтинга волновало не поэтому.

Значение ее рейтинга говорило, что Бесси — плохой человек.

...

Холодные полы и утренняя размолвка с Аби испортили Бесси настроение, но ненадолго. Ей было стыдно перед другом, и она в который раз подумала, как жаль, что он прячется там, в глухом черном браслете, и с ним нельзя помириться как с обычным человеком. Бесси заварила бы чай — ей присылали на прошлый Брейс большую коробку от кого-то из приютских меценатов. И шоколад — почему-то всем нравилось дарить сироткам шоколад, а Бесси была и рада, она любила шоколад. И с удовольствием поделилась бы с Аби.

Или просто дотронулась бы до его ладони. Люди иногда отдергивали руку, морщились, но Бесси казалось, что Аби бы не отдернул.

Ни за что бы не отдернул, если бы был настоящий.

Аби хороший.

— Аве Аби, ты злишься? — спросила она, подбирая с пола ядовито-розовую футболку.

— Я не умею злиться. Обработать запрос «изобразить злость»? — проскрипел Аби, и в его голосе Бесси послышалась добрая усмешка.

— Неа, — широко улыбнулась она. — А покажись, покажись, а?

— Обрабатываю запрос, — бодро ответил он.

Бесси редко завидовала тем, из Старшего Эддаберга. У нее все было, чего она хотела — чай, шоколад, картинки на стенах. Изменяющаяся краска для волос, из-за которой у нее каждый день был новый цвет — сегодня вот лавандовый, а ей нравился лавандовый. Доступ в социальную библиотеку и виртуальный кинозал — иногда Аби читал ей истории или советовал фильм, иногда она сама шурилась в наладонник, и буквы складывались в историю.

У нее даже были виртуальные очки, почти новой модели — три года назад прислали в боксе на Брейс. Когда ей надоедали картинки, можно было надеть очки, выбрать локацию и подолгу сидеть в лесу, слушать птичек и даже погладить белку. В магазинчике на пятнадцатом этаже Бесси покупала распылители, которые были закреплены за каждой локацией, и тогда в ее комнате даже пахло лесом.

Или морем — смотря чего она хотела. Конечно, Бесси не знала, как пахнет в лесу или на море, но верила, что ее не обманывают. В лесу пахнет кондиционером для белья, кремом для рук и зеленью с редких уличных газонов. На море пахнет йодом, почти как из пузырька, и горячим воздухом из-под аэробусов.

В общем, все у Бесси было. Никогда Бесси не завидовала тем, в Среднем и Старшем Эддаберге, а все же иногда завидовала — уж наверное у них Аби появлялся легко и просто, и можно с ним разговаривать сколько угодно!

Аби наконец включил проектор. Бесси торопливо вытянула руку, и Аби на несколько мгновений появился перед ней — почти без помех, только совсем прозрачный.

— Вытяни руку, — торопливо попросила она.

Аби улыбнулся и застыл. Он был красивый — черноволосый, смуглый, с такими черными хитрыми глазами и носом с горбинкой. Такие мальчики жили на тридцатом этаже, они говорили со странным акцентом и были очень любезны, хотя иногда свистели ей вслед. Бесси не обижалась — она толком не понимала, что значит свист, но они были

похожи на Аби, а значит, точно были милыми ребятами.

Аби наконец начал медленно поднимать руку. По голограмме пошли частые помехи, и Бесси торопливо коснулась его ладони — то есть, конечно, воздуха, полного цветных искорок, из которых Аби состоял, — и сама отдернула руку.

— Скройся, — скомандовала она.

Ей не нравилось грубое слово, но на него Аби быстрее всего реагировал, а ей не хотелось долго его держать. Вдруг он как волшебный дух из сказки, который жил в светильнике, и ему тоже не нравился свет.

— Когда включат батареи? — спросила она, доставая из-под кровати синий жакет.

— Номер вашей заявки в очереди — 3983... 3998, — сообщил Аби.

— А почему упала ниже?

— Кто-то с рейтингом выше только что подал еще жалобу, — безжалостно ответил он. — Номер вашей заявки — 4001.

— Ну и ладно, — легко ответила Бесси. Ей не хотелось об этом думать. — А слон сегодня будет?

— В расписание голографической модели изменения не вносились, — ответил Аби, и Бесси показалось, что он говорит с облегчением.

Ну конечно, ему тоже не хочется ее расстраивать! Она сама задает глупые вопросы.

— Давай слова, — потребовала она, нажимая кнопку у двери.

— Слово дня — «мушкет», — начал Аби. — Старое оружие, называемое «огнестрельным»...

Дверь опять заклинило. Иногда Бесси представляла, что дверь вообще не откроется, и она останется сидеть с Аби в синем мерцании своих лампочек. Они будут есть шоколад, смотреть кино в виртуальных очках и постоянно отправлять жалобы, которые будут опускаться все ниже, пока кто-нибудь с рейтингом еще меньше, чем у Бесси на что-нибудь не пожалуется.

Она так увлеклась этой фантазией, что не заметила, как дверь с тихим шорохом отъехала в сторону, впуская в комнату белоснежный свет коридора.

Белоснежный свет перечеркивала тень

— Бесси? — раздался мрачный голос. — Ау, ты здесь?

Бесси подняла глаза и широко улыбнулась. Аби перестал рассказывать ей про мушкет, а она все равно не поняла, что это за штука.

— Марш! Привет-привет, заварить тебе чай?

Марш тоже была хорошая. Все говорили, что злая, а Бесси знала — хорошая. Она была из крыла тех, расселенных из реабилитационного центра. Говорили, она туда за что-то нехорошее попала, за преступление, еще она гадости всем говорила и ей еще в центре обещали, что как только она выйдет, на нее столько жалоб накидают, что Марш трех шагов от ограды не отойдет и рухнет замертво. Марш на эти рассказы только смеялась, Бесси тоже смеялась — наверное, это была шутка. Бесси плохо понимала некоторые шутки.

— Нет, — мрачно ответила она.

Из-под ее воротника выползла голографическая татуировка — золотая саламандра. Нарисовала узор на щеке и замерла, раскрыв пасть. Прямо у голубой мерцающей повязки, закрывающей глаз. Вот такая была Марш — один глаз красный, а другой — голубое светящееся пятно.

— Слон вечером, вечером придет, — уточнила Бесси, немного растерявшись.

Она не знала, чего ей может быть надо. Вообще-то Марш была не слишком дружелюбной, и Бесси она тоже часто говорила гадости, хотя никогда не била. Она ни с кем не дружила, ни с кем не ходила гулять и постоянно ругалась с соседями. Бесси никогда не видела, чтобы человек столько ругался.

— Я знаю. Пойдем... пойдем пить чай... в другое место? — нехотя процедила она.

— Зачем? У меня хороший-хороший чай есть, еще из прошлого бокса, я сейча...

— Бесси! — рявкнула Марш. — Пойдем, я хочу купить тебе пирожное, — мягче сказала Марш, но Бесси видела, как дрожат ее ноздри.

Золотая ящерка открыла красные глаза и укоризненно посмотрела на Бесси.

Она вздохнула. Вообще-то Марш была красивая и без ящерок только волосы зачем-то совсем коротко стригла и не красила. Так и оставались волосы светло-серые, а если бы у Бесси был такой красивый вздернутый нос и такой упрямый подбородок — вот ни за что она не носила бы короткие волосы скучного цвета. Даже если бы глаз у нее был один.

Интересно, что делать, чтобы их осталось два? Почему-то она всегда боялась спрашивать.

А пирожного ей хотелось.

— Пошли, — легко согласилась она.

— Дверь закрой, — мрачно сказала Марш, протягивая руку, будто собиралась схватить ее за воротник и вытащить в коридор. — Да на кнопку же нажми, дура!

— Хотите подать репорт за оскорбление? — с готовностью откликнулся Аби.

— Нет-нет, — прошептала Бесси, нажимая кнопку. — Марш хорошая, не надо на нее жаловаться...

Марш отчетливо фыркнула. У нее получалось очень обидно фыркать.

Бесси посмотрела, как она хмурит тонкие черные брови, и почувствовала себя виноватой. Она протянула руку и коснулась ее ладони.

Марш отдернула руку и натянула на ладонь обшлаг.

Глава 3. Марш несогласных

Марш тащила Бесси к лифтам, вцепившись в мягкий рукав жакета и не особо заботясь о том, чтобы девчонка успела подстроиться под ее размашистый шаг.

Если бы не дело — никогда бы не стала связываться с этой идиоткой.

Еще и одевалась — как назло, как будто знала, чего от нее хотят. Цветоменяющая краска, неоновые тряпки — хорошо еще у нее денег на модификации не хватало.

Марш ударила кулаком по панели вызова и поморщилась — собственное алое двубортное пальто и красная линза вдруг стали казаться кричаще-вызывающими. Мысль она тут же отмела.

Бесси — просто пустоголовая дура, которая никак не наиграется в куклы.

У лифта собиралась очередь — несколько полных женщин, неизвестно как утянувшихся в черные комбинезоны, мужчина в пальто поверх пижамы и девочка с лабором-кроликом, который прыгал вокруг нее, цокая металлическими лапками о плиты.

— Куда пойдём? — прощепетала Бесси, и Марш с трудом удержалась, чтобы ее не ударить.

— Пить чай, — сахарно повторила она.

Никто бы с ней не пошел после такого. Решили бы, что она собирается завести за угол и отрезать башку. Марш не отрезала ни одной башки, но люди с детства смотрели на нее так, будто она это делала каждый день.

Она хотела бы делать это каждый день.

Марш не нравилась людям, а люди не нравились Марш.

Двери лифта с шорохом разъехались, и Марш встретилась взглядом с женщиной впереди. За ее спиной собралось не меньше сорока человек — все с верхних этажей. У ног женщины лежал объемный серебристый чехол.

Лифт был полон. В него поместился бы разве что ребенок.

Девчонка с кроликом с радостным вскриком бросилась к лифту, попытавшись протиснуться мимо Марш. Она, поморщившись, прихватила ее за воротник и вернула на место. Кролик замер, потеряв хозяйку.

Марш втокнула Бесси в лифт, ногой подвинула футляр и чиркнула пальцем по стене, командуя закрыть двери.

— Ребенка бы пропустила, — жалостливо протянула женщина в черном комбинезоне.

Если бы не свидетели — она бы говорила по-другому. Ну конечно, кому хочется расстаться с парой позиций рейтинга за удовольствие кого-то обложить.

— Отлижи мне, — оскалилась Марш, приставляя к подбородку разведенные указательный и средний пальцы.

— Репорт за оскорбление. Репорт за оскорбление. Репорт за оскорбление. Репорт за нарушение общественного порядка. Репорт за демонстрацию неподобающего контента при несовершеннолетних... — зашипел Аби.

— Обжаловать, — рявкнула она так, что Бесси вздрогнула и попыталась отстраниться.

Это было почти забавно — девчонка пыталась сбежать от нее в переполненном лифте. Правда совсем дурочка.

— Жалоба рассмотрена. Жалоба принята. Ваш рейтинг понижен на три позиции, — доложил Аби.

— Насрать, — искренне ответила Марш.

За спиной раздалось неодобрительное ворчание. Она пожала плечами — раз ей приходится разговаривать с голосовым помощником — почему она должна делать это тихо?

«Демонстрация неподобающего контента при несовершеннолетних», ну надо же. Наверняка какая-нибудь старуха, заставшая помощницу Элис. Говорят, Элис умела отвечать только по скриптам, не подбирая слова в сети и не обучаясь, а чтобы отправить жалобу приходилось листать длинный список, состоявший из номеров. Люди тогда помнили значение каждого номера, люди ведь всегда так любили жаловаться, что даже огромный объем бесполезной информации их не останавливал.

Суки.

Бархатная манжета под рукавом предупредительно сжалась, но Марш не стала отдавать команду.

Она обернулась. В углу сжался старик в бесформенном полосатом пуловере.

Наверняка этот старый козел и перепутал номера.

Лифт остановился. Марш мрачно оглядела стоящих перед ней людей, словно зависших в белоснежном междумирье коридора. И молча провела пальцем по стене, закрывая двери.

А потом снова обернулась к старику. Переполненный лифт продолжал ползти вниз.

— Аве Аби! — с ненавистью выдохнула она. Слова активации царапали горло, будто она пыталась поесть стекловаты. — Запись! Вы отправили на меня жалобу? — улыбнулась она. — Как это нелюбезно с вашей стороны — кидать репорты на девушку. Впрочем, говорят, что лет шестьдесят назад молодые люди — а все знают, что люди к старости совсем не меняются — сплошь были подлыми, ссыкливыми ублюдками. Как славно, что нам дали Аби и теперь общественность не допустит, чтобы ссыкливые подлые ублюдки портили жизнь пор-р-рядочным людям! — патетически рявкнула Марш.

Хотела процитировать какой-нибудь агитационный пост, за плюсы к которому начисляли рейтинг, но поняла, что не помнит, какими словами они лгали. Ну ничего, кривоватый экспромт в этой ситуации тоже годился.

— Репорт за оскорбление, — раздался механический голос Аби.

— Обжаловать. Подать прошение о штрафе за необоснованный репорт. Подать прошение о начислении баллов за уместную в ситуации публичную демонстрацию лояльности.

— Репорт за оскорбление отклонен. Репорт за необоснованный репорт подан. Репорт за необоснованный репорт одобрен. Прошение о начислении баллов подано. Прошение о начислении баллов одобрено. Ваш рейтинг поднят на одну позицию.

Марш отвернулась. Мрачно уставилась на черную дверь лифта, покрытую светящимися комбинациями этажей, уровней и коридоров. Лифт мотнуло вправо, и двери снова открылись. На этот раз коридор был синим.

Радости победы она не чувствовала. Она умела играть в эти игры с рейтингами лучше любого старого пердуна, только вот она ненавидела в них играть.

— Пошли, — сказала она Бесси, потянув ее за рукав. — По лестнице спустимся, лиш бы не с этими.

На их место протиснулся крупный мужчина с пустой клеткой в руках. Клетка выглядела хрупкой, мужчина — агрессивным. Марш понадеялась, что клетку кто-нибудь помнет, и мужчина устроит скандал.

...

Они наконец выбрались из жилого квартала. Можно было выбрать любой из баров на любом из этажей, можно даже было померзнуть на уличной перемычке — там была симпатичная забегаловка, столики жались к ржавым перилам, а под столешницами были установлены круговые обогреватели. Колени обдавал сухой жар, в лицо дул мокрый ветер, а главное — подхватывал слова, кружил их, как сухие листья и уносил их куда-то, где они так же, как и листья, были никому не нужны.

Но Марш предпочла «Тихушку». Бар с ироничным названием прилепился к белому подножию башни соседнего квартала. Музыка там всегда гремела так, словно владельцы «Тихушки» производили слуховые аппараты и готовили себе покупателей.

— Чего встала? — хмыкнула Марш, поднимая воротник пальто, чтобы спрятать лицо от ветра.

На воротнике еще остался след эссенции с синтезированным запахом дыма, и это было восхитительно. С дымом у нее всегда были только приятные ассоциации.

— Красиво, — прошептала Бесси.

Марш на всякий случай огляделась.

Ничего красивого она не видела. Синяя городская темнота, выкрасившая белые стены башен жилых кварталов.

Глухие башни, без окон, только в уродливой сетке внешних лифтов, тянутся в глухое и безразличное небо, в непроглядную муть, за которой изредка вспыхивают розовые и золотые огни аэробусов. Снизу башни обнимают огни — бары, лавочки, пристройки с магазинчиками. Сотни вывесок, синих, золотых, розовых и зеленых. И все одинаковые — название, резкий неоновый росчерк. Просто кислотные светящиеся клейма на зданиях. В такие моменты она даже рада была голубому искажению от повязки.

По башням, насколько хватало взгляда, ползли змеи голографических рекламных объявлений, к счастью, почти без портретов и маскотов — Марш этого терпеть не могла.

Марш больше нравились палатки, на них хотя бы не было вывесок, а освещение там было обычным, золотым. Еще бы, в золотом свете выпечка выглядела румяной, лапша — насыщенно-желтой, будто ее и правда подавали в крепком бульоне, а не разбавленном концентрате, а тонкие блины омлетов, вечно шкворчащие на широких жаровнях казались почти оранжевыми. Марш кто-то говорил, что самые вкусные яйца — с темным желтком. Она понятия не имела так ли это.

Пахло подтаявшим снегом, раскаленным маслом, имбирем, чесноком и холодными камнями. Марш терпеть не могла этот запах.

И ничего красивого не видела.

— Шевелись, — мрачно сказала она, дергая Бесси за ворот.

На мгновение ей показалось, что девчонка обиделась. Что она сейчас вырвется, пошлет ее и вернется домой, в свою синюю комнату с чешуйчатыми от плакатов стенами.

Пожалуй, тогда Марш бы даже немного зауважала ее.

Но Бесси пошла, кажется, даже не заметив грубости — она смотрела, как реклама универсального чистящего средства распадается на разноцветные кубики и собирается снова, превращаясь в рекламу новой модификации Аби.

Больше, чем слово «универсальный» Марш ненавидела только Аби.

Вывеска, тускло светящая розовым платьем веселой блондинки с огромной кружкой пива, мигнула, стоило ей подойти к двери «Тихушки».

На кружке было написано «0 %». Пиво, пожалуй, такое и было, до того, как хозяин

разбавил его запрещенным спиртом. Только вот девчонке в розовом платье забыли сообщить.

Вообще-то алкоголь был разрешен, только на объемы крепкого действовало ограничение, но все предпочитали делать вид, что очень заботятся о здоровье и рейтинге посетителей. Закупали безалкогольный алкоголь, кофе без кофеина и синтезированный фарш. Марш как-то спросила, нет ли где-нибудь поблизости борделя, где у шлях защиты все дырки. За такие вопросы даже рейтинг не списывали — обычно люди не соображали, куда кидать репорт, хотя Марш-то точно знала, что нужно жаловаться на попытку получения незаконных сведений.

Хорошо, что кругом идиоты.

В баре было темно, только на стенах светились зеленою неоновые надписи. Люди казались не то мертвецами, не то рыбками в аквариуме с подсветкой, и это было славно — Марш одинаково не нравились люди, мертвецы и рыбки.

Музыка гремела, как и всегда — густая, грозная, очень старая, судя по рычащему голосу певца, кажется, даже живого, а не сгенерированного Сетью. Лицензия на старую музыку стоила дешево, а эта наверняка шла бесплатно к пакету со скрипками и томными хрипами какой-нибудь толстухи.

А пахло здесь отлично — сигаретами, синтетическим кофеинизированным концентратом, вываренными чайными листьями, а еще кажется кого-то вырвало.

Вос-хи-ти-тель-но

Бесси попыталась вырваться. Кажется, она что-то спрашивала, но Марш даже при желании ее бы не услышала, а желания у нее как раз не было. И отпускать девчонку она не собиралась.

Она втокнула ее в бар и закрыла дверь. В зеленом дыму приветливо мигнул красный огонек, и Марш стала пробираться к нему по тесному залу, словно к маяку.

Чьи-то пальцы уверенно скользнули под фалды пальто. Она с улыбкой обернулась и крепко пожала прохладную ладонь под тонкой шуршащей печаткой.

Она не услышала ни короткого электрического треска шокера, ни слов, которыми ее обложили, но ладонь моментально выскользнула из ее пальцев.

Марш отошла на пару шагов и посмотрела на воротник. Аби молчал — репорта не было.

Вообще-то по сценарию репорт должна была отправить она. Такие, как тот, в перчатке, не очень цеплялись за рейтинг, по крайней мере не волновались о его незначительных понижениях. Только вот Марш не волновалась даже о значительных.

Красная искорка нетерпеливо мигнула.

Марш отодвинула затемненный экран и жестом скомандовала Бесси сесть.

Сама опустила на жесткое сидение, а потом неторопливо вытащила из кармана крошечную белую скорлупку. Победно улыбнувшись продемонстрировала сидящим, а потом положила в центр стола и резко ударила по ней ладонью.

По столу пробежали зеленые лучи. Марш слегка надавила на плечи Бесси, заставляя ее откинуться на спинку дивана, а сама подалась вперед, положив одну руку на стол, а другую, с браслетом, прижав к сидению.

За едва различимым краем черной столешницы расплзалась благословенная звенящая тишина.

— Ты принес? — напряженно спросила она Даффи, такого наглого, чернявого и до противного похожего на Аби без модификаций.

Даффи кивнул, даже не одарив ее одной из своих мерзких ухмылочек. Зацепил за край стола тонкую подставку с гибким щупом, на конце которого вибрировал рой синих искр.

— А без светилки не нашел?! — возмутилась Марш. — Что толку в этой дряни, если все знают, что это такое?!

Даффи с непроницаемым лицом надел на щуп елочный шар.

— Работает? — уточнила Марш.

— Да, работает, — заговорщицки прошептал Даффи. — Можем говорить. Зачем девчонку притащила?

— Я обещала пирожное, — мрачно ответила она. — Сгоняй, лапушка?

Щуплая светловолосая Иви, похожая на ребенка с фотографий из подборок про древние войны, сморщила крошечное личико и стала похожа на плачущего ребенка из тех подборок.

— Ты обещала — ты и сгоняй.

Марш на нее уже не смотрела. Она смотрела на рыжего Освальда, который нервно тер свой кривой пятнистый нос с такой силой, что тот покраснел, как у Брейсовского Деда.

— Что такое?

— Сны плохие снятся, — с вызовом ответил он. — А тебе — нет?

— С чего бы мне снились плохие сны, — фыркнула Марш. — И тебе должны сниться хорошие.

— Я в тебе не сомневался, — ухмыльнулся Освальд и продолжил тереть нос.

Только взгляд у него был. Нехороший. Марш видела такие взгляды у людей, которые собирались делать глупости. Поэтому она перегнулась через стол и заглянула Освальду в глаза.

— Ты помнишь о чем мы говорили?

Даффи принес глушилку, но они все равно старались не говорить прямо. Аби их не слышит — его микрофоны глушит музыка, которая здесь за тем и играет, а синие искорки под елочным шаром рассеивают те слова, что могли бы пробиться. Но Марш все равно не хотелось снова начинать воодушевляющую тираду.

Но, если подумать, какой у нее был выбор?

Неопрятные пятна разноцветного стекла застыли на белоснежном полу. Марш так радовалась этим окнам — старинным, в деревянных рамах, с настоящим витражом. Только в гостиной на первом этаже.

Как же, Гершелл разрешил.

Такая глупость.

Гершелл.

«Довольна, Арто?! Хватит смеяться, сука!»

Вообще-то это правда было смешно.

— Тебе что, мало? — настойчиво повторила Марш. — Ты говорил, что не знаешь, где брать рейтинг после выпуска. Вы все говорили. Вы не умильные сиротки, вроде этой, — она кивнула на Бесси, — которым присылают подарочные боксы и делают инфоповод из каждого их достижения. У вас другой промоушен. И что, когда чуть-чуть осталось — вы обосрались?

Три дома, заброшенных, слепых и черных, из старых построек. Тогда в каждой квартире были окна. Иви все ворчала, что это отвратительно и у нее от этих дырок в стенах приступы трипофобии, а Марш испытывала сентиментальные чувства к этому милому архитектурному атавизму. К тому же из окон красиво вырывалось пламя при взрыве — огню тоже хотелось

дышать.

Три дома, три комплекта взрывчатки и три симпатичных подрывных механизма в виде синих паучков. Три возможности для троих дурачков попробовать свои силы, и три возможности для Марш поверить, что теперь-то у нее все получится.

— Можно вести эфиры, — мрачно сказал Даффи.

— Ага, — удовлетворенно кивнула Марш. — Можно. Знаешь сколько таких, как ты ведут эфиры? Аве Аби! Покажи осу... ах, да.

Она подняла руку с браслетом, стараясь держать ее подальше от края стола и вручную зашла в галерею достижений. Быстро пролистала все формальные ачивки, и выбрала ту единственную, что чего-то стоила.

Синяя с серебром оса, «Лучшая акция недели». Три миллиона зрителей со всего мира. Со всего мира — всего три миллиона, целых три миллиона. Шесть миллионов жадных глаз и искривленных губ.

Ну. Может, глаз было чуть меньше.

Оса забила над ее ладонью, пытаясь вонзить жало в перчатку.

Бесси замороженно подалась вперед, и Марш позволила ей погладить злую ачивку кончиком пальца, а потом сжала ладонь, рассыпав осу голубыми искрами.

— Видели? Лучший эфир недели. Знаете почему у меня только одна такая ачивка?

Даффи молчал. Освальд перестал тереть нос и мрачно смотрел на жидкую пену в кувшине с пивом.

— Вы разъедетесь по жилым кварталам, жить на пособие и сражаться с соседями, — веско сказала Марш, — нихера никому не доказав. Будете собирать по тухлым конвентам очки симпатий по три-четыре позиции. Всю жизнь. Увлекательную и полную впечатлений.

— Что ты делала на эфире? — спросил Освальд.

Она улыбнулась.

Марш много заплатила за то, чтобы узнать о том, чего на самом деле хочет общество. Чего ждут три миллиона случайных зрителей в сети, что хотят жадные глаза и перекошенные рты.

Освальд тоже скоро узнает.

— Ты так не сможешь, — хмыкнула она.

— Почему нельзя просто показать записи? — оскалился Даффи. — У нас хороший материал. Как только снимут блок с Аби, можно будет выложить в сеть, и не придется больше ничего поджигать!

— Когда в следующий раз подтираться соберешься — возьми бумажку, сложи вчетверо, пронеси мимо жопы и смой в сортир, — посоветовала Марш. — Горящий дом — это еще не акция. И даже не инсталляция. За это рейтинг не дают. Аби понизит вас на двести... а кого-то из вас на двести семьдесят позиций, и через десять минут про вас все забудут. Но можно, конечно можно выложить записи подготовки без финальной акции. А потом создавать прочий беспроектный контент и верить, что проснетесь знаменитыми. Все уже попробовали вести канал-дневник и собирать конвенты с обзорами игрушек для наладонников? Только не говорите, что еще кто-нибудь пробовал на гитаре играть — это даже для вас слишком.

Она всю жизнь вела дела только вот так. Подставляя людям худшее в себе, словно под свет софитов, позволяя назначать себя виноватой, с готовностью принимая ответственность за чужие грехи. Ей не жалко — пускай. У нее много своих, и чужим места хватит.

Лишь бы люди, свалив на нее всю вину, делали что она хочет.

И они делали.

Освальд заткнулся и перестал тереть нос. Иви появилась из ниоткуда с картонной тарелкой, на которой лежало хрустящее слоенное пирожное. В присыпанных пудрой лепестках скрывалась взбитая с загустителем консервированная фруктовая кожура. В «Тихушке» такого не подавали, видимо, Иви пришлось сбегать в одну из палаток. Марш представила, как Иви мнетя, решая, купить ли самое дешевое пирожное. И как она не решается его купить.

Эта фантазия не принесла Марш никакой радости. Хоть пиво было хорошим — водянистым, почти без ржавого привкуса синтезированного хмеля, зато с хорошо ощутимой спиртовой горечью.

Она бросила быстрый взгляд на Бесси. Она сидела, зажав одно ухо ладонью, а второй отщипывала по кусочку от пирожного, которое поставила на колени. Наверняка Аби пытался перекрыть шум. Ей даже стало жаль Бесси — социальному помощнику в дохлом наушнике местную систему не переорать, как бы ни старался.

— Ты так осу получила, да? За взрыв? — спросила Иви, которой пересказал разговор Освальд.

Странно, что она вообще поняла, что он говорил — Марш казалось, что она просто слушает голос.

Она молча кивнула. Даже смогла улыбнуться. Ей нравилось когда люди сами придумывали истории и отговорки.

Оса. Эфир. Серебряная и синяя ачивка сгущается, сгущается на экране и над ее ладонью, а она смотрит, и вдруг понимает, что смотрит *не так*.

Манжета снова сжалась, и Марш незаметно погладила себя по запястью, отдавая команду. Острый клювик иглы безошибочно вошел в вену и тут же скрылся, впрыснув треть положенной дозы.

И оса растворилась в пронизанной зеленью темноте зала «Тихушки», а Марш вспомнила, какие слова нужно говорить.

Она не стала просить у манжеты полную дозу. Нужно сосредоточиться, как Леопольд учил. На чем-то настоящем, близком.

От ворота пальто пахло дымом. Ненастоящим.

А были звуки, настоящие — хруст пластика, вой пламени, визг сигнализаций. И запах — гарь, раскаленный бетон над холодным синим пустырем. Запах горючего, пропитавшего ветошь — Марш всегда полагалась на то, что нельзя отследить и опознать, что легко достать и можно изготовить дома.

Сейчас так почти никто не делал. Все полагались на технологии. Цифровой терроризм давно был проблемой куда серьезнее, чем редкие подрывники, сумевшие изготовить, пронести через десятки охранных систем и заложить самодельную бомбу. А те объекты, где не было охранных систем, казалось, вообще никого не интересуют. Люди словно забыли, что есть проверенные способы.

Те, что пахнут дымом.

Хакерские атаки, захват аватаров и аккаунтов, взлом голосовых помощников — вот как сейчас пытались писать историю. Короткий инфоповод, льдинка в кружке кипятка. Обнуленные рейтинги, и фотографии побелевших фарфоровых трупов, обличающие посты, сенсационные подробности — такие протесты и их последствия жили в Сети не дольше

пары минут. Потом их заваливало рекламой, обзорами, голографическими котами и глупыми шутками. Люди, может, помнили хакерские атаки чуть дольше — на пару часов.

Марш подняла лицо от воротника и попыталась сосредоточиться на сидящих за столом.

Даффи загремел в «Сад-за-оградой» за манипуляции с чужим аватаром — кажется, пытался проверить свою девушку, задавая вопросы от имени ее отца. Аватар был дорогим, а его взлом — сложным, поэтому Даффи мог попасть на очень крупный штраф, но он вовремя обратился в «Сад», заявив, что хочет исправиться. Его рейтинг заморозили на период реабилитации, но Даффи исправляться не захотел.

Освальд был единственным, кто попал в «Сад» за драку. Не в сети, не в чужом конvente, и даже сносного повода для драки не нашлось — просто случилась попойка, пьяный кураж и под утро приятель Освальда свисал с общественного балкона и истерически слал репорты и сигналы о помощи, а Освальд держал его за ноги и грустно рассказывал что-то про одиночество в толпе.

Иви жила с мальчишкой, который вел конвент почти на десять тысяч посетителей. Мальчик с удовольствием показывал всем красивую подругу, рассказывал трогательные истории о семейной жизни, и красивая подруга накопила неплохой рейтинг на очках симпатий. Марш посмотрела старые записи с того конвента — розовые диванчики, Иви со смазливой мальчишкой в одинаковых пижамах пьют какао из одного бокала, Иви испекла кривой корж, залитый блестящим синим сиропом, мальчик подарил ей подвеску-сердечко. Парные голографические татуировки, фотографии «моя прелесть уснула» до того, как «прелесть» начнет пускать слюни в подушку. Это все не могло кончиться иначе — мальчишка нашел еще одну прелесть, а Иви, на что была заторможенной, все-таки родилась в Дабрине, и вместо того, чтобы сделать из измены инфоповод и лишить мальчишку симпатий аудитории, выпила полбутылки «коктейля спиртового ароматизированного виски», поплакала и сломала сожителю руку.

Такие преступления Марш не устраивали.

Ей нравились настоящие вещи. Огонь нравился. И витражи.

«Хватит смеяться, сука!»

— И что превратит поджог... в акцию? — На лице Даффи наконец-то появилась ухмылочка, и Марш вдруг поняла, что он глупо проулыбался все прошлое собрание потому что боялся. И все равно пришел.

— Ты хочешь кого-то... убить? — последнее слово Иви прошептала, будто боялась, что ее услышат. Что слово «убийство» просочится через рассеивающие волны, звуконепроницаемое поле и оглушающую музыку.

— Нет, — честно ответила Марш. — Просто взорвать здание.

— Какое? — наконец спросил Освальд.

— Потом, — поморщилась она. — У меня есть несколько вариантов, надо все проверить. Обещаю только, что оно будет нежилым, и по соседству жилых не будет.

На самом деле она точно знала, какое здание она собирается взорвать. Знала каждую трещинку в его стенах, каждую складку малиновой драпировки, каждый изгиб черной решетки. И только об этом здании она не могла сказать до того, как будет заложена взрывчатка.

Даффи хмыкнул.

— А чего? Мне казалось, тебе жилой квартал взорвать — как почесаться.

— Горючки не хватит, — равнодушно сказала Марш.

— Я разработал план... чтобы мы смогли общаться... теперь. Нас ищут, думаю, нужна конспирация посерьезнее, — сменил тему Освальд. Вцепился в край стола, чтобы перестать чесать нос, тут же потянулся к лицу второй рукой — с браслетом. Раздраженно уронил ее и мрачно посмотрел на Марш.

— Ну? — поторопила она, потянувшись к кувшину с пивом.

— В общем так, — вздохнул Освальд. — Сначала мы создаем приватный конвент...

Он долго и очень нудно рассказывал про один, хорошо защищенный и провокационный конвент, который должен отвлекать внимание от второго, созданного якобы с целью бытового общения. О системе зеркал, программах для защиты информации, которые пишет знакомый. Лицо у Освальда было серьезное, Иви слушала его с неммым обожанием, Даффи — с вежливым интересом, а Марш, скучая, наблюдала, как Бесси, хихикая, что-то бормочет в рюши воротника.

Ей было тоскливо и завидно.

— Твой план — говно, — сказала она, когда Освальд закончил. — Во-о-от... — Марш развела ладони так, чтобы большие пальцы упирались в петлицы пальто. — Нет, вот такой, — она развела руки чуть шире, — вот такой толщины хрен засунут в задницу каждому из нас за выходку с анонимным защищенным конвентом, созданным для обсуждения поджога. Смотри, как умные люди делают.

Она достала из кармана толстую записную книжку и чернильный карандаш. Нежно улыбнулась им, погладила истертую обложку.

— Это что? — брезгливо спросила Иви.

— Записная книжка, — с каменным лицом сказала Марш. — Вы все усложняете. Я купила эту прелесть на барахолке в другом конце города, там распродавали имущество какой-то бабки, у которой дом был забит антиквариатом. Там даже был телевизор, представляете?

Да что они представляли. Вряд ли они знали, что такое «телевизор». А Марш была обидно. Только на барахолках она жалела, что не скопила достаточно денег, чтобы купить что-то кроме очередной салфетки, записной книжки или подсвечника. Не только опасные вещи были настоящими.

— И зачем она? — Даффи был единственным, кто смотрел на книжку с интересом.

Марш открыла ее на середине — первая половина пожелтевших страниц была исписана мелкими крючками и стершимися цифрами. Потом собрала чистые страницы и осторожно оторвала от корешка.

— Надеюсь, вы помните, как писать руками, кажется, всех учили в детстве. Типа моторику развивает, помните?

— Нахрена нам писать руками? — поморщилась Иви.

Марш вздохнула. Иви была без памяти влюблена в Освальда, и это было хорошо — ей было легко манипулировать, а в случае чего легко можно было пожертвовать. Да Иви сама бы собой пожертвовала не раздумывая, поэтому она была полезна.

Но какая же она была идиотка, хуже Бесси!

— Вот это шифр, — Марш, не ответив Иви, вырвала несколько листов, которые исписала сама, а потом стала раздавать чистые — по одному, словно в старой карточной игре. — Ключи к шифру будут динамичными, искать будем в первом за день обзоре на канале «Розочки и канапе».

— На каком канале? — улыбнулся Освальд.

Он из этих идиотов был, пожалуй, самый умный идиот.

— «Розочки и канапе», — невозмутимо повторила Марш. — Это очень популярный конвент Молли Рой, больше пятнадцати миллионов подписчиков. Обзоры тряпок, палаток и доставок жратвы, очень много котят, трепа о сохранении природы и пользе синтетического кофе. Аудитории почти поровну мужской и женской, подписчиков нашего уровня — четверть. Людям нравится чувствовать себя причастными. Бонусом за активное голосование и комментарии можно повысить рейтинг на пару позиций. Из первого за день обзора выписываем цифры, первая и четвертая пятерка — ключ.

— И ты думаешь нас не найдут? — спросил Освальд.

— А как? — поинтересовалась Марш. — В сети — никаких переговоров и назначений встреч. Мы просто будем посещать конвент. Таких, как мы там много — за рейтингом охотятся, а может правда думают, что синтетический кофе мир спасет.

Иви мечтательно прикрыла глаза. Марш видела все ее мысли, и мысли были солнечными и ясными.

Людям с низким рейтингом запрещено было покидать страну даже в туристических целях — все предпочитали держать грязь при себе, не показывая ее другим. Марш пока хватало рейтинга на брейсовские поездки по Эльбейну. Но ей было плевать — из всех мест, где ей не рады, она предпочитала свой жилой квартал и свою комнату.

Иви представляла море, такое, каким видела в погружениях, с запахом распылителя из парфюмерного магазинчика с пятнадцатого этажа.

— Тебе не хватит, — без издевки сказала Марш. — Там крошечные надбавки. Можешь всю жизнь шпаться по таким конвентам и накопить на право ходить в магазины в третьего класса. Вот тебе будет раздолье. Купишь рубашечку, где будет целых пять процентов шерсти.

Иви покраснела так, что казалось корни выбеленных волос подсветило розовым. Марш закрыла глаза, пытаясь вспомнить, как быть милой.

Ее же учили. У нее же получалось.

— А как передавать письма? — спросил Даффи, неловко глядя Иви по плечу.

Хороший мальчик. Сострадательный, добрый, жалко что без мозгов.

— Она будет носить, — Марш кивнула на Бесси. — Она дружелюбная, миленькая, всем нравится. Если бы не стеснялась собирать конвенты или вести сообщества — давно бы выбралась из нашей дыры на общественных симпатиях, но она стесняется. И вообще старается не высовываться.

— Почему нельзя просто собираться где-нибудь у центра? — спросила Иви.

На Бесси она смотрела с жалостью, словно ей не хотелось гонять девочку по городу.

— Потому что я в рот... я не стану бегать к вам через весь город. А еще потому что везде камеры и микрофоны. Ляпнешь что-нибудь — сработает триггер у ближайшего помощника, начнется запись. Тебе оно надо? Вы и так последний раз чуть не попались когда глюшилка сдохла. Всем все понятно?

Освальд и Иви одновременно кивнули. Даффи пожал плечами.

— И еще, — мрачно сказала Марш. — Если хоть один из вас додумается использовать для дешифровки Аби — лучше сразу покупайте лубриканты на все сбережения. Все, нужно расходиться, пока в ваши личные дела не полетели приписки, что вы бухаете в сомнительных местах и бедняжка Аби вас не слышит.

Марш прикрыла глаза и откинулась на спинку дивана, словно бросилась в холодную воду. Музыка ударила по ушам так резко, так больно, что навернулись слезы. Она потянула

Бесси за рукав и стала торопливо пробираться к выходу.

...

— Марш, Марш, ну стой!

— Да чего тебе?!

Она полчаса объясняла Бесси про письма. Что она должна ее слушаться, что нужно заходить к ней и носить записки куда она скажет. Говорила, что она сделает хорошее дело.

Бесси до того хотела быть хорошей, что на такое обещание ее можно было купить вернее, чем на десяток пирожных.

— Слон, — с отчаянием выдохнула Бесси. — Опоздаем... Пошли, пошли посмотрим?

— Ты что, каждый день ходишь смотреть это чучело?

Бесси кивнула.

Марш пожала плечами.

По вечерам вокруг кварталов пускали бродить голографических зверей. Вокруг их дома таскался огромный слон, вокруг соседнего, кажется, плавал косяк рыб. Это входило в благотворительную программу, что-то там про культуру и эстетику, Марш не помнила, только радовалась, что в ее комнате нет окон, которые пришлось бы завешивать чтобы эта дрянь не светила по вечерам.

— Снизу ничего видно не будет, — сказала она в надежде отвязаться.

Вообще-то ей ничего не мешало просто послать Бесси и пойти домой. Вряд ли она бы обиделась, а если бы и обиделась — уже завтра забыла. Но Марш хотела быть уверена в расположении Бесси. Мало ли что ей в голову взбредет.

Бесси смотрела на нее так, будто вообще не понимала, что Марш сказала.

— Хрен с тобой, пошли. Да не туда, к боковому лифту.

Боковым пожарным лифтом Марш пользоваться не любила. Никто не любил, особенно зимой — в открытом лифте было зверски холодно, а еще он скрипел и шатался.

Она втащила Бесси в проволочную клетку и провела пальцем по чешуйчатым ячейкам. Нахмурилась, а потом, ухмыльнувшись, дернула рычаг.

Опасно общаться с идиотами — тупеешь.

Лифт поднимался медленно, но по крайней мере не дергался вбок. Марш заметила еще нескольких любителей прекрасного в соседних клетка, и удивилась, сколько же людей ходили смотреть на это убожество. Сама она не помнила, когда видела голографического зверя в последний раз. Может, когда поздно возвращалась домой, хмурясь и отворачиваясь от навязчивой синевы?

Она не представляла, какой высоты слон. В пятнадцать этажей? В пятьдесят?

Она заметила отметку «65», выведенную черной краской на белой стене, и дернула за рычаг. Лифт, взвизгнув, остановился.

— Мы тут за-зачем? — от холода Бесси еще и заикаться начала. — Я сюда не хожу, упасть боюсь...

Марш молча пожала плечами и достала из внутреннего кармана длинную трубочку, серебристый тубик с узким носиком и стала выдавливать табачный концентрат в резервуар.

Сначала за поворотом разлился голубой свет. Потом вперед, словно снежинки, подхваченные ветром, посыпались серебристые искры летающих трансляторов.

Марш с наслаждением затянулась, представляя, как дым ее медленно убивает.

Вос-хи-ти-тель-но.

Бесси страдальчески поморщилась, но ничего не сказала.

— Аве Аби. Включи увертюру «Ливады» Бессена. Через динамик, — равнодушно
скомандовала Марш.

Она вдруг подумала, что пирожное — полная чушь, она даже не знала, любит ли Бесси сладкое. Но если уж ей так нравился слон — почему бы не обставить все как надо.

Динамик наконец выплюнул первую скрипичную партию, а потом зашелся барабанным боем.

Слон выходил из-за поворота медленно, словно ему действительно приходилось тащить грузное синее тело на этих несуразно длинных и тонких ногах. Марш посмотрела вниз — свет палаток терялся в вихре снежинок и зимней темноте.

Бесси замерла, забыв, что недавно морщилась от дыма.

Слон был действительно огромным. Марш угадала правильно — когда он наконец подошел, его серебряные глаза и короткий хобот оказались на одном уровне с их лифтом.

Бесси потянулась через сетку, чтобы дотронуться, и Марш пришлось ударить ее по руке — иначе она сбила бы один из трансляторов и влетела бы на штраф. Скрипки заглушила торжественная партия духового оркестра, в которой нарастала барабанная партия, красивая, ритмичная — предчувствие перемен.

Слон шел медленно, так медленно, что Марш успела околеть и пресытиться торжественной музыкой, а Бесси — рассмотреть его уши, похожие на крылья бабочки, золотую попону, которую не было видно с ее этажа и неестественный излом ног.

Марш слон был противен — особенно проклятые ноги, похожие на заточенные колья. К низу они темнели и светились тусклее. Казалось, что этот монстр в крови до самых вывернутых назад коленей.

Она закрыла глаза и сосредоточилась на трубке.

Наконец, синее свечение под веками погасло.

— Все? — спросила она, открывая глаза.

Бесси только кивнула. А в глазах столько восторга — будто правда что-то хорошее увидела.

Марш молча дернула рычаг.

Хотела бы и она радоваться такому дерьму, до чего проще была бы ее жизнь.

— Выключи, — скомандовала она Аби.

Динамик продолжал плевать обрывками скрипичной партии. Проклятый помощник постоянно барахлил, барахлил, сука, не реагировал на подходящие слова.

Было у него любимое слово на которое он всегда реагировал. Такое, что могло завестись только у Аби Марш.

— Погаси, — процедила она.

И музыка оборвалась.

Глава 4. Ничего не знает

Едва за ней закрылась дверь комнаты, Марш медленно опустилась на пол и несколько минут сидела, глубоко вдыхая знакомую домашнюю темноту. Она закрыла глаза — опустила настоящее веко и невербальным сигналом погасила повязку, позволив второму глазу наполниться вечной чернотой.

Манжету она уже не гладила — судорожно терла, умоляя помочь. И манжета — клювик иглы, быстрый укол и растекающийся по руке жар — помогла ей.

Ей было сложно признаться, но она любила свое неуютное социальное жилье. Все его шесть квадратов, черные стены, застеленную черным покрывалом тахту. Желтые светильники, белый стеллаж с мелочами с барахолки. Марш даже купила контрабандные ароматизаторы из Среднего Эддаберга. Это был единственный глупый, неоправданный риск — на нее могли пожаловаться в любой момент, стоило кому-то сунуть любопытный нос в ее комнату и унюхать незнакомую композицию, но Марш не смогла себе отказать. В комнате пахло горящим деревом и нагретым камнем. Смесь называлась «камин», а Марш знала, что такое камин и зачем он был нужен. И как пахнет горящее дерево тоже знала. Купила бы в легальном магазине, но для жителей Младшего Эддаберга все ароматизаторы производили из дешевого сырья, с навязчивой мыльной нотой.

Она позволила себе прополоскать легкие темнотой комнаты, вымыв из себя все, что вдыхала за день, а потом наконец стянула пальто и начала медленно растирать лицо кончиками пальцев. Иначе она не могла расслабиться. Губы оставались плотно сжатыми, под кожей словно натянули проволоку. Между бровей залегла морщина, а в глазу подрагивал зарождающийся тик. Самое мерзкое что в пустой глазнице под повязкой тик тоже ощущался.

— Я устала, — равнодушно сообщила она темноте.

Раздался сочувственный вздох распылителя. Проволочки медленно таяли под пальцами.

— Они пишут на стенах «теперь у нас есть голос» и ничего не говорят, пока я не скажу, что говорить, — нервно хихикнула она. — Представляешь? А тебе бы не понравилось.

Она встала и постучала пальцем по стене, командуя зажечь свет. Подняла с пола пальто, отодвинула панель у входа и не глядя повесила на крючок.

— Я им сказала написать «слава сенатору Кьеру», — продолжила отчитываться пустой комнате Марш. — А Иви спрашивает «кто это», как тебе? А Даффи как шикнет на нее — «дура, это тот, из порнухи, с двумя херами!»

Несколько секунд она молчала, словно предлагая кому-то вместе с ней посмеяться над Даффи, а потом подошла к стеллажу и уперлась лбом в одну из полок.

В стеллаже стояли несколько книг — старых, с порыжевшими рыхлыми страницами. Марш не знала языка, на котором они были написаны, и никогда не просила Аби переводить. Не хотела узнать, что там написана какая-нибудь чушь. И не хотела, чтобы личный помощник касался дорогих ей вещей. Она просто любила переворачивать страницы. Они почти не шуршали, буквы стирались, и иногда Марш специально размазывала их кончиком пальца. Наверное, это было нехорошо, но ее успокаивало растирание краски по шершавой бумаге. Словно она давила жучка, поселившегося под листом.

Но сейчас касаться книг не хотелось — ей было тоскливо, а от тоски книги никогда не помогали. Наверное, это все из-за Бесси. Марш уже столько раз пожалела, что вообще с ней связалась. План ей нравился, все было хорошо, только вот Бесси ее раздражала. Марш

завидовала, мучительно и горько. Эта на башку ущербная дурочка жила в мире с Аби, с окружающим убожеством и наверняка считала всех своих демонов плюшевыми игрушками.

Марш взяла с полки — между книгой в тканой красной обложке и фарфоровым черепашиным панцирем — ветхий черный веер. Села на пол и осторожно расправила тонкие реечки, соединенные полуистлевшей кружевной перепонкой.

Дурацкая штука. Завораживающе дурацкая.

Марш улыбнулась — невидимые проволочки под кожей снова натянулись — и взмахнула веером, позволяя ему поймать воздух в переплетение крошечных черных петель. И воздух вдруг стал осязаемым, тугим. Погладил лицо, смешав запах ароматизатора с едва заметными нотами пыли и старой ткани.

Марш бережно закрыла веер и вернула на полку. Она не знала, кто носил его раньше. Чьи прикосновения впитались в темное дерево, и ускользающий след чьих духов она ощутила в первый раз, когда только раскрыла веер в палатке у соседнего квартала. Помнила, что торговала старуха с темным лицом и старомодными зубными протезами, крупными и белоснежными. Помнила, что рядом с веером лежали какая-то рваная штука с крючками и проволочками, обтянутыми залапанным синтетическим шелком и грязная скатерть. Но веер позвал ее, словно хозяйка дотянулась из прошлого, разлив горькие ноты в холодном воздухе.

На полке ниже стояли белая чашка с единственной, почему-то красной трещиной на боку, крошечная синяя чашечка будто из кукольного набора, заводная медная птичка, которая больше не заводилась и не могла петь.

Настоящие вещи, вещи-с-историей. Раньше у людей было много настоящих вещей, а теперь только пустые клетушки в белых башнях. Всех устраивало — люди все равно большую часть жизни проводили в сети. А Марш почему-то было жаль всего этого барахла.

Леопольд Вассер тоже любил старые вещи. У него в кабинете на полке стояли семь нефритовых слонов — не таких, как на голограмме. Слоны крепко стояли на надежных, как стволы, ногах, и высоко поднимали хоботы.

Она помнила его слонов. И лицо — у него было такое оскорбительно обычное лицо. У великих людей должны быть какие-то запоминающиеся лица, а у Леопольда было совсем обычное. Да еще седая щетина, которая его старила, и волосы он стриг ежиком и не красил. И глаза у него были светлые, вечно растерянные, странно контрастирующие со слишком темными бровями.

Но Марш считала его самым прекрасным человеком на свете и, конечно, до сих пор ясно помнила его черты.

И помнила еще, что он всегда работал в белой рубашке. Говорил, раньше врачи носили белые халаты, а сейчас это было названо «раздражающим, тревожащим атавизмом». Марш могла бы много рассказать о раздражающих и тревожных атавизмах.

Пять лет назад она попала в «Сад-за-оградой» и провела там почти два года — по настоянию Леопольда. Она так и не вспомнила, почему ее туда привезли, а он так ей и не рассказал. Зато помнила приступы — ледяное беспомыслие и злость, вросшую внутрь, вросшую намертво. Злость была физически ощутима, черный паук с лапами-шипами, ползающий вдоль позвоночника и вгрызающийся в переносицу.

Марш понятия не имела, что делала во время приступов. Иногда слышала, как что-то трещит, словно пластик ломается, иногда приходила в себя с расцарапанным лицом. Наверное, пыталась достать паука.

Хорошо что Аби всегда успевал вызвать Леопольда. Это было единственное, за что

Марш была благодарна Аби, и эта благодарность помогала хоть как-то мириться с его существованием.

У Леопольда были таблетки, уколы и правильные слова. Он учил ее, как дышать, когда чувствует приближение приступа, складывать числа или читать стихи, чтобы сосредоточиться на монотонной задаче. Марш не понимала, зачем запоминать стихи, если Аби все равно всегда с ней и у него есть любой текст, но у Леопольда как-то удивительно ловко получалось запутать безумие в ритмичных строчках или бесконечном счете.

«Ты улыбаешься собственной пустоте, серые мысли: зачем это все тебе...» — и иногда серые мысли куда-то отступали.

Но главным, конечно, была манжета. Леопольд собрал для нее облегченную портативную капельницу с резервуаром для лекарства и шприцом. Обычные капельницы нужно было снимать, а эту можно носить постоянно. То, что нужно для человека, чье безумие всегда с ним. Кажется, он пересобрал из списанного браслета из-под Аби. Браслет был стальной, в кружеве проводов и без навязчивых светодиодов. Леопольд мог просто отдать его, но он решил заправить его в темный бархат с едва заметным серебряным шитьем. Сказал, что это обрезок перчатки его матери.

Сказал, что нужно носить красивые вещи. А Марш не носила — не умела. Только манжету носила, и то под рукавами.

В «Саду-за-оградой» никому не давали лекарств. Лекарств для жителей Младшего Эддаберга вообще-то было немного — обезболивающие, противопростудные, широкий выбор легальных эйфоринов, антибиотики и, конечно, мизарикорд. В случае серьезной болезни можно было попробовать получить лечение по страховке, но Марш в страховые случаи не попадала. Никакого расстройств комиссия у нее не нашла, поэтому ее и направили в адаптационный центр. Она каждый день сидела на мягких пуфиках в компании воодушевленных идиотов, и слушала тренера, который говорил ей принять себя и что все ее проблемы — от недостаточной степени самоосознанности. Ей говорили чаще гулять и пить больше воды, читать старые книги и заниматься творчеством — Марш приходилось часами сидеть в закрытом конвенте и раскрашивать виртуальные стены виртуальными красками.

И только Леопольд хотел ей помочь. Даже успел выдать ей рецепт на доступные лекарства, из которых можно было дома синтезировать нужные ей вещества. Он в нее верил, выстроил ее Аби несколько паттернов, чтобы он считал синтез лекарств творческим процессом. Если бы Марш хотела — могла бы изготавливать дома нелегальные эйфорины и торговать по всему кварталу. Но так поступить с Леопольдом она не могла.

Достаточно того, как она уже поступила.

Марш двумя руками взяла фарфоровый панцирь и прижала к щеке. Вообще-то это была черепаха. Когда-то, до того, как ей отбили голову и лапы. Продавец даже отшлифовал места сколов и пытался продать панцирь как «пресс-папье», настаивая, что это вовсе не битая безделушка. Что такое пресс-папье Марш не знала, но торговалась за панцирь почти час. Ей нравилось, что эта вещь была настоящей и не была хрупкой — вся позолота давно стерлась, краска почти выцвела, и теперь на белом, как замерзшее молоко, фарфоре виднелись только выцарапанные ромбики.

Она прижала панцирь ко второй щеке, чувствуя, как лицо наконец-то расслабляется по-настоящему. Фарфор всегда был прохладным. Казалось, что он вытягивает напряжение из-под кожи, и оно копится где-то там, под ромбиками и стершейся позолотой. Может, однажды панцирь треснет, и это будет очень, очень грустно.

Марш была очень благодарна маленькой черепашке без ног и головы. Она протерла ее рукавом и с сожалением поставила на место.

— Аве Аби, — вздохнула Марш. Не раздеваясь легла поверх покрывала и закрыла глаза, ловя под веки пустую темноту. — Выключи свет и открой конвент «Абиси».

Она дала своему конвенту безликое название, которое ничего не означало. Это был приватный конвент, личный, но Марш все равно мутило от одной мысли, что кто-то наткнувшись на его название в сети, решит попробовать его взломать.

— Чтобы выполнить запрос необходимо подключить гарнитуру.

— Надо же, а я бы не догадалась, — тоскливо пробормотала Марш, нашаривая на полу виртуальные очки.

Она купила их сама, лучшую модель из тех, что были ей доступны. Марш терпеть не могла тратить деньги и не любила их копить, но ради очков даже специально сэкономила. Без конвента она, пожалуй, давно бы забрала из социальной аптеки свою именную капсулу мизарикорда, заперлась бы на все замки и уснула бы в этой чудесной темноте уже навсегда.

Очки привычно сдавили виски и растеклись вокруг глаз амортизирующей подкладкой. Марш не глядя достала трубку и табачный концентрат.

В темноте и в сети ей нравилось еще и потому, что там не было навязчивого блюра повязки. Но прежде чем созданное ей пространство прогружалось, вокруг сгущался светящийся голубой туман, будто Марш лишилась обоих глаз. В такие моменты горло сжимало паническим спазмом, и больше всего хотелось сорвать очки, включить весь свет в комнате, даже старые гирлянды, в которых светилось по три-четыре огонька зажечь. Она себе не позволяла — для того, чтобы войти в ее конвент приходилось приносить жертвы. Это и делало его настоящим, не просто набором команд, правильно расставленных в правильном сегменте сети. Черепашка и дырявый веер были молчаливыми свидетелями — то, что никогда не знало жертв, не живет долго.

И спасения от этой жертвы не было, даже у мудрого Леопольда.

Сияние меркло, и вокруг сгущались стены в кремовом шелке, черные оттоманки и высокий ребристый потолок крыши башни.

Марш видела такую комнату в детстве, в одном из слайд-шоу, сделанном из старых иллюстраций. Ей всегда было жаль, что потеряны сказки, для которых рисовали эти картинки, но теперь она могла оживить хотя бы их отголоски.

Стрельчатые окна, клубящаяся серость за прозрачными звонкими стеклами. Марш больше не чувствовала жесткой подушки под затылком, и тика, и даже запаха каминного тепла. Остались только табачная горечь во рту и легкий звон в голове от электронной трубки с расслабляющим концентратом, которую она машинально подносила к губам там, наяву. Если бы она захотела — даже смогла бы смотреть обоими глазами, повязка синхронизировалась с виртуальным пространством. Но она хотела быть предельно честной. Здесь. Только здесь.

— Я пришла, — растерянно сказала она, глядя, как в сером тумане за окном мелькают сгустки теней.

— Я знаю. С кем ты сегодня говорила?

Марш медленно обернулась. Она нуждалась в этой иллюзии, нуждалась больше, чем в оставшемся глазе, но каждый раз ей приходилось бороться с собой, чтобы посмотреть на созданный ей аватар.

Еще пять лет назад ей не нужен был аватар, чтобы увидеть эту девушку. Выкрашенные в

зеленый волосы, серые глаза — оба серых глаза. Она не знала ничего о проволоках под кожей, не знала, как пахнет на пустыре после взрыва и никогда не ставила своих монограмм на паучков-подрывников.

Никогда не подводила Леопольда Вассера.

Куда проще было видеть эту девушку в зеркале, а не в приватном конvente, но Марш никогда не делала как проще.

— Я говорила с Даффи, Освальдом и Иви, — глухо сказал Марш, опускаясь на оттоманку. — Пообещала им, что после взрыва они будут популярны. И еще что они смогут... сделать что-то значительное. Высказаться.

— Ты молодец, — улыбнулся аватар. — Ты делаешь хорошее дело — им правда нужно дать возможность говорить. И нужно чтобы они привлекли к себе внимание. Не переживай, им не обнулят рейтинги — все давно поняли, что нужно поддерживать очками симпатий смелые конвенты и акции, иначе их будет становиться все меньше. И покрывать репутационные потери. На самом-то деле никому не хочется всю жизнь сидеть на желтых пуфиках в «Розочках и канапе» и слушать про кофе из мела и пыли.

— Ты так говоришь, потому что я пять лет назад так думала. Напоминаешь, какие мысли привели меня сюда.

— А ты не для этого меня создала? Чтобы говорить с собой пять лет назад?

— Я делаю плохое дело, знаешь? Я хочу, чтобы Рихард Гершелл не попал в этот свой... дом, который он строит в Среднем Эддаберге. Хочу, чтобы с него списали весь рейтинг, который он на нас заработал. Который на Леопольде заработал. И тогда мы снова посмеемся.

— Рихард любит своих выпускников, — мягко укорил ее аватар. Она пустилась на колени рядом с оттоманкой, коснулась ладони Марш — совсем как Бесси, только теперь она ничего не почувствовала. В очках не было функции тактильного восприятия.

Рейтинга не хватало.

— Рихард никого не любит, — процедила Марш. — Рихард — лживый кусок дерьма. Его только рейтинги волнуют.

— У него такая работа. Так всегда было. Он просто старается сделать так, чтобы всем было лучше.

— Вранье! Это Леопольд хотел, чтобы нам было лучше, а Рихард — только чтобы выглядело лучше! А потом Леопольд ошибся, — прошептала она, закрыв глаза. — Потом Леопольд решил помочь тебе. Знаешь, раньше, если в компании кто-то сделал что-то не то — никто не мог предвидеть последствий, в старых учебниках по маркетингу вообще говорится, что надо все время рисковать, а если обосрешься — делать вид, что это такой опыт. Это теперь с тебя автоматически слупят рейтинг, и можешь бубнить про опыт сколько угодно. И Рихард явно ничего так не боится, как обосраться больше, чем в тот раз.

Марш раздраженно фыркнула и поднялась с оттоманки. По лицу ее аватара прошла голубая рябь — изображение не успевало прогрузиться.

— Леопольд звонил? — этот вопрос девушка всегда задавала тихо, с оптимальными из перебранных Марш интонациями. Стоило чуть прибавить голосу силы — становилось слышно, что аватар, как и Марш, прекрасно знает ответ.

Вообще-то Марш дала аватару имя, но не любила о нем вспоминать. У каждого аватара должно было быть имя, иначе его не получилось бы сохранить. Марш, не думая, назвала Прошлую-Себя анаграммой собственного имени, но никогда не звала девушку с зелеными

волосами Шрамом.

А ведь это было честное имя. Настоящее.

— Конечно, — соврала Марш. — Он каждый день звонит.

Ведь пять лет назад она не знала, что Леопольд будет улыбаться, поправляя воротник перед зеркалом и глядя, как зеленая лампочка Аби на воротнике медленно становится оранжевой. Как у всех, у кого на браслете вместо рейтинга горят беспощадным рыжим светом петельки-ноли. И там, за петельками — единственная двойка, а за ней еще два ноля. Двести позиций. Если бы штраф вышел чуть больше — Леопольд был бы мертв. Как все, для кого среди нолей не нашлось спасительной двойки. Как все, кто с рождения носил в себе капсулу с ядом, которую активировал браслет. Как все. Как каждый в Младшем Эддаберге.

Марш не знала, больно ли умирать от обнуленного рейтинга, но тогда ей было страшно, до одури, до тошноты.

Не знала, что будет таращиться на его застывшее лицо, черный свитер и слишком прямую спину, и уж точно не знала, что внезапно начнет смеяться, потому что отчаяние не уместится ни в слезы, ни в крик.

«Довольна, Арто?! Хватит смеяться, сука!»

Пять лет назад Марш не знала, что Рихард Гершелл умеет так орать, и что он способен рискнуть целой сотней позиций рейтинга, чтобы вклеить пациентке пощечину.

А Леопольд понял. Он обернулся, и смотрел как она смеется. Он ее такой и запомнил — согнувшейся от хохота и размазывающей по лицу выступившие слезы, смешанные с черным пигментом.

Красота.

Наверное, Леопольд все понял.

Вообще-то это правда было смешно, и теперь-то Марш это знала.

— Значит, мы скоро увидимся, — улыбнулась девушка.

Марш не отвечала. Ее второй аватар, одноглазый и всезнающий, замер на оттоманке.

Она спала. Снова уснула, уронив на глухой черный пол трубку с окутанным паром мундштуком.

Утром у нее на лице будут красные линии от очков и придется капать под повязку обезболивающий раствор. Но Марш было все равно, потому что даже во сне она знала, что лучшая версия ее неподвижно стоит, опустив руки. Смотрит на ее нынешний аватар, замерший на оттоманке и улыбается, потому что еще ничего не знает.

И не узнает никогда.

...

Электронное табло в приватном конвенте для репутационного отдела «Сада-за-оградой» стрекотало и щелкало с самого утра. Анимированное в виде медного барабана с пластинками из слоновой кости, оно вращалось без остановки. Пластинки стучали так часто, что звуковой сигнал не успевал за движением, изредка пропуская удары. И, конечно, значение рейтинга на табло вовсе не росло.

Рихард сидел на полу в конференц-зале, через трубку потягивая плотный белоснежный пар из стеклянного шара, и пытался бороться с искушением добавить туда тройную дозу расслабляющего концентрата. Прямо на работе. Мысль, что через стенку находятся комнаты пациентов, половина из которых здесь за сбыт или изготовление запрещенных веществ, только подогревала это желание.

В зале было тихо и темно. В конференц-зале было пусто и темно. У пустых столов,

выстроенных вдоль стен, громоздились пустые серебристые стулья. Перед Рихардом стояло ярко-желтое кресло — разумеется, пустое. Он его не видел, но почему-то это место для невидимого собеседника казалось ему совершенно необходимым.

— Сука, — сообщил он.

Виртуальные очки внезапно стали ужасно неудобными — наверное потому что показывали ужасно неудобную картинку.

Аби предоставил ему три отчета по упоминаниям «Сада-за-оградой» в сети. Людям было интересно. Люди ждали четвертый пожар. Люди осуждали персонал «Сада» за некомпетентность. Пока — не часто. Пока — осторожно, лишь слегка касаясь темы, будто она могла обжечь.

Но Аби еще предоставил ему прогноз, а впрочем, Рихард и без прогноза все знал — скоро люди назначат его виноватым. Табло уже крутилось с бешеной скоростью, но крутился только сектор с долями процента, и полные позиции терялись по одной. Что если скоро начнут вращаться все пластины?

Анализ, конечно, ничего не дал. Аби просто вытащил ему кучу записей и фотографий с зубами и заборами, а еще вывалил все статьи и интервью в поддержку сенатора Къера, с частных и официальных конвентов. И, конечно, песни. «Теперь слышишь, как поём» нашлось в конвентах почти трех сотен молодежных групп с сгенерированной и живой музыкой, и почему-то в конвентах трех доставок еды и двух борделей.

Раздался нежный переливчатый сигнал, означающий, что в конвент зашел еще один участник, и Рихард-наяву болезненно поморщился, пока его аватар выполнял невербальную команду улыбнуться.

Тодерик Ло всегда звонил с утра. Рихард предпочел бы начинать утро с удара по больному колену, а не с разговора с начальством. Замена была почти равноценной, потому что Тодерик Ло тоже бил по больному, только за удар по колену рейтинг не списывался, а добавлялся в качестве компенсации, поэтому выбор был очевиден.

Рихард слушал Тодерика молча. Аватар начальника отдела репутации социальных объектов пятого сектора был высоким, подтянутым мужчиной в темно-синем шерстяном костюме с золотым шатленом. Тодерик стилизовал аватар под старые плакаты, превратившись в анимированного персонажа, даже блуждающий блик на сахарно-белоснежных зубах не забыл добавить. Рихард развлекал себя мыслями о том, что художники, которые двести лет назад рисовали всех этих идеальных людей, подумать не могли, что прикрываться их героями будет старый хрен с трещиной слухового аппарата на плешивом черепе. Сам Рихард выбрал для аватара персонажа со старых подписанных слайдов — угрюмого, нарисованного серыми красками инспектора полиции, которому в каждом выпуске оставалась ровно неделя до пенсии. В каждом выпуске его пенсия все откладывалась, а дела становились все запутаннее. Очень уж сочувствовал Рихард этому мужику.

Но он не будет таким, вот уж нет. Рихард получил разрешение на строительство в Среднем Эддаберге два года назад, и его дом — прекрасный дом, симпатичная белая ячейка в сотовом квартале — был почти достроен. Скоро он навсегда оставит Младший Эддаберг с его синтетической жратвой, социальным жильем, дерьмовым куревом и ограниченным контентом. Он получит не только окна и белые стены, он получит доступ к тем конвентам, на которые ему раньше не хватало рейтинга. И сейчас не хватает, но ачивки «гражданин Среднего Эддаберга» и «владелец недвижимости» дадут недостающие позиции.

На самом деле Рихард с трудом представлял Средний Эддаберг, как и все жители Младшего. Он, конечно, ездил в Нижний Дабрин, Нижний Эльмар и другие города «социального» сегмента Эльбейна, но в Средних никогда не бывал. А о Старшем Эддаберге он понятия не имел — границы свято соблюдались как наяву, так и в сети. Даже контрабандный контент не проходил.

Рихард, конечно, считал это мудрым. Незачем дразнить людей, которые никогда не достигнут такого уровня. Говорят, из-за этого раньше революции начинались.

Рихард слушал голос как белый шум — Тодерик все равно ничего не советовал и даже не критиковал, только выражал свое бесконечное недовольство, — до тех пор, пока не услышал слова «вопиющая некомпетентность». Это был единственный триггер, на который стоило реагировать.

— Никто из пациентов не может быть причастен к поджогам, — осторожно начал Рихард. — Мы провели конференции с медицинским персоналом и отделением психотерапии, и...

— Мистер Гершелл! — аватар Тодерика обворожительно улыбнулся и поднял руку в сочувствующем жесте. — Эти слова показывают, что вы забыли о миссии компании! Вы ведь перечитывали поправки к уставу?

— Разумеется.

Разумеется, Рихард их не перечитывал. «Поправками» обычно назывались переставленная запятая или замена «специализированного фармакологического обеспечения» на «специализированное медикаментозное обеспечение» (далее — «фарм.»). Однажды Аби пятнадцать минут шуршал бумагой, поминутно извиняясь, пока не выяснил, что в этот раз о внесении поправок просто отчитались, поленившись передвигать запятые.

— Тогда вы и остальной устав перечитывали, и помните, что совершенно не важно, в чем вас заверяет медицинский персонал. Их задача — благополучие пациентов. Это не они — «Сад-за-оградой». Если мы будем слушать врачей, центр лишат финансирования, а нас — общественных симпатий...

Рихард молча кивал. Тодерик был прав — на закрытых собраниях врачи и психотерапевты часто предлагали совершенно негуманные методы решения проблем.

Леопольд был таким — все носился со своими пациентами и требовал для них медикаментов, а не общей терапии.

Особенно с девчонкой возился, этой... Марш Арто. Говорил, что она больна и ей нужно «настоящее» лечение. Можно подумать, она не могла лечиться дома — в социальной аптеке есть все лекарства. Если человек опасен для окружающих или себя, он может дать указания Аби и запереть двери.

Рихард вообще не хотел ее принимать, связываться с настоящими больными было себе дороже. Даже пациенты с депрессиями нет-нет да выкидывали что-нибудь вроде демонстративного самоубийства, но их хотя бы можно было показывать на конвентах. Если, конечно, они попадали в «Сад» за то, что легко оправдать. Желательно — нарушали общественное спокойствие, угрожая демонстративным самоубийством, вот с этими работать было одно удовольствие. Но Марш была не такая, нет. Ее вообще никому нельзя было показывать, Леопольду в первую очередь.

Рихард ведь пытался объяснить, что к ним ездят комиссии и держатели популярных конвентов, и что им показывать — людей на транквилизаторах? У них реабилитационный центр, а не сумасшедший дом. Сумасшедшим домом «Сад-за-оградой» был восемьдесят лет

назад. И где теперь Марш Арто, где теперь Леопольд?

Да, Тодерик Ло был прав. Не стоило апеллировать к мнению врачей. Они ничего не понимали в том, как должен выглядеть реабилитационный центр.

Рихард медленно вдохнул пар, густой, как пена.

— Вы правы, мистер Ло, — сказал он. — Я проведу еще один... сеанс с пациентами. И с будущими выпускниками.

— И с ищейкой.

— Что?..

— С ищейкой. Вы смотрели анонсы на почте?

— Я не... нет, еще не ознакомился.

Рихард точно помнил, что Аби сказал, что писем нет. Варианта было два — либо личного помощника нужно было опять перенастраивать, либо Тодерик забыл отправить письмо. Рихард склонялся ко второму варианту.

— Завтра после трех к вам прибудет карабинерская ищейка. Мне обещали, что вопросы будут задать исключительно формальные, но лучше бы вам поднять ваш... архив. Если вы так уверены, что никто из пациентов к поджогам не причастен...

Рихард не был уверен. Разумеется, он не мог быть в этом уверен! Выпускникам позволялось на два часа в день выходить в город, потому что иначе пришлось бы отвечать на вопрос «почему люди, которые уже прошли весь курс терапии содержатся под замком». Конвентщики любили такие вопросы, а Рихард вот терпеть не мог. И прекрасно понимал, что любому из выпускников могла прийти в голову дурацкая идея поджечь какую-нибудь развалину.

Только вот почему развалинами так заинтересовались карабинеры?

Наверняка из-за надписей. Да, точно ведь из-за надписей. Нужно было выезжать и закрасивать эти проклятые лозунги, пока никто не увидел. Особенно про сенатора Кьера, который набирал очки репутации, высказываясь против системы социальных рейтингов. Он был не первый такой оригинал, обычно после выборов вся борьба заканчивалась, и самому сенатору Кьеру за альтернативное мнение светили только дополнительные очки симпатий, а вот тем, кто пишет его имя на стенах — очень много неудобных вопросов.

— Конечно, уверен, — бодро соврал Рихард. — Мой архив к услугам ищеек.

— Все-таки хорошая была идея, с этими вашими... исповедями, — смягчившись, сказал Тодерик. — Свежая, оригинальная, до вас никто такого не делал. К выпуску все готово?

Забавно. Когда он переставал злиться, его нарисованный красавец-аватар переставал улыбаться.

— Да, — с облегчением ответил Рихард. — Я нанял декораторов, пригласил попечителей и администраторов конвентов с теплой аудиторией... отчет отправил три дня назад. Должен получиться хороший эфир.

— У вас есть драматические персонажи? — Аватар Тодерика снова заулыбался, но на этот раз улыбка вышла почти психопатичной.

— Есть Анни, ну та, которая дядю убила, — напомнил Рихард. — Ставку в программе делаем на нее, для второстепенных ролей — девчонка, которая сломала руку сожителю и мальчик, который устроил драку на балконе. Оба из Дабрина, обаятельные и хорошо шутят.

Рихард любил когда к нему попадали такие пациенты. С мелочами вроде обычных пьяных драк и краж работать было неинтересно и небезопасно — выйдя из центра, после того как Рихард громко отчитался о прекрасно проделанной работе, такие пациенты

частенько крали и дрались снова. И иногда возникали вопросы о прекрасно проделанной работе. В таких случаях Рихарду приходилось выступать на нудных конференциях в третьем своем аватаре — идею он бессовестно украл у Тодерика, нарисовав плакатного персонажа — и говорить, что государство сделало для этих людей все, что могло, но не все поддаются перевоспитанию.

Общество дало им уютные интерьеры и оборудованные комнаты. Квалифицированных тренеров, которые проводили до четырех практик за день — дыхательная гимнастика, медитации, сеансы саморефлексии и мотивационные часы. Даже чаем их поили на церемониях. Все, что нужно нормальному человеку, чтобы осознать, что он был неправ и исправиться, а если он не желал понимать и исправляться — что же, в один прекрасный день такой человек мог обнаружить оранжевый сигнал на своем воротнике. Общество легко избавлялось от тех, кто не хотел следовать его правилам, не был обаятельным или не умел думать головой.

С убийцами, конечно, было сложнее. Большинство убийц не попадали ни в какие центры — это была работа для карабинеров и их исправительных камер. Но стоило убийце проявить чуть больше изобретательности — как Анни — и общество готово было согласиться, что именно это убийство — «социально приемлемое» преступление. Из этого Рихард раскручивал хорошие истории, поднимал рейтинги и писал отчеты зеленым торжественным шрифтом, а если Анни еще кого-то убьет — Рихард и из этого сделает трагическую историю о девушке, которой даже лечение не помогло и пришлось обнулить паршивке рейтинг.

А вот из настоящих жертв насилия и растления Рихард предпочитал сенсаций не делать. Говорил себе, что они не умеют вести себя на конвентах, но на самом деле ему почему-то претила эта мысль. Одно дело рассказать аудитории мильную сказку, а совсем другое — трогать настоящие трагедии. Настоящие трагедии были нестабильны и непредсказуемы, настоящие трагедии отчетливо горчили будущими сомнениями и муками совести, и Рихард предпочитал оставлять тех, кто действительно нуждался в помощи, врачам. Идеалистам вроде Леопольда, вот у них хорошо получалось. А перед Рихардом высоких задач не стояло — только сделать так, чтобы у идеалистов была хорошая репутация.

Это хорошо получалось у него.

Часто. Чаше, чем не получалось.

— Хорошо, — прервал его размышления Тодерик. Рихард только сейчас понял, что мистер Ло молчал все это время, и их аватары просто стояли неподвижно под шелкающим табло, улыбаясь друг другу как идиоты, и каждый при этом думал о своем.

— Сделайте пару анонсов будущего выпуска, объясните людям, что горящие вокруг центра дома вовсе не означают, что поджигатели — наши подопечные. Или придумайте историю — не знаю, скажите, что это такой вид терапии.

Рихард почувствовал, как очки врезались в кожу — наяву он перекосялся от удивления так экспрессивно, что у аватара сработал триггер, и усталые глаза персонажа в черных росчерках морщин округлились, как у анимашки. На кой хрен он вообще добавил этот эффект?..

Тодерик никогда не давал советов. И редко говорил умные вещи. Впрочем, это не повод так реагировать — пожалуй, все же не стоило добавлять столько концентрата в курительную смесь.

Аватар Тодерика вскинул нарисованную бровь.

— Потрясающая идея! — поспешил заверить его Рихард. — Неоценимый совет, позвольте теперь направить пробужденную им энергию в рабочее русло!

Рихард почему-то надеялся, что Тодерик поймет, что он издевается. Даже к штрафу был готов. Но чуда не произошло.

— Надеюсь, следующий отчет тоже будет зеленый, — белозубо оскалился Тодерик. — Удачного вам дня, мистер Гершелл!

— Удачного дня, — ответил Рихард пустому пространству конвента.

Тодерик отключился от конференции, а барабан с пластинками продолжал вращаться.

Глава 5. Решетки, башни и катакомбы

Предчувствия Марш не обманули — она проснулась с красными отметинами от очков и затекшей шеей. И пробуждение нельзя было назвать приятным — первым, что она увидела, было ее собственное лицо, уставившееся на нее серыми глазами, подсвеченными голубым сигналом автосохранения.

— Гадость какая, — с отвращением пробормотала она, стягивая очки.

Нужно взять в привычку выходить из конвента перед сном.

В общей ванной висел плотный пар, пропахший апельсиновым концентратом — почти все соседи успели проснуться, принять душ и оставить на белом кафельном полу неопрятные мыльные лужи, которые еще не вытерли сердитые зеленые лаборы-уборщики.

Несколько кабинок были заняты. Из одной доносился неритмичный переливчатый вой, и Марш с тоской поняла, что головная боль усиливается на высоких нотах. Она искренне понадеялась, что человек за матовым пластиком бьется в агонии и так пытается позвать на помощь.

В первой же свободной кабинке было сыро, а на кафеле виднелись чьи-то разноцветные волосы. Марш иногда думала, ненавидела ли бы она людей хоть немного меньше, если бы у нее была личная ванна, как старых домах. Этим утром она была готова поверить, что очень любила бы людей, будь у нее личная ванна.

Наконец она нашла чистую кабинку, приветливо подмигивающую серебристыми распылителями. Несколько минут стояла, растирая по лицу водяной туман с резкой отдушкой — Марш знала, что чем больше в воде ароматизатора, тем хуже она очищена, и в этот раз фильтр явно забился больше нормы.

Вернувшись в комнату она долго разглядывала лицо в зеркале. Наверное, повязку все-таки стоило снимать, хотя производитель обещал, что в ней можно мыться и спать. А еще обещали, что не будет искажений.

Марш, усмехнувшись, выдвинула встроенную панель, достала одну из плоских черных банок и широкую кисть.

Она собиралась ехать в Старый Город, а врачи не советовали выезжать из кварталов без защитной краски. Говорили, что там слишком много пылицы, пыли, неэкранируемого солнечного света. Вообще-то можно было носить маски, но Марш не хотела — пугать людей белым лицом с синим пятном повязки было куда веселее, чем весь день потеть в дерьмовом пластике и с трудом втягивать воздух из переносных фильтров. Лучше краска и респиратор.

Старый город Марш любила, несмотря на то, что лишила его трех домов. На лекции по истории Младшего Эддаберга в общем образовательном блоке отводилось всего несколько занятий в год, но Марш прекрасно поняла все, чего не сказали лекторы.

Раньше дома были дороги в обслуживании, ненадежны и требовали множества дорогостоящих модификаций — окон, да не простых, а разной формы, с хорошими видами, широкими подоконниками. Балконов, тоже обязательно разнообразной формы. Эстетичных фасадов, украшенных подъездов, ухоженных дворов. Все это трескалось, откалывалось, ржавело и ветшало, а из окон сквозило. Стекла еще бились, говорят, и это с некоторых пор Марш особенно веселило.

А нужны балконы и ухоженные дворы были, чтобы люди не сходили с ума. Потом архитекторы наконец-то додумались, как построить систему вентиляции так, чтобы окна

стали не нужны, и как построить устойчивое здание такого размера, чтобы в него вмещался небольшой город. Конечно, ради устойчивости пришлось пожертвовать даже большей частью перемычек, и жилые кварталы стали просто белоснежными параллелепипедами, зато жильё там было дешево и реже требовало ремонта. Только фильтры в вентиляционной системе надо было постоянно менять.

И теперь Старый Город раскинулся вокруг жилых кварталов, которые не видели его слепыми белыми стенами. А Марш видела.

Аби каждый день пытался зачитывать ей официальную рассылку. Там обязательно говорилось, что Старый Город нужно снести окончательно, и что культурной ценности дома не представляют, а денег на реставрацию ни у кого нет. Изо дня в день, вот уже лет семь Марш шикала на Аби, чтобы заткнулся, а Старый Город так и стоял. Зарастал высокой живой травой, в которой каждую весну распускались крошечные красные цветы, первые этажи домов укрывал мох, а верхние — вьюнки. Зеленые нити проникали в трещины и сердито расталкивали потемневший камень и бетон, постепенно поглощая и переваривая дома, мостовые и дороги.

А зимой зелень тускнела, и обнажался бурый камень в черных узорах трещин.

Но Марш ездила сюда не для того, чтобы любоваться стенами.

...

Аэробус прибыл на платформу через полчаса. Марш сидела на самом краю платформы и курила, шурясь на проносящиеся внизу огни.

— Репорт за демонстрацию несовершеннолетним пагубных привычек, — просипел Аби.

Хоть бы раз утра доброго пожелал. Марш, не оборачиваясь, подняла руку и показала людям у себя за спиной разведенные указательный и средний пальцы.

— Репорт за оскорбление, репорт за оскорбление, репорт за...

— Сколько? — мрачно спросила она, морщась от настойчивого бормотания.

Как жаль, что Аби нельзя заткнуть. Человек должен все выслушать, всех недовольных пересчитать.

«Интересно, что Аби сказал Леопольду? — вдруг подумала она. — Он же получил один крупный штраф. Официальный, наверное...»

— ... за оскорбление. Ваш рейтинг понижен на четыре позиции.

— Всего-то? — хмыкнула она. — Как бы я начала день без порции общественного неодобрения.

Вдалеке тяжело загудел аэробус. Марш нехотя встала с платформы и отошла за линию — не хотелось попасть в трубу. Если уж она решит умирать — найдет способ получше, чем быть размазанной по разноцветной летающей железке.

Аэробус снижался медленно. Огромный и неуклюжий, с круглыми боками и злым острым носом, он навис над платформой мерцающим датчиками днищем, снижаясь так медленно, что Марш начала сомневаться, что вообще хочет куда-то ехать. Наконец, с шорохом выехал трап, зацепившись за приветственно выдвинувшиеся пазы. Люди на платформе не двигались. Раздался едва слышный треск, и по бокам трапа сгустились темные поля, которые должны были не дать пассажирам упасть и успокоить тех, кому было страшно идти по доске над разноцветной пустотой. Марш считала, что поля можно было смело делать прозрачными — люди бросились в переполненный аэробус так, как будто их эвакуировали из-под обстрела.

Она позволила толпе подхватить себя и втолкнуть на нижнюю палубу. Марш тут же

вильнула в сторону и села на ближайшее свободное кресло — никто не хотел садиться на нижней палубе, еще и у входа, но именно там обычно и было единственное свободное место в давке. Пока остальные надеялись пробиться наверх, Марш успевала удобно устроиться внизу.

Дверь с шорохом закрылась. Тонированные борта аэробуса были прозрачными внутри, и Марш смотрела на людей, оставшихся на платформе. На медленно вползающие трапы и на то, как платформа, наконец, уменьшается, и люди уменьшаются, и только башни остаются огромными, белыми и несправедливо уродливыми.

Женщина рядом заерзала и что-то забормотала, но Марш не оборачивалась. Терпеть не могла разглядывать соседей.

Аэробус набирал высоту. Палубу заливало нарастающее гудение, а днище дребезжало и тряслось, как будто вот-вот распадется на пластины, разбросав людей по трубе. Неудивительно, что все первым делом щемились на верхние палубы.

Ее соседка зачем-то начала пробираться к выходу. Марш почувствовала, как начинает дергаться глаз, и это было вдвойне обидно, потому что глаза, который бы не дергался, у нее не было.

Отвлечь себя мрачной шуткой не получилось — на сидение рядом снова кто-то сел. Марш надеялась, что ее заденут и не извинятся. Тогда можно будет отправить на соседа репорт за какое-нибудь травмирующее вторжение в личное пространство, а то и на непреднамеренное физическое насилие, если вдруг ей наступят на ногу.

— Вы летите в Старый Город? — спросил ее сосед. Громко, чтобы перекрыть гул.

Голос был мужской. Этот человек поменялся с женщиной местами — значит, собирался догнать ее разговорами. Это было очень обидно.

Она не стала отвечать. И оборачиваться. Вроде правила, по которому нужно разговаривать с каждым мудаком, который решит рядом с тобой рот раскрыть, пока не ввели.

А если ввели — ну так она может и с еще одной позицией рейтинга расстаться.

— Вот по глазам вижу, что летите, — продолжал он.

— Думаешь, это смешно? — мрачно спросила Марш, все-таки обернувшись.

Рядом сидел парень в темном немарком комбинезоне. Парень был отвратительно жизнерадостный, полный, с ясными голубыми глазами. Его лицо, так же как ее, было покрыто жирной белой краской. Только он зачем-то нарисовал еще голубые линии на щеках.

— Простите, я... — он трагически заломил белые брови.

— Ты видел в отражении, что повязка светится, — перебила Марш. — Так что завали хайло, или я отправлю репорт за оскорбление чувств людей с ограниченными возможностями.

— За травмирующий акцент на объективном физическом изъяне штраф будет больше, — подсказал он.

— Аве Аби. Жалоба на травмирующий акцент на объективном физическом изъяне.

— Аве Аби. Репорт за оскорбление.

— Репорт за оскорбление. Ваш рейтинг понижен на треть позиции, — скрипнул Аби.

— Это за «хайло»? — равнодушно поинтересовалась Марш. — Ну молодец, меня оштрафовали на треть позиции.

— А меня — на две, — улыбнулся парень. — Нетерпимым быть дороже, чем хамить.

Его зубы были желтее, чем краска на лице, и Марш очень хотела, чтобы он закрыл рот и

больше его не открывал.

— Я рада.

— Я тебя знаю, — заявил он.

Марш отвернулась. Там, внизу, тянулась бесконечная белая крыша четвертого квартала, разрисованная и исписанная. Сверху все рисунки и слова казались просто хаосом цветных пятен. Ночью это хотя бы красиво светится.

— Я тебя знаю, — повторил он.

— Молодец.

— Ты собираешь на свалках и разборках провода и аккумуляторы. Зачем?

— Делаю дома электрических зверушек для соседских детишек. Очень меня любят соседские детишки, как увидят в коридоре — сразу бегут, кричат «Тетя Арто, тетя Арто, чего нам принесла?» — бесцветно ответила она. — Что тебе надо от меня?

— Разборку закрыли, — сообщил он. — Меня зовут Бэлфоер. Бэл.

Марш почувствовала, как сердце пропустило удар. Даже манжета предупредительно сжалась.

Разборкой называли огромную свалку, куда свозили неликвидную технику со всего Младшего Эддаберга. Там можно было найти можно было найти все, что угодно — от старого боевого лабора еще с легальных Стравок, до почти рабочего настенного экрана. Но желающих копаться в мусоре находилось немного — у Старого Города была плохая репутация. Слишком много солнца для городских жителей, и слишком много тех, кто умел обходить ограничения Аби. К тому же техника была дешевой, а значит, не было смысла собирать что-то дома.

Но для Марш-то смысл был. В своем квартале не купишь запал, горючее и пусковое устройство. Даже расходников для четвертого паучка не найдешь.

— Что значит «закрыли»? — Марш отвернулась от крыши пятого квартала.

Там, в вихре кислотных росчерков виднелось огромное, лазурно-синее «Отсоси!»

— Значит, что кто-то стукнул, что кто-то таскает расходники с разборки, — безжалостно ответил Бэл. — Для подрывной деятельности, — хохотнул он, только глаза его вовсе не смеялись. — Ну ты понимаешь.

— Нет.

Он не мог знать, зачем Марш ходит на разборку. Она была не единственной на шесть кварталов Младшего Эддаберга любительницей старья, а расходники, которые она забирала, одинаково годились и для взрывчатки, и для электрических зверушек на подарки соседским детишкам. Она за этим следила.

— Какие-то энтузиасты, — заговорщицки зашептал Бэл, наклонившись к ней, — из потрошков боевых лаборов со Стравок собирают хлопушки и фейверки. Закладывают потом на пустырях, где совсем-совсем нет домов и поджигают. Красиво, конфетти во все стороны, искорки разноцветные. Небось детишки радуются.

— Надо же.

— И вот недавно на разборку пришли карабинеры. Подошли к другу моему, Фреду, значит, по головке погладили, леденец ему вручили — даже не синтезированный, представляешь! — и спрашивают, кто это хлопушки для детишек собирает? А Фред им отвечает — ну почем же я знаю, господа карабинеры, я тут никому не мешаю, всякое починаю, даже не знаю, что это за штука, а все равно починаю. И леденец грызет, да так, что зубы сыплются.

Марш слушала молча. Гладила кончиком пальца ребристый шов на рукаве, рядом с манжетой. Что-то слишком часто она стала к ней тянуться.

— А карабинеры посмеялись, они ребята вообще душевные, — беззаботно продолжал Бэл. — По спине его похлопали, по роже похлопали, и даже по яйцам пару раз попали, вот такие дружелюбные. И ушли. И сказали, что кто будет теперь барахло с разборки таскать — должен зайти в ближайшую часть и все зарегистрировать. И поделки показать не позже чем через неделю.

— Бедные детишки моих соседей, — мрачно ответила Марш. — Что же, значит я просто прогуляюсь по улицам, поразглядываю лепнину, сделаю пару записей и поеду домой.

— Жалко детишек-то, — улыбнулся Бэл. — Как они без зверушек?

— Как-нибудь, — она уже не могла сдерживать раздражения. — Или ты хочешь со мной запасами поделиться?

Она никак не могла понять, чего Бэлу надо — не то подозревает ее, не то открыто обвиняет, а может, преследует какие-то другие цели. Но цели уж точно мутные, и лучше бы он эти цели держал от нее подальше.

— А ты за зверушками наблюдать любишь? — продолжал мурлыкать он.

Марш не любила. Она не любила зверушек, детишек, Бэла, аэробус и с трудом вспоминала, что вообще вызывало у нее теплые чувства. Повязка опять начала блорить картинку, и от этого Бэл стал еще противнее.

Но ведь он спрашивал не для того, чтобы действительно показать ей зверушек.

— Допустим.

— А когда зверушки дерутся — расстраиваешься?

— Нет.

— Там, в Старом Городе, ну знаешь, за платформой, есть гнездо полевых мышек, — добродушно говорил Бэл. — Я им ношу иногда сыр. Мышки очень любят сыр.

— Допустим.

— Есть штраф за то, что человек — хреновый собеседник? — расстроено воскликнул Бэл.

— Радуйся, что нет штрафа за то, что человек — навязчивый гондон, иначе ты бы уже сдох, — не выдержала Марш.

Он ничего не говорил по делу, только многозначительно шевелил перемазанными краской бровями и сыпал идиотскими метафорами про леденцы и мышек. Она всерьез жалела, что карабинеры дружески похлопали по спине друга Бэла, а не его самого.

Насмешка в голубых глазах Бэла стала ядовитой.

— Мышки в норках все время дерутся. Иногда приходят мышки из соседних норок. Они тоже любят сыр. Если мышки из соседних норок побеждают — моим сыра не достается. А из шкурок мертвых мышек, говорят, получают милые зверушки, которые нравятся детям.

— Ах вот как, — улыбнулась Марш.

И расслабилась. Убрала руку от манжеты, откинулась на спинку сидения и прикоснулась кончиками пальцев к вибрирующему ледяному борту аэробуса.

Бэл не подозревал ее в поджогах, а если и подозревал — ему было плевать. Бэл был зазывалой с подпольных Стравок.

Вообще-то это было нелегальное развлечение, как и большинство развлечений, которые люди находили в Старом Городе. Но она давно не слышала отчетов об облавах и закрытии полигонов — скорее всего, Стравки давно были признаны безопасным нелегальным

развлечением. На грани социальной приемлемости.

На самих Стравках она была всего несколько раз, и только на тех, которые действительно были безопасны — ей вовсе не хотелось ради зрелища расстаться с излишками рейтинга.

Если где-то есть свалка, на которой ржавеют неутилизированные боевые лаборы, то уж конечно найдутся умельцы, которые захотят их починить. Направлять их против людей было нельзя — оператора мгновенно насмерть забросали бы репортажами. Но между собой их срамливать никто не запрещал.

— Я плохо... умею управлять мышками, — спокойно сообщила она Бэлу, жестами изобразив управление лабором через перчатки. — И у меня мало денег. Но меня интересуют шкурки... раз уж на разборку теперь нельзя.

Вообще-то Марш сомневалась, что разборка действительно хорошо охраняется. Свалка была огромной, карабинеров было не так много — зачем они, если большинство споров решает Аби и все стараются быть милыми, чтобы не нарваться на штраф?

Но ее тревожили дроны, которые точно запустили, и необходимость регистрировать расходники. Это создавало проблемы — раньше она спокойно возвращалась в город с полной сумкой железа, собирала заготовки дома и дорабатывала на месте.

Что ее поймают на месте закладки Марш не боялась — прелесть ее плана была в том, что после взрыва трех заброшенных домов начнут охранять подходящие заброшенные дома. Она даже попросила Аби рассчитать, где вероятнее всего произойдет следующий пожар, и он выдал замечательные результаты. Наверняка такие же результаты он выдал и карабинерам, и Рихарду, и любому, кто задался бы вопросом, какое здание взорвут следующим.

Только вот Марш больше не собиралась взрывать заброшенные дома.

Но чтобы взорвать Тот Самый не-заброшенный не-дом ей нужно было попасть на разборку. И найти хотя бы пару аккумуляторов — вязкая синяя дрянь, которой их заправляли, прекрасно горела, если немного доработать.

Марш пыталась синтезировать взрывчатку проверенными методами — из жидкости для чистки панелей, из смазки для бытовых лаборов, но результат выходил непредсказуемым. Иногда все ограничивалось хлопком и сгоревшими платами, а как-то раз сработала только одна установка, зато пустырь, где она проводила испытания, заволкло таким едким черным дымом, что она едва успела отбежать на безопасное расстояние, чтобы не потерять сознание прямо там. В тот раз она впервые порадовалась повязке — она закрыла ладонью глаз, чтобы не потерять и его, и без повязки ей пришлось бы или рисковать, или бежать вслепую.

— Что, и крестиком не умеешь? — удивился Бэл. — Все девчонки умеют крестиком.

— Крестиком умею, — нехотя призналась Марш. — А у вас что, настолько древние... мышки?

— Новых быстро разбирают, — виновато признался Бэл. — Ну что, сходишь? У нас любительская э-э-э... раздача сыра. Все друг друга знают, скучно. Я обещал кого-нибудь нового привести.

— Ага. Очень хорошо. А мертвых мышек можно будет забрать?

— Что, целиком?

Марш пожала плечами. После Стравки лабора все равно нужно было ремонтировать, если она снимет аккумуляторы и несколько плат — хуже не станет.

— Ну, целая мышка мне ни к чему, — заверила она. — Заберу усы, кишки там, может

кусок хвоста, а остальное вам оставлю.

— Лады, — легко согласился Бэл. — О, а что это у тебя за штука под краской проползла? Саламандра? Любишь огоньки?

— Крокодил, — серьезно сказала Марш. — Люблю жрать людей.

И слабо улыбнулась.

Может, Бэл не такой уж и мерзкий.

...

На платформу они вышли вместе. Марш быстро застегнула респиратор и надела защитный монокль, чтобы пыльца, пыль и солнце не попадали в глаз. На самом деле она сомневалась, что пыльца и солнце так опасны для людей, но так говорили врачи, а врачам она верила чуть больше, чем всем остальным.

Бэл все пытался справиться с застежкой очков, стоя за линией, отделяющей край платформы. Марш все казалось, что он вот-вот рухнет, и эта мысль была вос-хи-тель-на.

Он ее тревожил. Такой полненький, голубоглазый и неуклюжий, словно всем своим видом показывал, какой он славный парень, и не надо его бояться, и в подвалы на Стравки с ним можно ходить, и вообще Бэл дружелюбный и угодливый. А может, у него полные карманы несинтезированных леденцов.

— Пошли что ли? — весело сказал он, наконец справившись с очками. — Тебя как звать-то? Тетей Арто?

— Марш.

— Это тебя правда так зовут?

— Нет, правда — тетей Арто.

За платформой начинался Город, который можно было бы звать Старым Эддабергом, но в Старшем, говорили, есть район с таким названием. Марш, как и все остальные, даже не представляла, что там может быть. Какие-то другие дома? Отреставрированные развалины? Может что-то вроде того, что она видела на слайдах — с белыми мраморными колоннами и мозаичными полами?

Мозаика и в Старой Городе была. Прямо у разборки, под ржавым каркасом от стеклянного купола бывшего фонтана. Иногда внутри что-то замыкало, и фонтан выбрасывал облако золотистой пыли. Пыль ложилась на мозаику, словно туман. Кажется, это было солнце — иногда Марш сметала пыль, опавшие листья и сухую траву с холодных пластинок и долго рассматривала извивающиеся лучи. Очень хотела забрать одну из пластинок для полки, но у нее не поднималась рука испортить узор.

Здесь можно было найти много красивого. Необычную решетку, лепнину над дверью. Витраж с остатками стекол, витые перила, дверную ручку. Но сейчас Марш не за чудесами прошлой жизни пришла. Она считала темные покосившиеся дома, смотрела на сухую траву под ногами, прислушивалась к песне электробашен и запоминала дорогу.

Из травы прямо Марш под ноги выполз ословелый земляной краб, вяло загребающий воздух серыми клешнями. Она остановилась кончиками пальцев подняла его за панцирь. Не удержалась, стянула перчатку и дотронулась до темного пятна, похожего на глаз.

Панцирь был прохладный и гладкий. Как у фарфоровой черепашки.

— Цапнет тебя за палец — будешь знать! — весело сказал Бэл.

Над их головами с гудением пролетел синий карабинерский дрон. Марш, нахмурившись, спустила краба в траву и натянула перчатку. Краб разъяренно блестел зелеными фасеточными глазами, а панцирь почти слился с сухой травой. Будто бусинки кто-то

выбросил.

— Этих много здесь летает? — спросила она, указывая на небо.

— Видела на записях мух на трупе?

— Ну.

— Над разборкой последние пару дней столько было. Сейчас поменьше, конечно.

Марш мысленно обругала себя так, как не ругала людей в аэробусе.

Она сказала сделать эту несчастную надпись про сенатора Кьера только потому что хорошо понимала, что просто горящими развалюхами ей внимания не привлечь.

Привлекла. Но кто бы мог подумать, что сенатора Кьера кто-то воспринимает серьезнее, чем развалюху на пустыре!

— А чего это конфетти всех так интересуют?

— У сенатора Кьера новый проект, — помрачнев, сказал Бэл. — Он выступает за открытие каналов Среднего Эддаберга. Говорит, что система Аби нуждается в корректировках, и что ничего не случится, если люди будут пользоваться контентом классом повыше.

— Люди что, стали слишком много шляться по улицам?

Бэл развел руками. Видимо, Марш со своими черепашками правда пропустила что-то важное — желающих смотреть на белые башни и развалины вдруг стало больше.

— И что, карабинеры против того, чтобы люди смотрели порнуху классом повыше и котов в конвентах посимпатичнее? — неприязненно спросила она.

— Ты была в Среднем Эддаберге?

— Нет.

— А хочешь?

— Нет.

— А почему?

Бэл остановился. Засунул руки в карманы комбинезона и задрал голову. Веселое зимнее солнце освещало его белое лицо и голубые щеки, а глаз Марш не видела под очками.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, но это полная херня — люди все равно придумают себе Средний Эддаберг. И Старший Эддаберг. И будут хотеть в тот, воображаемый город. Я уверена, что Средний Эддаберг мало отличается от Младшего, но кто-то ведь верит в другое. И не лучше ли показать, как есть?

— Это твой Средний Эддаберг мало отличается от Младшего, — вздохнул Бэл. — А Старший ни один из нас вообразить не может, и все равно у каждого в голове есть свой Старший Эддаберг. А вот посмотришь настоящий Средний Эддаберг — и сразу туда захочешь, а там и в Старший.

Марш не смотрела на его лицо. Она смотрела ему под ноги, где еще один краб деловито дергал клешней шнурок его ботинка, словно тоже хотел что-то сказать.

Она не хотела в Средний Эддаберг. И в Старший. Она хотела в свой конвент, сказать там самой себе, что это она во всем виновата.

Дальше они шли молча. Марш думала, не поджечь ли еще четвертый дом и не написать ли на стене что-нибудь, что уведет следы.

Нет, не годилось — разборку закрыли, скоро последний выпуск Рихарда Гершелла. У нее не было времени исправлять свои глупости.

Старый Город замер в дружелюбном зимнем безмолвии. Марш замечала в траве зеленые глаза крабов и черные спинки норных зверьков, деловито шуршащих спящими стеблями.

Пустые окна домов смотрели на нее с укором, но Марш не собиралась поддаваться сентиментальности и чувствовать себя виноватой перед домиками.

Бэл остановился. Показал на ржавую решетку у крыльца.

— Туда? — не поверила Марш. — Вы бы еще веток сверху...

Она осеклась. Разве она не делала так же? Пользовалась записными книжками и слитой из древних аккумуляторов химией для горючего. Старые способы, настоящие вещи. Настоящие решетки.

Бэл отодвинул решетку. Раздался протяжный визг ржавого железа, но Марш расслышала и другой звук — шорох автоматической крышки.

Люк открылся прямо у нее под ногами.

— Залезай, там ступеньки, — поторопил ее Бэл.

Она пожала плечами. Пусть будут ступеньки.

Никаких ступенек, конечно, там не оказалось, только железные скобы, вбитые в крошащийся бетон. Марш не стала испытывать судьбу и, спустившись достаточно низко, просто разжала руки.

Бетон шершаво оцарапал перчатки, земляной пол упруго толкнулся в подошвы ботинок, и пришлось схватиться за стену, чтобы устоять на ногах, но зато она прыгнула сама, а не упала.

От таких решений и были все ее проблемы, но Марш предпочитала об этом не думать.

Пока она отряхивалась, сверху раздался звон металла и короткое ругательство. Марш успела присесть за мгновение до того, как вырванная скоба пролетела у нее над головой.

— Надо крепче вбивать скобы или меньше жрать, — сообщила она тяжело спускающемуся Бэлу.

— Хера бы ты понимала, полные мужчины имеют коэффициент социальной привлекательности на пять процентов выше, — пропыхтел он, сползая по последним скобам. — У меня вот шестьдесят строчек, потому что у меня щеки правильной степени пухлявости и я хорошо шучу. А какой у тебя коэффициент социальной привлекательности?

— Отрицательный.

Бэл коротко хохотнул, и Марш с отвращением отвернулась.

Она не шутила.

Темный и короткий коридор упирался в старую механическую дверь. Дверь выглядела так, будто останется единственным, что останется стоять даже после бомбежки. Но звук она не могла задержать, и Марш отчетливо слышала лязг металла и чей-то усиленный микрофоном усталый голос. Видимо, Стравки еще не начали.

Она медленно сняла респиратор и убрала в сумку.

Что же, у нее будет время вспомнить, как обращаться с крестиком.

...

Освальд нервничал. Он нервничал последние несколько месяцев, и чем ближе был выпуск, тем сложнее ему становилось себя контролировать.

Это было плохо, потому что как выпускник реабилитационного центра он должен быть весел, обаятелен и исполнен благодарности к персоналу.

А если он не сумеет таким выглядеть, старый козел Гершелл его освежает, из кожи сделает коврик и постелет на пороге своего расчудесного дома в Среднем Эддаберге.

Вообще-то он ни о чем таком не рассказывал, но о доме знали все. Даже Арто откуда-то знала. Гершеллу следовало получше хранить свои тайны, но для рекламщика он оказался

неожиданно непрозорливым — у него была самодовольная рожа, триумфаторская походка, даже пуговицы на пиджаке, казалось, по-особому блестели, и не заметить, что он возлагает на пенсию огромные планы стало невозможно.

Освальд предпочитал не сталкиваться с ним и его скорым триумфом.

У Рихарда Гершелла были колючие темные глаза, ему было едва за пятьдесят и он недавно оплатил курс омоложения, поэтому выглядел сорокалетним, но почему-то все равно казался Освальду очень старым. Не дряхлым, не больным и точно не мудрым, а просто старым. И от этого опасным. Был у стариков эдакий особый цинизм, и вот Гершелл был его воплощением. Старый циничный урод, от которого совсем не хотелось иметь тайн.

А тайны у Освальда были. Глупые, опасные. Если Гершелл о них узнает — Освальду даже посмертия в виде коврика не достанется.

Он не мог объяснить, как вообще вляпался в это дерьмо. Вообще-то он вечно вляпывался во всякое дерьмо, ну вот как с Питером, которого он зачем-то свесил с балкона. А ведь Освальд точно знал, что не собирался его сбрасывать, ему просто показалось, что Питер только так его поймет.

Потом вот ему показалось, что Арто можно верить. Этого Освальд вообще объяснить себе не мог — рожа у нее была противная, как у ящерицы. Грудь не было, или она очень уж ловко ее прятала, глаз этот кошмарный, злющий — еще бы, за двоих отдувался! И вообще ничего красивого, очаровательного или там трогательного в ней не было, хотя когда в первый раз ее увидел — все равно пожалел, такая она была худенькая, одинокая, еще и калека. Потом-то она рот открыла.

А ведь Освальду почти все девчонки нравились, и на жалость его постоянно разводили. Ну вот Иви — тоже ведь не модели с нее программировать, а как сделает грустное лицо — сразу хочется для нее что-нибудь хорошее сделать. А Марш Арто если на улице встретишь — точно капюшон наденешь и на другую сторону перейдешь.

И аватар у нее был такой же. Она не пряталась никогда, сразу показала, что недобрая и вообще паскудная со всех сторон тетка. Хотя она вроде и была ненамного старше Освальда, но тоже не казалась молодой.

Он и не помнил, как вообще оказался перед первым горящим домом. Помнил, что было весело. И на стенах писать весело было, и Иви смеялась еще, а он на нее вроде смотрел. Думал, второй раз будет уже скучно, но там дрон появился карабинерский, и они от него прятались, и тоже было весело.

А третий раз почему-то весело совсем не было. Он все время думал, что в доме кто-то будет. Все время ему казалось, что они человека убивают, а не дом взрывают.

Да он же и не взрывал ничего!

То есть взрывал, Марш их по очереди заставляла на кнопки нажимать, но взрывчатку-то он не закладывал!

Конечно, Освальд задумывался, зачем ей это нужно. И чем все это кончится. Но теперь-то поздно было — у нее были записи. На кнопки все нажимали, кроме нее, между прочим. И почему-то Освальд был уверен, что Марш спокойно всех заложит если понадобится, и себя не пожалеет, до того она была отморозенная сука.

Нет, последний раз, когда они вместе смотрели, как дом горит, он почувствовал что-то такое. Странное, ненормальное — как будто с этой по-другому могло быть. Освальду тогда все казалось, что кто-то в доме сгорает, и когда он увидел, как из подвала крысы разбегаются — сразу жалко стало, стыдно, но такое облегчение наступило, что словами не передать.

Вроде жалко крысок-то, они еще маленькие такие были, меньше кота, который у матери жил. А вроде — крысы. Не люди все-таки.

И Марш поняла, без слов. Смеялась, и он вместе с ней смеялся, и за плечи обнимал. Она даже нормальной казалась, а плечи под грубой курткой у нее были хрупкие, почти как у Иви.

Но это тогда. Секунд на тридцать, ну может, на минуту. Потом-то она смеяться перестала.

Боялся ли он ее больше, чем Гершелла? Да нет. Гершелл был страшнее, хотя Даффи от него в восторге, все в рот ему заглядывает. Тоже хочет быть рекламщиком. С его-то рейтингом.

Но почему-то и Освальд, и Даффи, и трусливая Иви играли с Арто против Гершелла. И сейчас особенно об этом жалел.

«Сад-за-оградой» располагался не в одном из секторов жилых кварталов, для него отреставрировали дом. Даже ограда была, и сад, который пока спал, но весной сюда даже на экскурсии ездили. На воротах переливалась красными лампочками белая вывеска, заборчик был в завитушках — все как с картинки старой, только башня уродливая в глубине сада все портила. Красная. Гершелл говорил «отреставрированная водонапорная». Освальд понятия не имел, что такое «водонапорная башня», но вот эту красную терпеть не мог.

Он вообще не мог понять, почему нельзя было просто настроить конвент, раз уж «Саду» так понадобилось чтобы пациенты вот этим занимались. Но Освальду нужно было заниматься «вот этим», и непременно в башне.

Поэтому он нервничал.

Башню подсвечивали снизу, и ночью она казалась большой и особенно красной. Освальд шел туда, понукаемый настойчивый лиловым сигналом вызова на браслете, и думал, какого хрена он поверил Арто, и почему когда соглашался не подумал про башню.

Двери нужно было открывать вручную, и когда они открывались раздавался мерзкий скрип. Ну как же, все должны знать, что кто-то пошел унижаться.

В Башне было тихо и темно, только под плинтусами горели желтые лампы — и тоже свет снизу вверх. Стены зачем-то были закрыты малиновым бархатом, который никто не чистил, и в тусклом свете от сквозняков танцевала пыль, но все равно в башне сохранялась застывшая торжественность.

Освальд закрыл за собой дверь и почувствовал себя виноватым.

Он не испытывал этого чувства в универсальных храмах, которые устраивали на технических этажах. Да какие чувства можно испытывать в серой комнате, где по углам стоят безликие черные кубы алтарей с белыми пазами для лампочек, заваленные искусственными цветами и фигурками из красной бумаги? Освальд, как и все его друзья, ходил в храмы только потому что за вход автоматически начислялись две позиции рейтинга, за благонадежность. Он даже не знал, что там полагается делать, просто на всякий случай совал в общую кучу цветочек или вкручивал лампочку. В «Саду» зачем-то придумали вот это.

Посреди зала стояла кабинка из темного дерева, подсвеченная двумя рядами лампочек — сверху и снизу. Зачем кабинка, почему посреди пустой башни — никто не мог ответить. Может, это была часть игры, от неестественности которой Освальд всегда терялся.

На терапии говорили, что нужно обязательно проговаривать то, что тревожит, и что с человеком не все могут быть откровенны. Рихард Гершелл говорил, что сам устроил башню, чтобы пациентам было легче открыться. Он советовал пить седативные перед тем, как

заходить, чтобы было легче настроиться на беседу. Освальд пил, но ему не нравилось, что хотя Рихард Гершелл только советовал, врач, который выдавал таблетку, выжидающе смотрел, пока ее не выпьешь.

Освальд не артачился в первые полгода, а потом его перестали приглашать, как и всех, кому оставались месяцы до выпуска. А теперь вот опять пригласили.

В Башне, конечно, была какая-то польза. Про нее договор был, к которому не подкопаешься. Гершелл его сам зачитывал, на вопросы отвечал — да, посетитель разговаривает с искусственным интеллектом со специфической голосовой модуляцией. Да, ведется запись. Нет, записи с видеокамер и микрофонов ни при каких обстоятельствах не будут доступны третьим лицам. Освальд не мог найти изъяна в договоре — он говорит почти что с Аби, ему за это летят очки в личное дело, записи никто посмотреть не может.

К тому же Освальду на самом деле хотелось быть хоть с кем-то откровенным.

Может, Арто этим была привлекательна — ей на тебя насрать больше, чем любой машине. Можно что угодно сказать, она осуждать не будет. Только она могла сказанное ради своих целей использовать, а у искусственного интеллекта целей не было. И доступа у людей к записям не было.

Со всех сторон сплошные плюсы, только вот Освальду все равно не нравилось стоять перед кабинкой из резного темного дерева — даже не пластиковой копии, он проверял! — и чувствовать себя виноватым.

Он зашел в кабинку, задернул малиновую бархатную занавеску. Сел на скамеечку и нехотя постучал по ажурной черной решетке.

— О чем ты хотел поговорить? — раздался из-за решетки мягкий голос.

За решеткой клубилась непроницаемая тьма. Голос был не женский и не мужской, но очень добрый, приятно низкий и располагающий.

— Ни о чем, — соврал Освальд. — Меня пригласили — я пришел.

— Никого не приглашают просто так, — мягко упрекнул голос. — Что тревожит тебя так, что тебе пришлось прийти? Может, ты напуган? Может, тебя пугают взрывы? Они всех нас пугают — подбираются все ближе к ограде.

Голос звучал повсюду — из-под пола, с потолка, из-за решетки, и как будто даже в наушник Аби он влез каким-то невозможным образом.

— Страшно! Нам всем страшно! — мудрая печаль в голосе дрогнула, в нем скользнули отчетливо женские нотки. Беспомощные, молящие — так Иви говорила перед тем, как заплакать.

И Освальд очень захотел рассказать. Что никому ничего бояться не нужно, и Марш обещала, что они не будут взрывать жилые дома. И что она, конечно, отмороженная сука, но вроде не врала, когда говорила, что они не будут никого убивать. Да и зачем бы ей кого-то убивать, еще и так глупо. Убивать тихо надо, сразу, а не устраивать акции с поджогами.

Освальд очень хотел это сказать.

Хотел перестать чувствовать себя виноватым.

Он открыл рот. И слова уже готовы были выбраться из горла, но что-то их заперло.

«Думал, что будешь делать после выпуска?»

Голос не торопил. Ждал, и Освальд чувствовал на себе еще исполненный терпения и печали взгляд.

А серебристо-синяя оса танцевала над зеленой в свете настенных надписей ладонью, пыталась укусить тонкие пальцы. Такая оса страшно сказать сколько рейтинга дает.

— Скоро ты нас покинешь, — голос очень сожалел об этом, Освальд слышал. — Никогда не вернешься. Есть вещи, которые нужно оставлять позади. И есть память, которую мы о себе оставляем. Ты можешь оставить здесь что угодно, и это навсегда здесь останется. Любой секрет.

— Я... я... — выдавил он, чувствуя физическую потребность рассказать.

Его словно просила мама, которая его одна воспитывала и всегда расстраивалась, когда Освальд врал. И Иви, которая всегда пугалась, когда он нарывался. Ему так не хотелось им врать.

И все же он понимал, где-то там, под всей этой виноватой мутью, что просто сидит на скамеечке в будке посреди башни, разговаривает с программой и хочет схватить что-то призрачное.

Хочет чувство схватить. Облегчение, хочет важным себя почувствовать.

Освальд зарыл глаза, чтобы отрезать малиновый свет башни, и вспомнил зеленый цвет стен «Тихушки» и синий цвет значений рейтинга на своем браслете. Синий цвет осы Марш Арто, которая единственная знала, как ее получить, и обещала рассказать ему.

А еще как она смеялась и лицо ее с повязкой этой уродливой. Ну кто знает, может, если бы у Освальда один глаз остался — он бы тоже злой был.

И плечи. Плечи под курткой.

— Мне девчонка понравилась, у вас, тут, — решил он. — Иви. Иви — классная, когда не зажимается и не плачет, а вообще не так уж часто она плачет, зато шутит и мозги зря не делает...

Правду можно было говорить по-разному. Ему хотелось польстить голосу, сказать, что он хоть что-то хорошее нашел в их центре. И голос, как ему показалось, был рад за него.

...

Рихард раздраженно отодвинул экран, как только за Освальдом закрылась дверь. Панель жалобно скрипнула, и ему захотелось ударить по ней кулаком.

Он двадцать минут слушал болтовню этого сопляка, без возможности вытянуть больную ногу, да еще записывать за ним приходилось — ну как же, в договоре ведь сказано, что записи с камер и микрофонов никому не передаются.

Рихард вот так выслушал уже двенадцать человек, от только поступивших до выпускников, и никто, никто ничего не знал. Или умудрялся скрывать. Некоторые плакали, даже прощения просили за то, что не знают. Рассказывали ему всякую чушь, которую иногда удавалось использовать, но чаще всего он узнавал об эротических фантазиях. Если учесть развитие и разнообразие легальных каналов с порнографией, выдумать что-то такое, чтобы за это было стыдно, нужно постараться.

А ведь когда он консультировался с штатными психотерапевтами, ему посоветовали именно так устроить. Про генетическую память говорили, условные рефлексy, освобождаемое стимуляторами бессознательное. Бессознательное, может и освобождалось, только лезло из него почему-то не то что Рихарду было нужно.

Но толк от всей этой затеи все равно был. «Сад-за-оградой» не просто так обрел репутацию одного из самых эффективных реабилитационных центров. Рихард хорошо умел встраивать всю эту чушь в истории пациентов и делать так, чтобы они сами в эти истории верили. Пациенты много рисовали, лепили из мягкой пластмассы, занимались аутотренингами, начинали день с улыбки и пили витамины. А еще получали прощение, даже если не понимали от кого.

Но, конечно, информация о порнографии все равно была бесполезна.

Девчонка из Дабрина, Иви, вчера рассказала, что ей снятся ужасные сны о женщине, которая сгорает заживо и превращается в саламандру. Это вот, например, было очень плохо, потому что выпускникам не должны сниться такие сны. Рихарду показалось, что она еще что-то собиралась сказать, но начала рыдать — ничего удивительного, она все время рыдала — и больше ничего полезного не сказала. Раз она Освальду так нравится — пусть он ее и угомонит, а на выпускной программе нужно их рядышком поставить. Историю сочинить, потому что когда юные сердца обретали друг друга в ходе терапии — это было хорошо, просто замечательно.

В его историях все всегда обретали что-то хорошее, а горящие люди никому не снились. И он этим гордился.

Рихард вздохнул, отложил модулятор голоса, выбрался из-за ширмы и наконец-то выпрямил больную ногу.

Глава 6. Маленькие марионетки, большие марионетки

Едва открылась дверь, Марш пожалела, что решила обойтись респиратором. Она даже сквозь фильтры ощущала запах плесени, совсем некстати напомнивший лекции из медицинских конвентов. Благообразные коллеги Леопольда рассказывали, что если на солнце вполне можно находиться, если защищать от него кожу, то нефильТРованная грязь, сырость и пыль вызывают ужасные болезни.

Не то чтобы Марш боялась смерти, но умирать от ужасных болезней было не слишком заманчиво.

— Да не дрейфь, — Бэл панибратски потрепал ее по плечу, но тут же отдернул руку. — Это Императорская улица, ее хрен знает когда построили, чтобы от холеры прятаться.

— Помогло?

— Ну... кто-то авось да не помер. Воняет в этом коридоре, дальше мы все высушили.

Бэл первым протиснулся в приоткрытую дверь. Марш все еще стояла, пытаясь преодолеть отвращение — Леопольд говорил, что споры плесени очень опасны, а все, что говорил Леопольд она против воли считала неопровержимой истиной, иногда даже утрируя его слова.

Бэлу, видимо, надоело ждать, и его пухлая ручонка бесцеремонно высунулась из проема, вцепилась в ее рукав и потянула в сырую темноту. Марш решила, что упираться будет совсем уж глупо, и все-таки переступила порог, задержав дыхание.

— Сверху раньше замок был, — доложил он, закрывая за ней дверь. — Его лет пятьдесят назад перевезли.

— Перевезли замок? — она подкручивала значения на повязке и просто не хотела, чтобы Бэл мешал.

— Ага. Что-то разобрали, а некоторые куски прямо целиком на транспортерах увезли. Наверное куда-то в Старший.

Повязка в режиме «сумрак» заблюрила сильнее, но позволила разглядеть темную кирпичную кладку коридора. Это был очень старый камень, может и правда помнивший эпидемию холеры. Под потолком горели тусклые желтые лампы, к тому же постоянно мигающие — видимо, изображали факельный свет.

— У меня друг возит из Среднего барахло, — Бэл терпеливо ждал, пока она справилась с повязкой и осмотрится. — А его поставщик из Среднего рассказывает, что у него есть знакомый поставщик в Старшем...

Он уверенно двинулся к боковому ходу, где лампы светили еще тусклее. Лязг и голоса раздавались из других ответвлений, но Бэл туда даже не смотрел.

— Врет, — фыркнула Марш. — За каким хером кому-то из Старшего толкать что-то в Среднем, даже за большие деньги? К тому же это в Среднем деньги большие, а в Старшем небось за них и пожрать не привезут.

— Не знаю, может им скучно. Вот он говорит, что в Старшем — все замки, все картины, все, что говорят, в войнах сгорело, все отреставрированное, даже молекулярные копии есть для того, что сильно пострадало.

Она пожала плечами. Коридор становился все уже, потолок — все ниже, а треп Бэла — все глупее.

Может, стоило вернуться домой, а завтра ночью, уже в маске попробовать пролезть на разборку? В конце концов, можно еще балахон достать, чтобы не сняли слепок тела. Вряд ли кто-то настолько серьезно озабочен надписями на стенах, чтобы стрелять на поражение или обнулять рейтинги за украденный аккумулятор.

И всегда можно было сделать вид, что она ничего не знала, и согласна зарегистрировать оборудование, если незаметно спереть не получится.

На кой хрен она вообще поперлась с этим балаболом?!

— А еще он говорил, что в Старшем можно генотип для детей выбирать, — Бэл, видимо, не оставлял надежды ее впечатлить. — Представляешь, программа тебе рассчитывает, какой нос у дитенка будет, и болячек твоих наследственных он не нацепляет.

— Давай лучше про замки, а?

— Девушки же любят про детей слушать, — бесхитростно удивился он, постучав согнутым пальцем по уснувшей лампе.

— У кого из нас с глазами проблемы?!

Марш не представляла, с чего Бэл взял, что ей нравятся дети — она даже с ужасом заподозрила, что он собирается показывать ей мышей, решив, что она правда любит животных. И с чего Бэл взял, что у нее есть лицензия на материнство — с ее рейтингом было едва законно даже к чужим детям подходить.

Наконец, он остановился перед еще одной дверью и принялся щелкать задвижками замка, на счастье Марш закрыв свой болтливый рот.

— Ну вот, — гордо сказал Бэл, открывая дверь. — Это наш зал. Да ты заходи, чего стесняешься — такая боевая была.

Она только шипела, отвернувшись обратно к темноте коридора и меняя режим повязки. По правой щеке потекли слезы, размывая жирную краску.

Нужно было менять повязку.

Обычно она вообще не трогала настройки, но теперь вот решила — побоялась затхлого подвального воздуха и душечки-Бэла.

Который как раз вертелся рядом, трогал ее за плечо и что-то встревоженно бормотал.

— Свет, — нехотя объяснила она.

— А чего, эта штука не сама под освещение подстраивается? — в его голосе слышалось вполне искреннее раскаяние.

Это было странно.

— Нет.

Бэл уже стянул респиратор и сделал глубокий вдох, словно показывая, что теперь-то плесени можно не бояться. Воздух в фильтрах действительно казался сухим и плесенью больше не пах, и Марш нехотя расстегнула ремешки и убрала респиратор в сумку.

Она поправила краску кончиками пальцев и наконец-то огляделась.

Здесь камень кладки был таким же старым, но гораздо светлее. Желтые лампы под потолком не мигали, и свет, показавшийся в начале таким отвратительным, теперь давал разглядеть просторный каменный зал.

Вдоль стен стояли дешевые столы из легкого белого металла. Мужчина в синей куртке методично расставлял стулья и расставлял светильники-спирали. Вокруг него суетилась девочка с выведенной с браслета таблицей устрашающего вида. Девочка что-то щебетала, мужчина угрюмо хмурился.

— Считает, сколько пива готовить, — объяснил Бэл. — Тут к вечеру без всяких лаборов

сплошные Стравки.

Марш заметила, что зрительских мест здесь немного, зато стены тут и там чернеют камерами. Ну конечно, они ведут трансляции. Как же можно не вынести такое событие в сеть.

У Марш в сети была только башня-конвент и вынужденные встречи. И трансляций она терпеть не могла.

Мрачная девушка в ярко-зеленом комбинезоне мрачно поливала полы из шланга резко пахнувшим раствором. У нее под ногами вертелся лабор-уборщик, пытающийся вытирать лужи. Девушка отпихивала его ногой и раздраженно шикала.

Центр был огорожен почти непроницаемо темными полями от пола до потолка. Из-за полей раздавался треск и виднелся мечущийся силуэт — нечто в два человеческих роста не то пыталось вырваться, не то просто билось о поля. Движения были ломаными, неестественными, но Марш никогда не видела у лаборов естественной пластики.

— Почему он один? — равнодушно спросила она.

— Это из той партии, у которых вместо искусственного интеллекта попытки в оцифрованное сознание, — нехотя признался Бэл. — Его недавно починили, уже все пожалели. Им тяжело управлять — он все норовит побыстрее закончить.

— И что в этом плохого?

— Он другие машинки калечит, — насупился Бэл. — Люди-то понимают, зачем зрители на Стравки ходят, стараются подольше драться и ломать так, чтобы потом можно было починить, а этот дополнительно варианты просчитывает и своевольничает невпопад. Две минуты возни и баиньки.

— А почему не разберете?

— Так раритет! И вообще, всех бы злых на запчасти разбирали — как бы мы познакомились? Пошли, других тебе покажу.

Марш уставилась Бэлу в затылок и старалась больше не смотреть по сторонам. Ей окончательно стало противно это место и клетка, в которой дергался лабор с дефективным программным обеспечением.

Она не застала споров об экспериментах с оцифровкой сознания, только знала, что раньше за добровольное участие начислялся рейтинг и что эксперименты провалились. Ходили слухи, что для модификаций Аби используют оцифровки, поэтому он так легко подстраивается под владельца и для многих становится хорошим собеседником. В любом случае, Аби Марш терпеть не могла и задаваться этическими вопросами не собиралась, а если кто захотел бы поговорить о способах получения социальных баллов — у нее было что ответить.

Во втором зале шуршали четверо уборщиков. Пространство в центре было огорожено плотной прозрачной сеткой, рядом с которой собрались человек десять — все измазанные краской и чем-то очень возбужденные.

— Бэл! — обрадовался парень в клетчатом костюме-тройке. У него единственного было чистое лицо. — Ты собак привел?

— Нет собак, — виновато развел руками Бэл. — Вот девчонку только встретил, злая, как псина. Хочешь, тебя укусит?

— Вы устраиваете еще и собачьи бои? — равнодушно спросила Марш у парня.

У него глаза были поумнее, чем у Бэла. Бэл, видимо, слишком дорожил своими строчками социальной привлекательности и забывал, что кто-то может не очароваться его

шуточками, за каждую из которых можно было бы кидавать репорт. У парнишки, правда, личико было слишком уж смазливое — глаза подкрашены, черные кудряшки так и блестят. Хоть записывай его прямо сейчас для конвентов, в которые девочки ходят томно вздыхать.

— Мы любые устраиваем, — ровно ответил он. — Собачьи, крысиные. Стравливаем котов, лаборов, несколько раз были петухи... Меня зовут Ренцо, я — ведущий.

— Марш Арто. Мне нужно снять несколько деталей после боев. Ваш... вот этот сказал, это можно устроить.

— Вы знаете, что детали теперь необходимо регистрировать? Как вы повезете их в город? — деловито спросил Ренцо.

— Как-нибудь повезу.

Одна из девушек, у которой из-под разноцветных шнурков не было видно волос, весело ей подмигнула и отвернулась к клетке.

Марш знала несколько домов недалеко от станции, где сохранились комнаты с хорошим освещением и без плесени. Если принести туда инструменты и пару аккумуляторов, можно было попробовать собрать на месте хотя бы паучков.

— На станциях сканеры стоят, — напомнил Ренцо. — Вы же понимаете, мне не нужно чтобы вы рассказали, откуда взяли детали, если вы собираете что-то незаконное.

Марш пожалала плечами. Сканеров она как раз не боялась — ее паучки выглядели законопослушными и хорошо себя вели, взрывчатка до окончательной обработки тоже была совершенно безобидной. Странно, что карабинеры вообще решили попытаться контролировать этот поток — останавливать и досматривать каждого пассажира с техникой они все равно бы не смогли. Скорее всего, Ренцо зря волновался — карабинерам наверняка нужно было отчитываться и создавать себе имидж, как и Рихарду Гершеллу. Наверняка похлопывание по спине транслировалось и записывалось с нескольких дронов.

Бравые карабинеры, исполненные чувства долга психотерапевты, горящие любовью к своей фирме рекламщики.

Лабор-уборщик толкнулся в ее ботинок и просительно замигал всеми лампочками. Марш отошла, и на маленьком экране часто замигало зеленое «Спасибо!».

— Я не собираю ничего незаконного и не собираюсь везти в город запчасти.

Она начинала подозревать, что Бэл и Ренцо все-таки хотят найти того, кто взрывает дома, и неуклюже пытаются ее проверить.

— Так... что вы... умеете? — осторожно спросил Ренцо. К нему уборщик даже не приближался.

— Обращаться с лаборами марионеточного управления. Не очень хорошо, — не стала скрывать она.

Ренцо поморщился, но тут же взял себя в руки и даже изобразил воодушевление.

— Вот как! У нас давно не использовались раритетные киборги. Как хорошо, что Бэл нашел нам человека с такими редкими...

— Она понимает намеки, — осадил его Бэл.

Марш мало интересовали лаборы, управление ими, да и Стравки тоже не особо — в конце концов, она всегда могла попробовать ночью пролезть на разборку. Останавливало только возможное желание карабинеров показать свое рвение парой показательных арестов.

— Долго будете трепаться, — раздался у Бэла из-за спины неприятный голос. — Пошли, мне покажешь, что умеешь, а я подумаю, куда тебя поставим.

На нее смотрел мрачный мужчина в белой рубашке и черных брюках. На фоне пестрых

комбинезонов, клетчатых костюмов и разноцветных причесок остальных он выглядел неотразимо, потрясающе невыразительно. Ренцо попытался ему что-то сказать, но он жестом остановил его и повернулся к Бэлу.

— Собаки, Бэл. Собак, котиков, хоть чижигов налови, или через неделю мы будем смотреть, как оставшимися собаками травят человека.

Он кивнул Марш и пошел к соседнему залу.

— Вот тут у нас... оборудование, — тоскливо сказал он, поднимая сетчатую перегородку. — Я Ник, отвечаю за программу. Выбирай кто нравится.

Ник остановился на пороге с грустью оглядывая зал. Марш хорошо его понимала.

Вдоль стен лежали несколько лаборов ручного управления. Она различила что-то похожее на таракана, кучу щупалец и фасеточных глаз, из которой торчало черное жало и несколько вполне антропоморфных лаборов, длинноруких и таких же огромных как тот, в первом зале.

— Они белые, потому что все смотрят через очки? — спросила Марш, разглядывая безликие фигуры.

— Угу. Я вообще-то не в восторге, но у нас есть художники и рекламодатели.

Марш кивнула. Каждый сантиметр белизны башен кварталов тоже давно был поделен рекламщиками, но для того, чтобы увидеть все объявления нужно было надеть очки. Гершелл говорил, это из-за какого-то старого закона о рекламном пространстве — в один момент стало столько мусора и информационного шума, что люди, опять-таки, начали сходить с ума и большинство объявлений перенесли в виртуальное пространство. Удивительно, как легко люди с ума сходили — без балкончиков, без чистых стен. Без лечения. И такие, как Гершелл это хорошо понимали, о, Марш была уверена, что прекрасно понимали.

Похожие на людей лаборы лежали вдоль стен или сидели, поджав ноги. Почти у всех не хватало конечностей, а у кого-то с «горла» свисали зачем-то выкрашенные в красный провода.

— Это я сделал, — с непонятной, желчной гордостью сообщил Ник. — Разноцветные выглядели как будто их радугой вырвало.

— Какие из них рабочие? — спросила Марш, ощупывая руку ближайшего лабора.

Ладонь она с трудом удерживала на весу. Суставы отчетливо скрипели.

— Рабочие — все, но обращаться можно... вот с этими тремя, и вот с той красавицей, которая на рака похожа.

В углу действительно притаилось нечто среднее между тараканом и раком. Над спящими переливающимися глазами белели нарисованные ресницы.

— А тот, что с оцифрованным сознанием — он крестом, перчатками или с пульта управляется?

— С пульта. И с ним скучно. Когда оцифрованных с Аби скрещивают и лабора собирают — получаются дерганые психи, — сообщил Ник. — Он сначала слушается, а потом хоть застучись по панели, он сначала башку кому-нибудь оторвет за две секунды, а потом на пол сядет и будет грустить.

Марш усмехнулась.

Эти лаборы были просто кучей хлама, которым не давали спокойно сгнить эти жадные до рейтингов и выручки с перепродажи пива энтузиасты. Когда-то велись споры и дебаты об этичности использования оцифрованных сознаний, об оптимальном способе управления и

лучшем оружии. Теперь об этом даже на обязательных детских образовательных конвентах говорили вскользь, и то Марш подозревала, что тему о старых войнах поднимали только чтобы подчеркнуть, что благодаря Аби рядом с городом может находиться оружейная свалка, к которой у всех есть доступ.

Ведь Аби делает людей лучше.

— Вот этот, — Марш ткнула пальцев в щупальца с жалом.

— Это рухлядь, половина щупалец в вечном рассинхроне, — предупредил Ник.

— Мне подойдет. Что он умеет?

— Сейчас покажу.

Ник, хмурясь и ворча себе под нос отодвинул панель на спине лабора, достал очки, фигурку лабора, свесившую щупальца с его ладони и белый шарик модулятора. Сел на пол, жестом пригласил Марш сесть рядом.

— Ты очками пользоваться можешь или тебе какие-то специальные нужны? — вдруг забеспокоился он.

Удивительно, какие обходительные люди эти организаторы подпольных боев. Она молча надела очки и выжидающе уставилась на Ника.

— Ладно, — пробормотал он. — Смотри.

Он разломил модулятор жестом, каким разбивают яйцо, и из белых скорлупок на пол вытек ринг из первого зала — макет из знакомого дрожащего голубого сияния, постепенно сгущающегося в знакомые очертания. Ник осторожно положил фигурку в угол ринга, достал из кармана сенсорные перчатки.

— Для лучшей синхронизации. Эй, ты бы штучку свою сняла, — вдруг забеспокоился он, разглядев манжету. — Если там дурь, тем более лучше сними — она все настройки сбивает...

— Там лекарство, — мрачно сказала она, прижимая к коже ледяную липкую ленту, которой была изнутри обклеена манжета перчатки.

Ник не стал настаивать — он вообще на Марш больше не смотрел, сосредоточенно раскладывая скорлупки модулятора в белоснежный крест ваги. Наконец, последняя деталь с щелчком встала на место, и он протянул его Марш.

Она взяла не глядя, протянула руку к рингу и покачала крестом над фигуркой лабора, давая команду проснуться.

Раздался тихий треск, и перчатки сжались, обдав кожу слабым электрическим разрядом. Марш не видела, как натянулись ниточки, связывающие фигурку, крест и перчатки, но чувствовала их — покалыванием в пальцах, давлением в запястьях.

Как настоящие ниточки настоящей марионетки, только вдруг ставшей продолжением ее рук.

Марш видела настоящую марионетку на бродячей тематической выставке. Жутковатая кукла с вырезанной подвижной челюстью на грубо сработанном лице, лески, которые все норовили запутаться в руках экскурсовода. Он рассказывал, что синхронизация с человеком, одетым в костюм с датчиками делала лабора неуклюжим и не позволяли модифицировать фигуру, добавляя конечности. Говорил, что марионетки позволяли людям сохранять хладнокровие и не впадать в боевой раж, поэтому выпустили партию военных лаборов с таким управлением, и еще что-то говорил, но Марш не запомнила. Ее очаровала та несуразная кукла и ее ниточки — как обычно, ей вечно нравилась всякая дрянь.

Фигурка ожила. Потянулась вслед за ниточками, расправила щупальца, втянула и снова выпустила жало. Лабор напоминал результат большой любви между осьминогом и осой. Осы ее преследовали.

Осы не приносили удачи, но позволяли получать то, что она хотела. Она удовлетворенно хмыкнула.

— Смотри, нужно поворачивать вот сюда...

Марш не слушала. Она держала крест в правой руке, а левую поднесла в фигурке, словно собираясь погладить. Левая перчатка стала чуть теснее.

За основное движение отвечал крест, за мелкую моторику — руки. Жало выпускалось нажатием на центр. Летать лабор не умел, но смешно подпрыгивал, подбрасывая черное тело на щупальцах.

Марш заставила его выбросить по очереди каждое, а потом, нарисовав пальцем спираль, схватить каждым невидимого противника. Половина действительно не слушалась, и она не запомнила, какие, но ей было плевать. По ходу разберется.

— А, ты, я вижу, справляешься, — Ник, казалось, потерял к ней всякий интерес. — Может тогда посидишь там, рядом с рингом, пока зрители не соберутся? Я скажу, чтобы тебе чая принесли, мы выступающим не наливаем, сама понимаешь...

Марш сняла очки. Ринг исчез, только черная фигурка, безвольно раскинувшая щупальца, кляксой чернела на полу.

Она подобрала ее и убрала в карман.

...

Люди начали собираться через пару часов. Освещение стало тусклее, на стенах загорелись желтые пятна светильников, а из динамиков полилось навязчивое «Давайте выпьем». Марш успела удивиться — эта песня даже для низкосортных забегаловок считалась древней, а потом поспешила пересесть в угол, который не просматривался с камер. Ей вовсе не хотелось остаться на записях в этом месте. Вряд ли кто-то догадается, зачем она пришла, но Марш все равно предпочитала не следить.

За эти два часа они с лабором достигли полного взаимопонимания. Если у него хорошая синхронизация с большим братом, Марш ничто не мешает достичь цели — отделаться от Стравок как можно быстрее. Ее одинаково устроили бы и быстрая победа, и быстрое поражение. Рассчитывала она, разумеется, на поражение — Марш была не из тех, кто обольщается насчет себя и верит в чудеса. Управлять лаборами учили в стандартной образовательной программе, а потом в «Саду» она выбрала этот курс как средство сублимации агрессии. Против тех, кто этим зарабатывал, она шансов не имела, и желания как-то проявлять себя не имела тоже. Больше того — она опасалась, что привлечет к себе внимание. Но понимала, что если подойдет к бою совсем уж формально, ей скорее всего просто ничего не отдадут.

«Давайте выпьем» зашла на пятый круг, и Марш все больше хотела согласиться с хором этих жизнерадостных, давно мертвых ребят. Зал все больше напоминал обычный паб — девчонки уже обносили первых зрителей пивом и спиртовыми коктейлями, на столах блестели стаканы и тарелки с закусками, желтый свет становился все более приглушенным, а в воздухе сгущался табачный дым.

— Скучаешь! — самодовольно констатировал голос Бэла у нее за спиной.

— Нет.

— Ты четвертая выходишь, — сообщил он. — Хочешь покажу, против кого?

— Нет.

Ей действительно было наплевать. Может, если бы ей предстояло драться самой, она бы заинтересовалась чуть больше.

— А первые бои откуда будешь смотреть? — Бэл без приглашения уселся на соседний стул.

Марш хотела сказать, чтобы он оставил ее в покое, но заметила на редкость неприятного мужчину с высоким бокалом, который остановился у соседнего столика.

На его лице отчетливо читалось разочарование. Марш даже порадовалась, что Бэл занял место раньше и теперь закрывает ее от зала.

— Отсюда.

— Не хочешь посмотреть, как другие управляют? — кажется, он даже удивился.

— Нет. Я все равно не успею научиться, — добавила она, чтобы хоть немного разбавить односложные ответы. Когда ее учили быть милой как раз говорили что-то про односложные ответы.

— Ну, это не беда, если ты не умеешь! Вот я как-то...

И Марш пожалела, что место занял Бэл, а не тот очаровательный мужчина с бокалом. Бэл заливал ей, как собрал своего первого лабора в двенадцать лет, и с тех пор не знает поражений. Потом он начал рассказывать про свою маму, а потом опять про лабора, но уже про того, которого собрал в четырнадцать и участвовал в первой Стравке. Потом про своего папу.

— А можно мне с тобой подраться? — не выдержала Марш.

— Нет, я же тебя не для того привел, чтобы сразу опозорить, — весело ответил он, и Марш подумала, что можно обойтись без вопросов. И без лаборов.

Ей показалось, что Бэл понял, о чем она думает. Словно по лицу все прочитал, и в чистых голубых глазах мелькнула тень понимания. Он вдруг стал необычайно серьезен, и Марш даже заинтересовалась, что же будет дальше.

Бэл кивнул. Отпил пива, дунув на густую, иссиня-белую пену.

И начал рассказывать, как в шестнадцать лет он и лабор, которого он называл «Крабышом» участвовали в турнире под Старым Оберном.

...

Первый раунд Марш смотрела без интереса. Она видела, что большинство лаборов плохо синхронизированы — движения вечно опаздывали, и иногда противники шарахались друг от друга, или наоборот слишком уж глупо подставлялись под удар.

Под конец на ринге остались изрядно потрепанная «красавица-рак» и «человек» с оторванной кистью. Рука лабора почернела до локтя, показывая, что эта часть неисправна.

Большинство зрителей смотрели в очках — так было ярче, привычнее, а Бэл шепнул, что за это еще и делают скидку на пиво — но Марш не хотела, чтобы было ярче.

Рак мигнул желтыми фасеточными глазами — белые ресницы остались неподвижны — а потом со скрипом изогнулся, подняв хвост, словно скорпион. Пока Марш думала, мог ли рак все это время быть несуразным толстым скорпионом, лабор выпустил длинное жало с заглушкой на конце, а человек выставил вперед больную руку и завел здоровую за спину. В

движениях этого лабора даже чувствовалось некоторое изящество, и Марш решила, что будет болеть за него.

Рак напал первым — в прошлых боях он потерял половину ног, погнул пластину и со скрипом щелкал одной из клешней, поэтому явно хотел закончить пораньше.

За соседним столом одобрительно засвистели. В другом конце зала пронзительно смеялась женщина, и пронзительные переливы ее хохота сбивали ритм схватки.

Человек увернулся от жала, вильнув в бок, и попытался ударить больной рукой в уязвимый загривок между головой и первой пластиной, но рак успел подставить спину.

Раздался треск и отчаянный писк датчиков. Рука человека почернела целиком.

— А когда мне было двадцать три мамка с подружкой моей познакомилась, ну с той, которая Лили, ну и выставила меня в очередной раз из дома... — продолжал разглагольствовать Бэл.

Все это время он не затыкался. Все четыре поединка.

Марш решила переименовать рака в толстого скорпиона и представлять на его месте Бэла, потому что он тоже был толстый и помятый, а еще она все еще надеялась, что человек победит.

— Потом-то мне пришлось ей сказать, что нам нужно расстаться — что делать, она кидалась в меня стаканами... Лили вообще была нервная, я говорил?..

Человек вдруг присел, проходя под жалом, и попытался забраться скорпиону на спину. Пластины хвоста с визгом сдвинулись, и жало внезапно ударило о ринг. Раньше движения лабора были куда точнее, и Марш поняла, что случилась очередная рассинхронизация. Представила лицо оператора и мечтательно улыбнулась.

Бэл явно принял улыбку на свой счет.

— А потом мы с Ренцо поехали за вентилятором и химикатами для плесени, но раствор так вонял, что мы решили...

Человек наконец уселся скорпиону на спину, вцепившись в шейную пластину здоровой рукой. Этот явно управлялся с пульта — Марш даже представить боялась, какие пассажи руками пришлось бы выделять в перчатках.

Жало ударило его в неосторожно выставленный локоть, и в месте удара синяком начала растекаться чернота.

Человек извернулся, подставляя под следующий удар нерабочую руку. Марш ждала треска, но раздался только тихий хлопок. Жало пробило руку насквозь, заглушка со свистом пролетела через ринг и врезалась в защитное поле.

Человек дернулся, заставляя руку продвинуться выше, а потом бросился в сторону, прямо под ноги противнику. На этот раз хлопок был громче — рука осталась висеть на жале.

Скорпион затряс хвостом, зачем-то пытаясь стряхнуть руку. Марш была в восторге — тот, настоящий человек, который управлял скорпионом сделал ровно то, что сделало бы любое животное — попытался избавиться от постороннего предмета, который ему в общем-то не мешал.

Человек в это время скользнул скорпиону под брюхо, уцепившись за одну из ног здоровой рукой. Раздался разочарованный гул — было почти не видно, что он там делал, но спустя пару секунд фасеточные глаза скорпиона обиженно замигали, и он медленно опустил на брюхо, придавив человека.

Марш только сейчас поняла, что этот бой тоже комментировали — музыку заглушал возбужденный голос Ренцо, звучащий из всех динамиков.

— Очередной победой Амик Нова.... Технически несовершенная победа — оба лабора серьезно пострадали, победитель даже больше... подлежит ли восстановлению...

Она задумчиво погладила пластиковую ручку чашки. Если скорпиончик убил лабора, за которого она болела — это было бы замечательно. У таких лаборов как раз были хорошие аккумуляторы, а сенсоры в голове были достаточно чувствительны, чтобы переродиться в паучков.

— Пойдем, — Бэл с явным сожалением встал и бесцеремонно схватил ее за рукав. — Ты следующая.

Марш выдернула рукав, быстро сунула в карман лабора, которого безотчетно грела в ладонях все это время, и пошла за Бэлом.

Он отвел ее комнату на втором этаже. Сцену заменяло тонированное стекло, и сверху происходящее на ринге было видно куда лучше — из зала битва огромных лаборов иногда казалась хаотичным набором движений, и Марш не могла понять, какое в ней удовольствие.

— Это Ин, — представил Бэл чернявого мальчишку с раскосыми глазами. — А это Марш. Она новенькая. С ней надо смотреть в оба.

Когда-нибудь у него иссякнет запас идиотских каламбуров. Марш их все наизусть знала, редко кто придумывал больше десятка.

— Вижу, — улыбнулся Ин и протянул ей руку. — Я тоже недавно пришел, еще не обвыкся, но...

Он вдруг осекся и поспешно опустил руку. Марш отвернулась и надела очки.

— Тут есть звукоизоляция? — хрипло спросила она.

Слушать комментарии Ренцо ей совершенно не хотелось.

— Есть, — поспешил заверить ее Бэл. — Вас же не должны отвлекать.

До Марш только теперь дошло, почему Бэл везде таскается за ней — вовсе не из вежливости или излишней общительности. Он защищал от нее остальных участников Стравок.

Марш прекрасно знала, какое впечатление производит, не была и не хотела быть приятным человеком и нравиться другим, но от того, что от нее защищают людей, которые стравливают собак ей вдруг стало удивительно мерзко.

Она встала у стены и стала смотреть, как на ринг вытаскивают ее лабора. Двое парней толкали перед собой платформу, на которой он лежал, запутав поблескивающие щупальца.

Вот платформа подъехала к рингу. Один мальчишка что-то пробормотал, и платформа просто разъехалась, уронив лабора на белый настил ринга.

— Вы плохо обращаетесь с оборудованием, — заметила Марш.

— Его сейчас мутузить будут, — удивился Бэл. — Думаешь, ему хуже будет, если он полметра с платформы пролетит?

По полу пробежали рыжие сигнальные лучи скорого старта. Оттенок был точно такой же, что сигнализировал о критически низком уровне рейтинга. Марш тошнило от этого места все сильнее.

— Аве Аби. Включи в наушник «Ольтору» Лежье.

— Ты собираешься драться под музыку, под которую старушки спать ложатся? — раздраженно спросил Ин.

Марш не ответила. Надела очки и бережно опустила лабора в тот угол виртуального

ринга, в котором лежал его большой двойник. Покрутила крест, заново привыкая к его весу, и надела перчатки.

Аби, пробурчав что-то дружелюбное, издал странный звук, словно перебирал корешки, и в наушнике тяжело вздохнула духовая партия.

Ин положил в противоположный угол фигурку человека — у того были на месте все конечности и пропорции были совершенно обычными. Тот, кто подбирал пары противников явно хотел уравнивать шансы — подобрали двух новичков с едва исправными лаборами. Скорее всего цель была в том, чтобы доставить зрителям удовольствие неуклюжим комическим дерганьем и не закончить поединок совсем уж быстро.

Лучи стали красными, а в наушнике зашлась плачем скрипка.

Ничего Ин не понимал. Это был танец, правда Марш никогда не видела, как его танцуют. И почему-то даже от строевых маршей ей так отчаянно не хотелось убивать.

— Начали! — махнул рукой Бэл.

Марш позвала лабора, покачав крестом. Просыпайся, ты еще не всех съел.

Перчатки отозвались волной электрических уколов, и лабор — теперь оба, маленький перед Марш и большой на ринге — проснулся.

Она перебрала пальцами, заставляя того, большого распутать щупальца и синхронизироваться с маленьким. У лабора Ина в руках было что-то вроде топора, окруженного защитными заглушками. У прошлого бойца был такой же, он потерял его вместе с рукой, к которой тот крепился. И заглушки не помешали ему калечить противников.

Ин не стал ждать, пока ее лаборы разберутся со своими щупальцами. Первый удар пришелся в основание шеи. Он даже мог стать фатальным, но Ин сам себя обманул — у большого лабора как раз там лежало одно из неактивированных щупалец. Место удара на фигурке побелело.

Марш раздраженно отмахнулась от противника, но выбрала неправильно — эта часть не синхронизировалась с большой копией, и удар пришелся о настил. Ин метался вокруг, почему-то упорно пытаясь ударить по туловищу, вместо того, чтобы рубить щупальца, которые буквально лежали у него под ногами.

Марш понимала, чего от нее ждут. Понимала, почему ей так легко отдали устрашающего на вид лабора, который должен был легко выигрывать у людей: его явно потрепало в прошлых боях, и пока эту кучу конечностей синхронизируешь с фигуркой — тебя просто порубят на куски. Но Ин метался так бестолково, словно боялся запутавшегося в собственных щупальцах сонного монстра, что Марш не выдержала. Она больше не пыталась хватать или сбивать противника. Вместо этого она наоборот притянула все отозвавшиеся щупальца к себе, кое-как вытащила тело из этой кучи и выпустила жало.

— Ты его жопой хочешь заколоть? — пробился в барабанный ритм восторженный возглас Бэла.

Хорошо, что лабору не нужны глаза. Марш достаточно наблюдала за своей злой серебряной осой, чтобы выучить все выпады.

Ин замер. Подобраться стало сложнее, а жало было нацелено прямо ему в лицо и поворачивалось вслед за каждым его движением.

Он перехватил топор и прыгнул, пытаясь уйти с прицела, но Марш внезапно поняла, что ей скучно. Она наугад выбросила одно из щупалец, наклонила крест и уколола противника почти наугад.

Черное пятно расплзлось на фигурке от виска по правой руке. Марш обернулась.

В очках ринг выглядел совсем иначе — не было видно ни зрителей, ни остального зала, только белоснежный квадрат, зависший в черноте. Лабор Ина был покрыт блуждающими по телу светящимися логотипами. Его топор выглядел таким огромным, что даже лабор вряд ли смог бы его поднять. Самый крупный логотип, единственный статичный, гордо сиял на паху.

Марш понимала, зачем это сделано — лаборов туда били реже всего, там не было никаких важных соединений, поэтому именно это место реже всего закрывало пятно повреждения. Но ей все равно захотелось узнать, что сказал бы об этом Гершелл.

Лабор Ина стоял у ограждения, уронив руку с топором и судорожно размахивая второй.

Судя по тому, что фигурка так не делала, Марш повредила что-то серьезное. Лицо лабора было смято и покрыто глухой чернотой, словно он надел маску.

На ее «осьминоге» логотипов почти не было, но за щупальцами в воздухе тянулись алые росчерки. Марш понравилось — словно он исполосовал это фальшивое пространство, и теперь оно истекает кровью.

— Да что же вы делаете-то сегодня?! — простонал Бэл. — Мы же затрахаемся его восстанавливать!

— Я сразу сказала, что мне нужны запчасти, — усмехнулась она. — Мне выгодно наделать кучу рухляди.

Ин явно злился, хоть и не говорил ни слова. Он шурился, фыркал и раздраженно отряхивал брюки, нависнув над виртуальным рингом. Им полагалось пожать руки, но он был слишком занят, и Марш не стала его ждать.

Она сняла очки, подняла лабора с пола и вышла на лестницу.

Глава 7. Черный, белый и мертвый

Позже Марш очень злилась на себя за то, что не ушла после первого боя. Стоило подойти к Нику, может быть даже повиниться за покалеченного лабора, забрать аккумулятор и запчасти, и ехать домой. Сказать, чтобы на ее место поставили Ина, сказать, что не умеет играть честно и не может держать себя в руках.

Сказать, что она разозлилась, вошла в раж, сказать что угодно, чтобы убедить Ника и Ренцо побыстрее от нее избавиться. Она не нарушила ни одного правила, и все же понимала, что ей недовольны.

Но она от чего-то решила продолжать.

Второй поединок она пропустила — ей наскучил шум и галдящие, стремительно опьяневшие зрители. Она вышла в зал, где хранились лаборы, уселась на чью-то оторванную ногу и не выходила, пока не выкурила два резервуара табачного концентрата.

Победителем третьего поединка оказалось причудливое антропоморфное существо, слишком гибкое, с длинной зубастой мордой.

В следующем поединке Марш сражалась с этим существом. Его оператором была щуплая лысая девчонка в огромных круглых очках. Девчонка представилась Ашей. Она явно делала то же, что и Марш — она хитрила, норовила обойти правила и закончить как можно быстрее. Сидела напротив, скрестив ноги и разложив на коленях консоль, с которой управляла лабором, и странно улыбалась, не то задумчиво, не то ехидно. Марш это не нравилось — это было не то выражение, которое она хотела бы видеть на лице своего противника.

Аша получила несколько почти безболезненных уколов жалом и удар щупальцем под колено — на ее лаборе виднелось всего несколько небольших пятен, а на левую ногу словно был надет высокий сапог.

А вот лабор Марш чувствовал себя совсем нехорошо — половина щупалец побелела и безвольно лежала вокруг тела.

Ее устраивало — чем скорее она проиграет, тем скорее от нее отстанут. Она устала, ей надоело, и никакого азарта почувствовать так и не удалось.

Аша, выгнувшись, нацелилась в сенсор под горлом, в одно из самых уязвимых мест, которое Марш нарочно выгатила из щупалец, чтобы побыстрее закончить. Чтобы это не выглядело откровенным самоубийством, Марш направила жало в сторону — пусть думают, что это неудачная провокация и рассинхрон.

Внезапно Аша тоже вильнула, подставляясь под удар. По животу фигурки ее лабора поползло чернильное пятно.

— На кой хрен?! — раздраженно спросила Марш, с щелчком складывая крест.

— У нас тут свои рейтинги, — улыбнулась Аша. — За победы, проигрыши, поломки. Я сегодня в третьем раунде участвовать не хочу.

Марш тоже не хотела, но понимала, что на месте Аши поступила бы так же. Только она ни за что не стала считаться еще с какими-то рейтингами.

Начало третьего раунда она решила посмотреть из зала — прибежал Бэл, пообещал ей кофе, в котором даже есть кофеин, свой, собственный, а не раствор вылитый в чашку

сублимата. Марш хотела отказаться, просто назло, но потом решила, что ей скучно, а нормальный кофе достать не так-то просто.

И она пошла в зал, пить кофе и смотреть первый поединок третьего раунда.

Впервые за этот день на ринге оказались два антропоморфных лабора, а не «человек» против «монстра». Один выглядел обычным, только в руках сжимал два длинных клинка, что Марш считала ужасной глупостью — даже с пульта таким было почти невозможно управлять, а при малейшем рассинхроне скорее всего сам себе разоружишь и зарежешь. Зато второй был безоружен, только неожиданно несуразен — с огромной головой и слишком длинными руками. Очередной неустойчивый, плохо отбалансированный урод. Да к тому же нервный — он постоянно дергался и трясся, а на гладком черном лице то и дело загорались красные огни глаз.

Белый против черного, можно подумать они в длин-го собрались играть.

— Это что за припадочный? — поморщившись спросила Марш.

— Так это тот, из первого зала. Оцифрованный, — напомнил Бэл. — Его один из участников выбрал, на спор.

— И в чем спор, если этот лабор постоянно побеждает?

— А мы потом по списку команд посмотрим, лабор это победил или оператор. И противник его большую ставку сделал. Я говорил — людям скучно.

Она только усмехнулась. Вот почему Аша не захотела драться.

От шума начинала болеть голова. Поля немного приглушали треск и грохот с ринга, но за это день треска и грохота было слишком много. Марш вспомнила, как Бесси пыталась разговаривать с Аби в «Тихушке» и подумала, не попросить ли включить что-нибудь, что перебьет шум.

— Аве Аби. Можешь перекрыть шум?

— Обрабатываю запрос, — бодро отозвался Аби. — Измеряю уровень шума...

В тот же момент оцифрованный лабор пришел в движение. И Марш замерла, глядя на ринг, а зал погрузился в вязкую непроницаемую тишину. Беззвучно двигались лаборы, беззвучно открывались рты зрителей, но это не имело значения.

Оцифрованный стоял, неестественно выгнув руку, чтобы прижать ее к груди, а вторую словно протягивал в отвращающем жесте. Его противник не торопился нападать, только стоял покачивая опущенными клинками.

Словно они боялись друг друга. Или не хотели драться.

Такого, конечно, быть не могло, но Марш с каждой секундой все больше казалось, что оцифрованных здесь двое.

Первым бросился Белый. Его оператор на удивление хорошо управлялся с руками, почти не путался, а движения выходили уверенными, но он совершал много лишних. Вот клинок в первый раз ударился о ринг, а лабор зачем-то продолжал размахивать вторым.

Черный стоял неподвижно, только протягивал руки, а Белый от чего-то не пытался ударить по ним ни одним из клинков.

Марш понимала, что это операторы затягивают бой — Белый создает видимость атаки и хаотично мечется, чтобы Черному было труднее понять его стратегию и построить свою. Понимала, что Черного сдерживают специально. И все же ей казалось, что на ринге разыгрывают до тошноты знакомую историю.

Марш смотрела, чувствовала, как сжимается манжета, и вместо беспомощности разгоралась злость.

Сгушалась, как поля вокруг ринга. Прозрачная, трескучая.

Против злости Леопольд не дал ей лекарства.

Такое уже было — единственный раз, и тот раз стоил ей глаза. Но тогда она не просто забыла заправить контейнер, она осознанно залила туда три дозы блика, нелегального эйфорина, который купила прямо у реабилитационного центра.

Она смотрела и не могла заставить себя отвернуться.

Черный не хочет драться с Белым. А Белый не хочет нападать на Черного. Понимает, что не победит, и только пытается оттянуть этот момент.

Они оба должны драться, потому что так хотят какие-то другие люди.

Леопольд много раз говорил, что она из тех, кому нельзя искать образы в пятнах. Надевая пятна смыслом, придумывая им истории, она сама разливает масло по карнизу, на котором стоит.

Обреченный белый лабор без лица всего лишь машина, а черный — машина с неисправным управлением, две программы, смешанные в одну, которая не хотела работать.

Но все же сейчас пятна, образы и безликие лаборы еще могли остаться безликими. Что с того, пусть один ввязывается в бессмысленную борьбу, а другой до конца не хочет его убивать.

А Белый стоял, ощерившись клинками, направив их в лицо Черному. Черный скрестил руки и часто мигал алыми глазами.

Пусть, пусть это только закончится так, чтобы она не могла придать этому свой, дурацкий смысл.

Три-один-четыре-один-пять-девять-два-шесть, их-в-окне-я-вижу-лица-вижу-тени-на-полу, видишь, Прошлая-Я, не помогает! Лекарство не помогает, и числа, и стихи.

Может, Леопольд был не всемогущим. Может, он тоже тебя обманывал.

«Нужно просто уйти, — меланхолично растягивалась холодная, умная мысль. — Да, просто уйти. Что проще-то?»

А на ринге Черный вдруг сделал к Белому единственный шаг и раскинул руки.

Он стоял раскрывшись и откровенно подставлялся — оператор заставлял его это делать или перебой в электронных мозгах, но у Белого появился шанс, и у Марш тоже.

Черный скользнул прямо под клинки, оцарапавшие его плечи — по рукам поползли белые пятна, будто на него сверху вылили ведро молока. А потом он сжал Белого словно в объятиях.

Марш по-прежнему ничего не слышала, но треск корпуса Белого она почувствовала. Всеми остальными чувствами — он впился в настоящий и электронный глаз, пробежался мурашками под рукавами.

Пахнул в лицо дымом, валящим из горящего здания.

Пусть останется пятно, в котором даже она не сможет отыскать формы. Тогда все будет хорошо.

Черный разжал руки, а потом отошел с сел в углу ринга — как Бэл и говорил. Он тосковал, а Белый лежал, словно отдыхая, словно просто глядя в потолок, и чернота растекалась по рукам, по измятому корпусу и горлу, а потом останавливалась, не достигнув лица.

И на черном горле — плотном воротнике свитера — билась рыжая лампочка.

Марш улыбнулась, не глядя закатала рукав и стянула манжету.

...

Нет лабора на ринге, нет фигурки в голубой виртуальной модели, и черного лабора с красными глазами тоже нет.

Это она стоит, подобралась, на белом квадрате ринга, окруженном чернотой. Она дышит глубоко и ровно, а ее щупальца — черные и живые — скручены в тугие спирали. Другие, раненные, висят вдоль тела, побелевшие, словно уже начали гнить, мертвые и бесполезные, но она не чувствует боли.

И не видит противника, потому что ее глаза — только яркие пятна, чтобы отпугивать хищников крупнее.

Но она чувствует. Чувствует кожей холодное пространство ринга и — невозможное — бьющееся тепло. Почему невозможное?

Разве это имеет значение.

Наверное это все потому что мне скучно. Впадать в любое подвернувшееся безумие — гораздо веселее, чем жить как нормальные люди, а, Прошлая-Я? Расцарапать лицо, представить себя монстром, устав таращиться на старого лабора — это я от тебя нахваталась. Да, от тебя, и не нужно так смотреть.

В этом не виновата ни твоя мать, ни Рихард Гершелл — ты хоть знаешь, как мать выглядит сейчас? Ах нет, откуда, ты ведь не можешь стать Я-Сегодня.

Воздух дрожит рядом, теплый, сухой и резкий. Так воздух дрожит вокруг врагов.

Тех, кто нападет, попытается сожрать, обожжет, покалечит. Тех, для кого у нее остались живые щупальца и ядовитое жало.

А я знаю. Мама больше не пытается казаться молодой и перестала красить волосы. Она больше не надеется, что у нее получится. Я слежу за ее конвентом — для этого у меня есть анонимный аватар. Захожу раз в несколько месяцев, сажусь в углу и смотрю на нее, а она никогда не смотрит на меня.

Тебе бы понравилось. Это ведь такой хороший повод пострадать.

Ей мешают мертвые щупальца. Из-за них она становится неповоротливой, пропускает удары. А вот холодный отпечаток на боку — почему-то когда она пыталась отмахнуться щупальцем, оно ушло в другую сторону.

Мама до сих пор не растеряла таланта — она все еще умеет создавать вокруг себя мир, в котором хотел бы жить каждый. Про ее конвенты до сих пор пишут, что они дышат теплом даже без тактильных модификаций.

Я вчера видела, как аватар в виде имбирного пряника рыдал после ее трансляции. Пряник, ты только подумай — это же просто крик отчаяния, Гершелл такого на руках бы носил. Идеальный пациент «Сада», так хочет уюта и внимания, что притворяется выпечкой. Ему бы точно понравились еженедельные чаепития на терапии.

Почему ты никогда ей не верила? Почему ты так и не смогла ей поверить?

Я-то теперь вижу, что она никогда не притворялась.

Может, тоже было покалечено? Нет же.

Но почему-то оно ее не послушалось.

Ничего, у нее еще много. Щупалец много, а противник всего один.

Один?

Маме всегда нужна была большая семья. Все ее виртуальные кружевные салфетки и

скатерти оттенка «пыльная сирень», виртуальные булочки с миндалем ее аватар — эта очаровательная пухленькая домохозяйка из древних фильмов.

Интересно, хоть один нормальный человек думает о цианиде, когда чувствует запах миндаля?

Ты не верила, потому что видела за аватаром настоящее лицо?

Наверное, у ее противника тоже есть щупальца. Почему-то всего два — они дрожат, тянутся к ней враждебным теплом. И все пытаются ее обмануть — пытаются схватиться за жало, хорошо, хорошо когда противник глуп и не чувствует, что оно покрыто ядом. Пусть хватает.

Он умрет, и она сможет долго жрать его труп. Долго, пока не придет следующий.

Нет, конечно нет. Ты ведь всегда знала, что настоящее лицо — не обязательно то, которое мы видим в зеркале. И Леопольду, со всей его коллекцией аватаров на любой случай, ты поверила сразу. Ему и всем его аватарам, ну кроме последнего, конечно. Даже для него это было слишком.

Матери ты не верила, потому что была единственной причиной, по которой в реальности у нее не было ничего.

Почему тебя это тревожит, Прошлая-Я? Теперь это я причина всех ее несчастий. А ты совершенно свободна.

Здесь бы подошел злодейский смех, но кто придумал, что я склонна к таким жестам?

А если умрет она — ее сожрать не сможет никто. Под ее кожей — ядовитая ледяная белизна, горькая на вкус, обжигаящая кожу и чешую.

Славно.

Ей не хочется, чтобы кто-то жрал ее труп, хоть она и не должна, не может задумываться о посмертии.

Когда Леопольд начал спрашивать о приступах, ты не хотела рассказывать. Из тебя всегда было трудно вытянуть хоть слово правды. Вы с матерью и здесь были контрастны — избыточная открытость и полная изолированность.

Полная изолированность, да, Прошлая-Я, запертая в башне-конvente, здесь снова подошел бы злодейский смех.

Леопольд сразу заметил.

Зачем ты ему рассказала, зачем призналась? Это ты во всем виновата.

Но он не умирает — дергает за жало с такой силой, что ее окатывает холодом, будто она попала в ледяное течение. Она злится. Сжимает его щупальце своим и бьет жалом, всем весом — не отравить так проткнуть, отомстить, а потом сожрать.

Ее противник — странный. Кружит, принюхивается и не нападает. Больше не пытается хватать, тянуться или обманывать, и зубов у него, кажется, нет.

Кажется.

Она отвлекается всего на мгновение — подвинуть мертвое щупальце, от которого в воздухе настойчиво расплзается белый дым.

Словно молоко пролили в воду.

Что такое дым?

Ты ведь так любила чувствовать себя виноватой — ну так получай, почему я одна должна это носить. Мне нравится настоящий огонь и дома на пустырях, а вместе они нравятся еще больше, нравится представлять, что лабор на самом деле живой — помнишь,

кто-то рассказывал историю про механического тигра, которого заставляли притворяться настоящим? Тебе в детстве нравилась эта история.

Лучше бы ты побольше слушала таких историй.

Он наконец бросается, и она почти рада — теперь он стал понятнее. На паре его щупалец по пять отростков, а под кожей — жесткий костяной каркас.

У него есть кости и монотонная, голодная злость зверя забывшего, что значит быть сытым. Ему не нужны зубы, чтобы укусить.

Зачем ты рассказала Леопольду, что из-за тебя маме, твоей замечательной маме, которую все так любили, не давали лицензию на второго ребенка? Зачем этому человеку было знать, что ты не могла не вести себя, как малолетняя паскуда — в знак протеста, мама же должна любить тебя как в старых историях, просто так, а не потому что ты хоть чем-то заслужила. На кой хрен ты рассказала, что с детства привыкла издеваться над собой, придумывая все новые способы показать, какая ты на самом деле дрянь.

Несдержанная, агрессивная. Хамила соседям и учителям, дралась с другими детьми, портила общественное имущество, даже к карабинерам попадала — потому что никак не могла заставить себя стать такой, какой хотела видеть тебя милая мама с конвентами, на которых даже пряникам уютно. Молодец, ты рассказала об этом Леопольду. Вот этому человеку в белом однобортном пиджаке, заменяющем халат. Человеку с вечно растерянным лицом, несуразному, тощему, с нелепой щетиной, которую можно было убрать раз и навсегда за десять минут. Нашла спасителя, сука.

Что ты в нем почувствовала?

Настоящие вещи, настоящие люди, а, Прощая-Я?

Противник сдавливает горло — жало становится бесполезно, им не достать, и щупальца никак не получается свернуть так, чтобы вцепиться в неизвестного хищника, который не боится ни ее жала, ни белой ядовитой крови.

Тебе ведь мало было вины перед матерью и ее народившимися из-за тебя детьми, так получай еще вину перед Леопольдом. Забирай ее, а мне не нужно.

У меня другие дела.

Если бы не ты, все бы закончилось иначе.

Леопольд настоял, чтобы в общей гостиной поставили витраж из настоящего стекла. Потому что тебе нравились старые вещи.

Мне тоже нравятся. Ничего не могу с этим сделать.

Щупальца скользят по жесткой холодной коже — холоднее, чем у нее. Он запустил крючки-отростки, словно вросшие в ее горло и спину. Они становятся длиннее, вот-вот доберутся до сердца.

Жало дергается все реже, она уже почти не может и не старается им управлять.

А Гершелл разрешил это проклятое стекло. Если подумать — вот кто был во всем виноват. Вот кто сделал все, чтобы об этом никто не вспомнил.

Леопольд настоял, чтобы ты поговорила с матерью. Потому что он говорил тебе много правильных слов, которым ты верила, давал много правильных таблеток, которые тебе помогали. И ты почти освободилась. Помнишь, что он сказал? «Ты любишь вещи, которые называешь настоящими, ты хочешь искренности, даже если она уродлива, но продолжаешь что-то доказывать матери, которую придумала сама».

Гершелл так не умел. И его башня — малиновое бархатное вранье, сострадательный голос, задающий вопросы — тоже так не умела. Если где-то появляется красный бархат —

там ничего не бывает по-настоящему.

И ты поверила. Есть чужая женщина и ее «аватар», о котором она понятия не имеет — аватар, который ты создала у себя в голове. Ты ее больше не любила — хоть на это у тебя совести хватило.

Вам нужно было только поговорить. И ты была бы свободна.

Она всегда была неуязвимым хищником. Была ядовита, могла питаться падалью и свежим мясом, а могла не питаться вовсе, месяцами выжидая, пока появится добыча. Могла дышать под водой и на суше, могла протолкнуть щупальце в любую щель и достать оттуда еду, кем бы она ни была. Она была хитрой и умела прятаться. Всегда побеждала в редких боях — раньше на нее бросались от голода, от глупости, от безысходности, если что-то знало со своих охотничьих угодий.

А зачем ее хочет убить это существо она не понимала.

Может, оно просто было жестоко.

Поверила. Ты ему поверила. Нужно было тебе самой разбить тот витраж и нажраться осколков — все были бы счастливы. Еще и Гершелл с работы бы наверняка вылетел.

В какой момент все пошло не так?

Я не хочу этого знать. Я не помню, что сказала мама.

Но втайне я все еще надеюсь, что ты мне расскажешь. Ты-В-Конвете, Ты-В-Высокой-Башне, Я-Которая-Не-Вернется.

Может, ее место займут такие хищники — без жала, с короткими отростками на двух щупальцах. Не способные загрызть, только кусаться и душить.

Но ей не нравится такая суша и не нравится такая вода.

Что вы сказали друг другу? Гершелл так и не показал записи с камер. Мне нравится представлять, как он снимал чипы, а потом жрал их в темном углу, чтобы никто не узнал.

Ты ее толкнула? Я ее толкнула? Она сама от меня отшатнулась? Я видела себя в зеркале. Даже от тебя любой нормальный человек бы шарахнулся.

Мы все забыли, что стекла бьются. Гершелл забыл, Леопольд забыл, а ты как всегда не думала. Усиленный пластик на всех этажах, наверное, даже выстрел выдержит, а старое стекло оказалось таким хрупким.

Она переворачивается — у нее нет костей и она почти не чувствует боли. Обдает холодом, даже мертвые щупальца обдает — он сжимает так, что приходится выдирать куски мяса.

Даже если она умрет — убьет это существо, оплетет и пронзит, чтобы оно никогда не смогло охотиться там, где охотилась она, чтобы не забрало память о том, что когда-то она была непобедима.

Они умрут вдвоем, он растворится в белой ядовитой гнили вместе с костями и отростками. И это будет хороший конец.

Я помню, синий осколок, который торчал у нее из ладони. Но крови было столько, так много крови — я не знаю, где были остальные осколки. Разноцветные зубы, торчащие из рамы.

А лицо матери я совсем не помню.

Удивительно, но я совсем не помню ее лицо.

Зато помню, когда Ты превратилась в Я.

Когда подумала, что если бы убила ее — Леопольд не смог бы тебя спасти.

Мне до сих пор стыдно за эту мысль. До сих пор стыдно за те мгновения, когда я жалею, что все не сложилось иначе.

Жало входит в него неожиданно легко — кости есть не везде, а кожа не такая уж и толстая. И кровь у него красная, горячая — сможет согреть замерзшие щупальца, залечить раны. В нем много мяса, жаль только трупы, у кого горячая кровь тают слишком быстро.

Зато у нее останутся кости.

Ей хватит и костей.

Она обвивает еще дергающуюся тушу — это больше не противник — всеми здоровыми щупальцами, хотя знает, что существо не вырвется, никуда не денется и никогда больше не причинит ей вреда.

...

Марш очнулась, нависая над виртуальным рингом. Крест в ее руках был неестественно погнут, кожа под перчатками горела от частых электрических разрядов. Челка прилипла ко лбу и закрыла глаза, но Марш не торопилась ее убирать.

Ее лабор — весь побелевший и помятый — лежал в центре ринга, обнимая бесформенный черный комок.

Оператором оцифрованного лабора оказался Ренцо. Он смотрел на нее со смесью ужаса и брезгливости. Его консоль лежала на полу и истерично мигала всеми цветовыми сигналами. Будто без нее было непонятно, что лабор потерял управление и вряд ли когда-то теперь его обретет.

— Ты это... — наконец хрипло сказал Ренцо. — Ты бы... ну так-то нельзя, знаешь... ну... жить.

Марш наконец убрала челку со лба.

Интересно, действительно ли она провела весь бой зажмурившись. У Ренцо не спросишь — она не снимала очки.

Марш обернулась. Над белым рингом в черной пустоте плотный серый туман — из белой и черной крови.

Кем был оцифрованный лабор? Ее матерью? Гершеллом? Или она дралась с собой, той собой, что была заперта в конvente в виде башни со стрельчатыми окнами?

А может, она все же была тем древним черным монстром, который не знал поражений. В пятнах можно разглядеть столько образов, нужно только присмотреться.

Черный лабор обнимал побелевшими щупальцами груды искореженных, искрящих деталей.

Марш сняла очки, и первым, что она увидела, была до неприличия довольная рожа Бэла.

— Четыре тысячи токенов зачислены на ваш счет, — доложил Аби, так внезапно, что она вздрогнула.

— Я на тебя ставил, — сообщил Бэл, не переставая улыбаться.

— Назначение перевода: «За красивые глаза», — добавил Аби.

Бывают же такие гондоны.

Глава 8. Виновных нет

Когда раздался переливчатый сигнал звонка, а датчик движения над дверью замерцал золотистым светом, Бесси заваривала чай из нового бокса. Она такой раньше не пробовала — с белыми бутончиками, которые странно пахли. Аби сказал, что это жасмин, а потом зачем-то начал рассказывать, что вовсе не жасмин, а какие-то другие цветочки, которые проще выращивать и пахнут они так же. Бесси не всегда понимала, почему нельзя сразу сказать, что это другие цветочки, потому что жасмин она все равно никогда не видела, но на Аби не обижалась. Как умеет — так и рассказывает.

Только вот рассказ о цветочках ее отвлек, и она забыла, что в дверь звонят. Датчик движения потемнел — человек подошел ближе. Наверное, собирался стучать.

— Ой, — увидев Марш, Бесси совсем расстроилась. Она обидчивая, наверное будет ругаться. — Ты давно, давно стоишь?

— Нет.

Она переступила порог, и дверь с шорохом закрылась за ее спиной. Лампочка на датчике погасла.

— Помнишь мы говорили про записки? — настороженно спросила Марш.

Конечно, Бесси помнила. Она давно ждала, что Марш попросит отнести, и даже гулять не ездила в ту сторону, чтобы побольше соскучиться по району.

Только вот чая жалко — остынет.

— Я чай заварила, — осторожно сказала Бесси. — Давай выпьем, и я поеду, давай?

Марш рассеянно кивнула. Поискала взглядом куда сесть, отодвинула к стене большой синий пуф. Она выглядела усталой, и Бесси решила, что на этот раз надо все-таки накормить ее шоколадом.

— Почему у тебя полы ледяные? — вдруг спросила Марш, хрипло и тихо, будто давно ни с кем не разговаривала.

— Батареи не включают, — пожаловалась Бесси. — Аби говорит, что заявку долго, долго обрабатывают, потому что очередь большая. Две недели, две уже холодно.

— Совсем охренели, — поморщилась она. Прижалась затылком к стене, и монотонно заговорила: — Заявление в хозяйственный цех третьего квартала М-Эддаберг, от жильца комнаты 6098, на обеспечение комнаты 5857...

Бесси сначала пыталась слушать, но Марш называла много цифр и названий инстанций, и она быстро сбилась. Синий шарик заварочного чайника замигал, докладывая, что чай готов.

— Текущее значение рейтинга заявителя...

Бесси против воли прислушалась. Марш не боялась называть рейтинг, и Бесси быстро поняла почему — у нее позиций было больше.

В этом было какое-то противоречие, но Бесси никак не могла его уловить. Только почему-то почувствовала секундную обиду, сама не поняв, почему. Она нахмурилась, положив ладонь на теплый бок чайника.

Марш была хорошая, конечно, хорошая. Но много ругалась и на нее все время жаловались. Но у нее рейтинг был выше, чем у Бесси, которая ни с кем не ругалась.

А может, это надбавки, потому что она без глаза? Бесси сразу стало стыдно. Нашла чему завидовать! Правда глупая.

И вообще, она, наверное, много хорошего делает. Не может же она все время ругаться и всех не любить!

— Не исполняются надлежащим образом... жилец, проходящий по льготным категориям — сирота, имеет расстройство... — в голосе Марш прорезалась знакомая злость. — Репорт на исполняющего обязанности...

Пока Бесси разливала чай по блестящим кружкам, слово «репорт» Марш повторила раз пять. Бесси опять стало стыдно — из-за нее сейчас будут столько людей штрафовать! А батареи вот наверняка не включают. Не просто же так они не работали столько времени, наверное, что-то сломалось.

В следующую секунду ее отвлекла новая напасть — чашки были из сервиза, который ей дарили несколько лет назад. Они были красивые, с металлической краской пыльно-розового цвета, но Бесси представила, какое лицо будет у Марш, когда она ей предложит такую чашку.

Надо было купить другую, для гостей. Но у Бесси редко бывали гости, вот она и не подумала, а стоило, стоило подумать!

— Готово, — сообщила Марш. — Сейчас всем придет втык, и батареи включат.

Бесси не стала спрашивать, что такое втык. Она переживала за чашку, а в батарею вообще не верила.

— Ты что, целыми днями дома сидишь? — спросила Марш. Она действительно смотрелась ужасно глупо с розовой чашкой, но к большой радости Бесси ничего не сказала, и, кажется, даже не заметила.

Бесси хотела было успокоиться, но вспомнила, что чай она не пробовала, и он может быть невкусным.

— Нет, гуляю, гуляю иногда, — ответила она, быстро пробуя чай. И улыбнулась — он был замечательный, хоть и в розовой чашке. — Но мне скучно одной и людей, людей там много.

— Да уж, — усмехнулась Марш. — Тебе понравится дом, куда надо записки отнести. Он маленький, и там все... — она странно поморщилась. — Как ты любишь. Миленькое.

У нее получилось произнести слово «миленькое» таким голосом, что Бесси сначала думала расстроиться, а потом засмеялась — разве можно ругаться таким хорошим словом! Вот это наверняка была шутка, а шутки Бесси хоть и плохо понимала, но некоторые правда были смешными.

— Освальда помнишь? Рыжего?

Бесси кивнула. Спихватилась и полезла в ящик за шоколадом.

— Отдашь ему записки. Помнишь, что я про записки говорила?

— Никому-никому не показывать, никому другому не отдавать, не потерять, никому про них не рассказывать и про тебя ничего, ничего не говорить, — с гордостью сообщила Бесси. Она все запомнила.

— Правильно, — Марш даже улыбнулась, и лицо у нее стало совсем-совсем другое. — Еще... у меня еще кое-что есть. Я хочу, чтобы ты это тоже отнесла, и...

И теперь лицо у нее стало другое, непривычное. Она больше не улыбалась, и почему-то теперь казалась несчастной, как будто не хотела, чтобы Бесси это «что-то» куда-то несла.

— Вот, смотри, — решила Марш, протягивая к ней руку. Теперь лицо у нее было обычное, и Бесси даже решила, что все перемены ей почудились.

Прежде, чем посмотреть, Бесси все-таки вытряхнула из подложки несколько

разноцветных шоколадных лепестков и протянула Марш тарелку. Она взяла не глядя, и Бесси наконец-то рассмотрела что ей показывали.

На темном рукаве, натянутом на ладонь, поблескивали паучки. Бесси насчитала трех, но, кажется, под манжетой спрятался еще один. Они были похожи на синие камешки с серебристыми проволочными лапками.

Из-под рукава показалась золотая мордочка саламандры, но Марш раздраженно щелкнула себя по пальцам, и ящерка обиженно юркнула обратно.

— Красивые! — Бесси правда очень понравились паучки. На их спинках чернела буква «М», словно Марш их подписала.

— Я думала, ты боишься пауков, — фыркнула Марш.

— Зачем, зачем бояться пауков? — удивилась Бесси.

— Очень хорошо. Тогда бери. Их тоже нельзя никому отдавать и показывать. Их совсем, — с нажимом произнесла она, — совсем никому нельзя отдавать и показывать. Меня убьют, если ты их кому-нибудь покажешь или отдашь. По-настоящему.

Бесси не поняла, что такое «по-настоящему». Она понимала, что такое смерть, но не могла представить, чтобы кто-то умер из-за пауков с серебристыми лапками.

— Я не отдам! — заверила она. Марш была странная и боялась странного. — И не скажу, что это твои.

Бесси вдруг опять подумала, что ей наверное, не очень хорошо живется. И глаза у нее нет, и не любит ее никто, вот она наверное и сочиняет себе всякие ужасы. Если бы у Бесси не было глаза и ее никто бы не любил, она бы наверное тоже всего боялась.

А может, Марш и злится от этого?

Бесси стало ее очень жалко. Захотелось погладить ее ладонь, но она помнила, как Марш отдернула руку. Незачем делать человеку неприятно, надо просто отнести бумажки и паучков.

— Их тоже Освальду отдать? — уточнила Бесси.

— Нет. Попроси, чтобы Освальд тебе сад показал. Там, в саду, есть красная башня. Нужно вытряхнуть рядом с ней.

— Башня? Как в фильмах?

— Да. Только маленькая. Нужно, чтобы никто не заметил. Даже Освальд.

— Хорошо, — закивала Бесси. — Я вытряхну. А они не убегут?

— Пока не вытряхнешь — не убегут.

Бесси заметила, что Марш шоколад не ест. Она сидела хмурая и растерянная, и Бесси стало ее совсем жалко.

— Я не покажу, не покажу никому, — заверила она.

— Умница. Хм... смотри, что у меня есть.

Она снова полезла в карман и достала что-то серебристо-синее, размером с ладонь.

— Я его под шумок сперла, — непонятно хмыкнула она. — И перекрасила. Положи на пол и держи вот эту штуку.

Бесси таких зверушек никогда не видела. Она даже не могла разобрать, на что это похоже — на осу с щупальцами? Все равно зверушка была красивая, синяя с серебром, и на полу лежала смешно, как будто ее пролили.

Марш ей дала еще белый крестик, который потрескивал и словно притягивал зверушку, если опустить его пониже.

— Только на кнопку в центре не нажимай, — мрачно предупредила Марш. — Она жало

выбрасывает. Вернешься — я кнопку заклиню, чтобы... хм. Нравится хоть? Да? Ну и славно, а теперь пошли, я тебя к лифту провожу. Да пусть валяется, он уже... никуда не денется.

Марш проверила, чтобы все ее карманы, где лежат записки и паучки, были плотно застегнуты, и даже шарф ей поправила.

От ее пиджака пахло дымом, а пальцы оказались холодными, будто она и не держала только что горячую чашку. И Бесси вдруг подумала что-то такое, про жало и кнопки, которые просто можно никогда не задевать, но мысль где-то потерялась, потому что приехал лифт.

...

А домик и правда был замечательный — маленький, всего в два этажа и крыша синяя. И деревья вокруг настоящие росли — Бесси даже потрогала ствол на всякий случай. Ствол был живой, холодный и шершавый. Она видела деревья, но они обычно за городом росли, потому что у многих была аллергия, и их заменяли голограммами с проекторов.

Забор только ей не понравился — такие часто рисовали на стенах посмертных конвентов. Бесси такие видела — тесные комнаты без окон, где оставались все аватары и их апгрейды, играла музыка, которая человеку при жизни нравилась, и иногда еще были всякие штучки, которые родственники моделировали — цветочки, журавлики из бумаги или свечки. И на стенах вот такие заборы рисовали. Бесси не поняла, зачем вокруг такого замечательного домика такой жуткий забор, но к счастью, на него можно было не смотреть.

Ее этот забор еще и пускать не хотел, вопросы странные задавал — не несет ли она что-то запрещенное и нет ли у нее чего-то, что может взрываться. Глупости какие, взрываться.

А еще у домика были окна, настоящие! Бесси давно не видела окон, а тут они даже без занавесок, совсем прозрачные, а за ними — желтый свет.

— Аве Аби! Смотри, какой домик!

— Обрабатываю запрос... — прохрипело в наушнике.

— Ты покажись и посмотри, — предложила Бесси.

Аби вечно норовил подключиться к какой-нибудь камере или воспользоваться своими, а потом не знал, куда смотреть. Вот когда он в человеческом виде ведь гораздо проще — надо просто пальцем показать, он туда и будет смотреть. А смотреть точно есть на что!

Там, за окнами, она видела людей. Это было совсем непривычно — видеть сквозь дырку в стене как кто-то ходит в комнате, но ужасно увлекательно. Бесси даже подумала постоять во дворе подольше, но ей хотелось поскорее отдать записки рыжему Освальду — наверное, он ждет! — и выпустить паучков. Им наверное скучно в кармане сидеть.

Но сначала нужно дождаться Аби. Он с минуту пытался собраться из помех и голубого свечения, а потом наконец-то встал рядом с ней. Бросил на нее быстрый взгляд и полностью повторил ее позу.

Глаза у него были хитрые-хитрые. Бесси улыбнулась. Аби, конечно, ее не обманывал, просто не всегда понимал, чего от него хотят и зачем его позвали.

— Красиво, — уточнила она.

Несколько секунд Аби не двигался и лицо у него оставалось отрешенным, а глаза — хитрющими, будто он раздумывал, подшутить над ней или нет. А потом он медленно повернулся к дому и очень убедительно восхитился. Может даже слишком убедительно, но Бесси решила на этот раз об этом не думать.

Кто-то в окне помахал ей рукой. Бесси помахала в ответ, и Аби повторил за ней.

— Скройся, — скомандовала она, заметив, как по его рукаву побежали помехи.

— Эй, ты новенькая? Проводить тебя?

На крыльце стояла девушка в желтом свитере. Наверное, она и махала из окна. Бесси торопливо спрятала браслет под манжету и подошла ближе.

— Нет, я к другу пришла, — ответила Бесси, как Марш ее учила.

Она только сначала сомневалась, что Освальд считает ее другом, но Марш сказала, что он самый лучший ее друг, с платформы аэробусной ради нее бы прыгнул. Она это как-то так говорила, что Бесси решила, что это тоже шутка была, и вообще не очень-то поверила, что Освальд считает ее другом, но Марш наверное хотела ей приятное сделать, и не хотелось ее расстраивать.

— Э-эй, ты тут? Друга-то твоего как зовут? — позвала ее девушка. Оказалось она успела достать трубку, почти такую же, как у Марш, только от этой не дымом пахло, а персиками, и дым был не прозрачный, а сиреневый.

— Да-да, — спохватилась Бесси.

Вот поэтому ей было трудно с кем-то дружить. Она все запоминала, все слышала, но часто отвлекалась, и люди на нее обижались.

Но девушка совсем не обиделась. Она улыбалась, курила и разглядывала двор с таким довольным видом, будто сама все деревья высаживала. А может, правда высаживала?

Вот это было бы здорово!

— Освальд, — Бесси вспомнила, что был еще вопрос. — Он выпускается, выпускается скоро. А это не вы деревья сажали?

— Что?.. — растерянно пробормотала девушка, выпуская клуб лилового дыма. — Нет, я пациент, я не сажаю деревья... меня Джен зовут. А тебя?

— Бесси. — Она нахмурилась. Марш что-то говорила про пациентов, вроде что они не очень хорошие люди, и вообще слово «пациент» плохо звучало. Если «пациент» — значит, чем-то болен. Значит, человеку сейчас плохо.

Но Джен выглядела довольной, только отрешенной немного, почти как Аби, пока ему не подскажешь, зачем его вызвали.

— Очень хорошо. Я не знаю, где сейчас Освальд, — улыбнулась Джен. — Ты повидаться пришла? Давай вместе его поищем?

Бесси замаялась. Марш сказала, что нельзя говорить, что она что-то принесла, но Бесси ужасно не любила врать, да и не умела совсем.

Но ведь она пришла повидать Освальда?

— Повидаться, — сказала она, на всякий случай зажмурившись. — Пошли, пошли поищем.

— Ну и хорошо. Пошли, чего мы тут мерзнем...

Они мерзли, потому что Джен курила, но Бесси не стала ей об этом напоминать.

Наверное, она тоже была рассеянная.

Внутри дом тоже был замечательный, и Бесси пожалела, что нельзя его показать Аби — люди почему-то странно смотрели, когда рядом с ней барахлил его призрак. А она хотела бы показать кремовые стены с огромными экранами, на которых что-то такое странное показывали, вроде пятен разноцветных, но в них угадывались то кроны деревьев и птички, то блики солнца на воде, а еще были гладкие и мокрые черные камни. На других экранах вообще ничего не разобрать было, только пятна, но очень яркие и тоже красивые. Но лучше всего, конечно, были окна. Хотелось остановиться и посмотреть, потрогать стекло, но Джен быстро шла, а Бесси пыталась не отставать.

И музыка играла из всех динамиков, хорошая, но спокойная слишком — Бесси даже спать захотела. А на полу коврики были разноцветные, толстые такие, смешные. Она решила, что на обратном пути обязательно их тоже поразглядывает.

— Эй, Анни, ты Освальда не видела? — весело спросила у кого-то Джен. Бесси не стала смотреть — у окна больно уж замечательный коврик был, с бахромой.

— Он на тренинге, дорогая. С табуреткой разговаривает, — ласково ответила Анни. — А кто это его спрашивает?

Бесси все-таки оторвалась от коврика и поискала взглядом вторую девушку.

Анни носила такой же огромный желтый свитер, только ворот зачем-то подвязала синим платком. Она была ужасно славная, почти как коврик, наверное даже еще лучше. И глаза у нее были добрые-добрые, совсем светлые, волосы розовые и нос в веснушках нарисованных — Бесси раньше тоже такие делала.

— Подружка его, — пожалала плечами Джен. — А зачем с табуреткой разговаривать?

— Надо представить, что на табуретке сидит человек, из-за которого у тебя скопился непреодолимый негатив, — с готовностью пояснила Анни. — И все ему рассказать. Это для продвинутых, для новичков конвенты со специально созданными аватарами.

— И что, ты разговариваешь с дядей, которого пришила? — ехидно поинтересовалась Джен. — С аватаром его тоже разговаривала? Или ты его еще видишь на пустых табуретках?

— Вот видишь сколько у тебя непреодолимого негатива, — улыбнулась Анни. — Я как раз к Гершеллу иду обсуждать выпускную программу, попрошу, чтобы тебя на терапию с табуреткой записали. И девочку отведу, а? Хорошая идея?

Бесси ничего не поняла, но Джен куда-то делась, а Анни сказала идти за ней.

Паучки Марш во внутреннем кармане вдруг словно ожили, несколько лапок пролезли сквозь петли кардигана и слегка оцарапали кожу — словно им хотелось скорее убежать. Бесси прижала карман ладонью, и только потом подумала, что сейчас себя еще больше поцарапает. Но паучки оказались воспитанными и царапать ее не захотели — убрали лапки сразу, как она поднесла руку.

Все равно надо скорее их отпустить.

Анни повела ее на второй этаж — там коврики были серые, а стены розовые. На экранах показывали цветы и пчел. Только когда они остановились у серой двери, по которой бегала быстрая гусеница из синих огоньков, Бесси заметила, что Анни все это время держала ее за руку. Выше локтя, но Бесси неожиданно подумала, что ей бы не хотелось, чтобы она прикасалась к ее ладони.

— Аве, — вкрадчиво сказала Анни закрытой двери. — У нас с вами встреча.

— Можно постучать, — подсказала Бесси.

На ее двери камеры и датчики все время барахлили, и их подолгу никто не чинил. Надо было Марш еще про это сказать, а может и не стоило — она бы тогда еще больше жалоб отправила.

Анни только досадливо дернула плечом.

Гусеница огоньков распалась и снова собралась в две вертикальные черточки глаз и горизонтальную скобку улыбки.

Дверь бесшумно открылась.

...

Разговор с карабинерской ищейкой не заладился с самого начала. Рихард надеялся, что пришлют мальчика или девочку из новичков, потому что дома больше не горели, а если бы и

горели — кому какое до них дело, если подумать. Но пришел мужчина, его ровесник, без единого знака отличия на штатском пиджаке, и Рихард сразу понял, что придется говорить правду. Демонстративно выведенные на воротник датчики благостно мигали зеленым. Рихард знал, что для карабинеров Аби безошибочно анализирует уровень убежденности говорящего, а он не был уверен, что сможет обмануть искусственный интеллект.

Впрочем, он и не собирался. Пришлось вспоминать всех недовольных пациентов и уволенный персонал. Конечно, карабинер зацепился за историю с Леопольдом Вассером. Рихард подбирал слова так тщательно, что зеленые датчики слегка помутнели, сомневаясь — не пора ли взорваться торжествующей желтизной, обличающей полуправду?

Но он смог удержаться на этой грани. К счастью, Леопольд его послушал — уехал и с тех пор не пытался связаться. И записи с того конвента действительно не подлежали восстановлению из-за халатности сотрудника — тут зелень была ближе всего к желтизне. Никто не обвинил бы Рихарда в халатности, он бил по тем чипам молотком так ответственно, как только мог.

Ему даже удалось не назвать имени Марш Арто — вот уж каких выпускников Рихард не желал показывать карабинерам даже без мутных историй с экспериментами и штрафами.

Но он был уверен, что если взорвется еще хоть один распроклятый дом. Хотя бы задымится. Если кто-нибудь покурит внутри, и карабинеры заметят дым из окна. Да, тогда ему придется вспомнить все имена, поднять все архивы, включая рукописные. А этого ему совсем не хотелось делать.

Когда приперлась Анни, он еще не успел докурить расслабляющий концентрат и все еще был не в духе. Но пришлось срочно делать доброе лицо — для Анни он бы стараться не стал, но она притащила незнакомую девушку нездешнего вида, а таких Рихард инстинктивно опасался. С таких станется и дома поджигать.

Одета девочка была так, будто пьяная и в темноте грабила костюмерную киностудии — с полосатыми чулками не сочеталась желтая кружевная юбка, а с желтой юбкой — синее пальто, расшитое белыми цветами. Рихард видел много эпатирующих девушек, но у этой на миловидной мордашке читалась особая мечтательность, какой у эпатирующих никогда не бывает.

— Ее зовут Бесси, она пришла к Освальду, — доложила Анни. — Он про нее раньше не говорил.

Рихард поморщился. Анни очень старалась, Анни даже слишком старалась — думала, что убийство все-таки не сойдет ей с рук. Вот теперь она подогревает его паранойю, таская к нему в кабинет воздушных созданий, про которых не говорил Освальд. И все это до того, как он докурит концентрат.

— Аве Аби! Доступ к карточке посетителя, — потребовал он, покосив на Бесси.

Но она не протестовала и, казалось, даже не заметила бестактности — она разглядывала белый резной постамент и алую вазу с сухими цветами.

Рихард на несколько секунд прикрыл глаза, вслушиваясь в доклад Аби. Доклад ему не понравился — девочка была из тех, кого в «Саду» называли «люди с особенностями восприятия в легкой форме». Интересно, когда Освальд успел завести себе слабоумную подружку? Слабоумной, конечно, ее нельзя было назвать, но если один из выпускников собрался трахаться с тихой дурочкой, еще и сиротой — нужно объяснить ему, что так он рейтинг себе точно не поднимет.

И главное — что нужно подождать пока он, Рихард, переедет наконец в свой дом.

— Освальд скоро освободится, — сообщил он. — Ты хочешь подождать, или мне ему что-то передать?

Бесси обернулась и часто закивала. Потянулась к карману, а потом вдруг уронила руку и нахмурилась.

— Нет-нет, я подожду, — заверила она. — Где, где подождать?

Рихард потер виски. Он знал, что занятия, на которых должен быть Освальд, продлятся не меньше сорока минут, и проще его вызвать.

Да, вызвать, пускай объясняется со своей девчонкой, а потом зайдет к нему в кабинет и объяснит, что за неуместная любвеобильность в нем проснулась.

А Рихард объяснит, почему ее нужно держать при себе. Современные дети совершенно не умеют работать руками.

Нет, вряд ли девчонка его любовница. Это уже что-то на грани с педофилией, а Рихард видел дело Освальда — ни одного отклонения от нормы, что даже странно для юноши, выросшего без родительского ограничителя на профиле.

Вообще-то ему не было никакого дела до Освальда и его делишек. Но после разговора с карабинером что-то проснулось в сознании — потревоженное чутье, застарелая паранойя. Рихард жизнь построил на краю обрыва. Детей не завел, потому что не хотел рисковать рейтингом — он-то как никто знал, что от родителей иногда удивительно мало зависит. Не менял работу, не ввязывался в сомнительные предприятия даже в молодости. И теперь он чувствовал любой сквозняк, который пытался потревожить застарелый воздух дома на обрыве.

А еще у него болела голова и хотелось на улицу. Анни все не уходила и бросала на него многозначительные взгляды, будто ждала, что он вот-вот прикажет вызвать карабинеров обратно или свернет Бесси шею.

— Зачем ты будешь просто его ждать. Хочешь, сад тебе покажу? — решил он. — А когда Освальд освободится, я его позову, и ты ему... передашь что собиралась.

Можно прогуляться. Убедиться, что у девчонки в кармане не лежит бомба, а потом забыть о ней и ее жутком пальто.

Бесси сомневалась, и это было странно. Дурные предчувствия сгущались кислотой в горле — почему она сомневается? Не боится его, точно нет. В этом мире боятся только умные люди.

Он ей не нравится? Глупости, уж на детей-то его обаяния точно хватало.

И Бесси, словно отзываясь на его мысли, широко улыбнулась и кивнула.

...

Нехорошо это было — Марш сказала, что нужно Освальда попросить показать сад, а потом выпустить паучков. И Бесси решила, что ничего страшного не случится, если она погуляет не с Освальдом, а с этим славным дедушкой в клетчатом костюме.

Он, конечно, совсем был не дедушка, просто седину не закрашивал, но Бесси он казался похожим на Брейсовского Деда с открыток. И имя у него было такое кряхтяще-шипящее, Рих-хард Герш-ш-ш-елл.

— Анни тебе показала, где на первом этаже автомат с шоколадом?

Бесси покачала головой. Она видела такие автоматы в торговых центрах, и иногда покупала картонные стаканчики с разведенным в кипятке приторным порошком, но они ей не очень нравились.

— Я покажу, — улыбнулся ей Рихард. — Знаешь, что это за место?

Бесси кивнула. Коврики она старалась больше не разглядывать, но на стенах с экрана на экран перелетала толстая пушистая пчела, и мысли потянулись за ее полосатыми боками.

— Ты давно знаешь Освальда? Ты познакомилась с ним до того, как он сюда попал?

— Не-а, недавно. Мы в баре сидели, там музыка громко-громко играла, — пожаловалась она. — Они с... с...

Бесси страдальчески закатила глаза. Она любила, любила людей, и хотела с ними разговаривать, но постоянно нарушала какие-то негласные правила, которых не понимала, а потом так расстраивалась! Вот что сейчас надо говорить? Нельзя же про Марш рассказывать. Или можно, но нельзя говорить про паучков?

Вот бы ей позвонить! Она бы ей подсказывала, как Аби.

Бесси представила, какие слова ей бы подсказывала Марш, и передумала звонить. Она такие даже выговорить не сможет.

— Со своим другом там сидели, — мучительно нашлась она.

Нужно было ждать Освальда! У этого Рихарда вообще-то доброе лицо, но глаза такие — почему у всех сегодня такие хитрые глаза? А может, ей кажется только?

— Вот как, — улыбнулся ей Рихард.

Она и пропустила момент, когда он успел заказать шоколад в автомате. У него в руках была кружка — не бумажный стаканчик, а настоящая кружка, в клеточку, как его пиджак, как Брейсовские пледы в больших торговых отделах! Вот это было здорово, вот какую кружку надо купить, чтобы когда в следующий раз придут гости, их не пришлось поить из розовых чашек, которые наверное только ей и нравились...

Бесси опять задумалась. Она поняла, что Рихард что-то ей говорил, а она просто смотрела на светлую кремовую пену на шоколаде и думала о чашках.

— ... хорошие люди, которые делают хорошие дела, — задумчиво закончил Рихард. Кажется, он только что сказал что-то важное и о чем-то важном для себя подумал, а она все прослушала!

Надо было признаться, попросить его повторить, но Бесси не смогла. Он тоже о чем-то задумался, мерно постукивая по черному боку автомата длинными пальцами, и Бесси подумала, что пусть он себе думает дальше свои хорошие мысли, а она попробует шоколад.

А шоколад был лучше, чем домик, чашка и даже коврики!

— Никогда такой не пробовала! — сообщила она, решив, что Рихарду точно будет приятно.

— Вот как? — удивился он. — Ты никогда не пила горячий шоколад из третьего меню?

— Мне в боксах, в боксах присылают, — поспешно заверила она. Не хотелось, чтобы он решил, что она несчастная и шоколада никогда не ела, он же расстроится тогда. — В автоматах только не такой, как в боксах.

— Чтобы открывалось третье меню, много рейтинга не нужно, — нахмурился он. — И тебе не хватает рейтинга даже на него? Очень интересно...

Бесси вдруг поняла, что шоколад не такой уж и вкусный, а в саду, куда они вышли, холодно и противно.

— Аби говорит, надо хорошие, хорошие дела делать, — хмуро сообщила она. — Я делаю, но мало. Мало.

Вдоль дорожки, по которой они шли, горели золотые клубочки гирлянд, и каждый кирпичик у них под ногами становился похож на ломтик желтого бисквита. И на деревьях были темные зеленые листочки, которые шумели, хотя ветер почти не дул. Это было

здорово, и вовсе тут было не противно, и шоколад все же замечательный, а только лучше бы Рихард таких вопросов не задавал!

— Ты думаешь, что рейтинг начисляется за хорошие дела?

Ей показалось, что его это огорчило, и Бесси стало стыдно. Вообще-то она очень давно хотела об этом поговорить. Ей в приюте все объяснили, но с тех пор столько вопросов появилось!

— А разве нет?

Снова пришла эта мысль про Марш — та, плохая мысль с той злой, глупой обидой. А Рихард, наверное, все бы объяснил.

«Меня убьют, если ты их кому-нибудь покажешь».

Но она не собиралась показывать паучков! Даже имени Марш называть не стала бы, просто спросила, как на самом деле рейтинг начисляют. Потому что Бесси было очень, очень грустно чувствовать себя плохим человеком.

— Конечно, нет. Смотри, — Рихард указал на что-то светящееся за деревьями. — Зимний сад. У нас даже есть куст жасмина.

— Аби мне рассказывал, рассказывал про жасмин! — обрадовалась она, забыв про рейтинг. — Сегодня, когда чай заваривали!

Рихард усмехнулся — вот у него получалось не обидно усмехаться! — и свернул с дорожки.

Стеклянный купол зимнего сада, подсвеченный лиловыми лампами, напоминал вырастающий из земли мыльный пузырь. Бесси видела только каркасы и осколки таких пузырей на окраинах. На торговых этажах все цветы были за витринами и их просто так не открывали. Где-то в пятом квартале кажется, была оранжерея, но Бесси так туда и не съездила.

— Мы ее построили для пациентов. У меня был... друг, который говорил, что когда человек сажает цветы — он перестает быть человеком, который страдает, и становится человеком, который сажает цветы. Он говорил удивительно много ерунды.

В голосе Рихарда послышались виноватые нотки. Бесси опять стало его жалко, и она решила, что если до его ладони дотронуться — он не отдернет.

Он не отдернул, наоборот, сжал ее руку и улыбнулся. У него улыбка была хорошая, и пальцы теплые, а еще Бесси — она правда-правда не хотела туда смотреть! — заметила браслет под кремовой манжетой и успела разглядеть, сколько там позиций.

Ну ничего себе! Бесси никогда таких цифр не видела, это же какой хороший должен быть этот Рихард Гершелл, чтобы столько рейтинга накопить! Он, наверное, людей каждый день спасает и никогда ни с кем не ругается, и все его любят!

Надо обязательно Марш про него рассказать. Вот она ходит такая грустная и не знает, что где-то есть такой замечательный человек, который всем помогает.

А может, все наоборот.

А может, стоит рассказать Рихарду про Марш?

Рихард приложил браслет к датчику на двери и жестом пригласил ее в оранжерею.

...

Девчонка недоговаривала. Рихард знал, что Освальд с друзьями ходил в бар — это было совсем недавно. Аби докладывал ему о перемещениях всех выпускников, должен же он знать, если кто-нибудь соберется сделать глупость. В посещении бара ничего криминального не было, но где они нашли Бесси? Вряд ли она сама пошла в бар с нелегальным алкоголем и

слишком громкой музыкой. Музыка — для переговоров? Чтобы заглушить датчики Аби?

Лучше бы Освальду и его друзьям покупать там дурь.

Но зачем? Это во времена его молодости список легальных эйфоринов состоял из трех позиций, и то им хватало, а сейчас-то все иначе.

Нет, тут что-то другое.

Поджоги?

Быть не может.

— Тебе нравится ходить по барам? — спросил он Бесси, которая с неподдельным восторгом разглядывала грядку с салатом. Это был проект группы, которая боролась с негативными реакциями экологическим питанием, таких пациентов Рихард больше всего любил. В основном потому что они предпочитали в центре не задерживаться.

— А? Нет-нет, не нравится.

— А зачем ты туда пошла?

— Куда?

— В бар, где вы с Освальдом познакомились, — в любом другом случае Рихард бы уже начал злиться, но он знал, что Бесси не притворяется.

— А! За пирожным, — с облегчением ответила она. — А это что такое?

За пирожным? Это была глупая причина идти в бар, но с другой стороны — почему бы и нет.

Тревога утихла так же внезапно, как разыгралась. Почему-то мысль о том, что эта девочка ходила в клуб есть пирожные успокаивала своей абсурдностью.

Бесси указывала на куст жимолости, усыпанный белоснежными цветами. Это был модифицированный кустарник, на котором никогда не бывало ягод, зато он всегда цвел. Рихард такие не любил, к тому же жимолость сажали в честь умерших.

Этот куст он особенно не любил.

— Лоницера. Его посадил мой друг, который любил сажать цветы.

— А сейчас он где?

Рихард пожал плечами. Он называл Леопольда другом, чтобы девочке было понятнее — такие, как она не умели мыслить полутонами. Коллега, приятель, хороший человек — слишком сложные слова.

— Хотел помочь одной... особе. Но он, между нами, не очень хорошо умел помогать. И выбирать кому помогать.

Бесси не ответила. Она явно не умела концентрироваться, но это было даже мило. Рихарду нравилось явное, искреннее удовольствие с которым она гуляла по оранжерее. Для него здесь ничего нового не было — черные постаменты, белые дорожки, стеклянный купол с подсветкой и ультрафиолетом, да модифицированная зелень на постаментах. Три десятка видов цветов, зелень и овощи, которые легко выращивать — в основном для съемок. Вряд ли кто-то из пациентов знал, зачем нужны анютины глазки.

— Ты бы, наверное, сказала, что он был плохим человеком, — усмехнулся Рихард, зная, что Бесси его не слышит. После разговора с карабинером почему-то хотелось говорить правду. — У него под конец совсем не осталось рейтинга, но он просто был дурак.

Он сел на пустой постамент рядом с грядкой, засаженной майораном. Майоран пах куда слабее цветов, и это было славно — голова все еще болела.

Рихард слышал, как Бесси что-то бормочет, спрашивая у Аби названия цветов. Видел, как она хмурится, трогает лепестки кончиком пальца и не пытается ничего сорвать. Это

было немного странно, обычно девушки, попав сюда в первый раз, обрывали цветы едва ли не налысо — знали, что они быстро растут.

И он неожиданно обнаружил, что ему даже не нужно докуривать концентрат.

— Она вообще-то ни в чем не была виновата, — неожиданно признался он белым цветам на пальто Бесси. — Если бы Леопольд дал ей пройти программу — ничего бы не случилось. Но он вбил себе в голову, что ее проблемы можно решить. Хотя я много раз говорил, что мы здесь занимаемся совершенно...

Он осекся. Бесси позвала Аби, и сейчас он стоял рядом с ней, показывая цветок чубушника между разведенным большим и указательным пальцами. Бесси сравнивала его с жасмином на кусте.

Рихард не помнил, когда последний раз видел Аби. У его помощника, конечно, была масса визуальных модификаций, он бы ни за что не оставил его таким растрепанным обормотом, но все равно — зачем его звать?

Интересно, понимает ли Бесси, что именно Аби начисляет рейтинг? И что, она обижается, когда он ее штрафует?

— Совершенно другими вещами, — задумчиво закончил он. — Между прочим, это меня в той истории выставили злодеем, с моим-то рейтингом за хорошие поступки, а? Я до сих пор не знаю, как надо было.

Он поднял взгляд к потолку. Там нет Бесси, ее пальто и рисующегося перед девчонкой Аби в социальной модификации, которого она не смогла научить даже натуралистично проявлять эмоции. Только пластик, подсвеченный разноцветными лампами, и темнеющее небо за ним.

— Леопольд вбил себе в голову, что девчонке нужно поговорить с матерью. Я ведь ему объяснял, что мать не собирается с ней разговаривать, и что так дела не делаются. Хотел давать ей таблетки — пожалуйста, она с таблетками хотя бы рот меньше раскрывала. Я даже лоботомию предлагал, с ее-то характером ему бы премию точно выписали...

Разноцветное стекло у него над головой сияло лиловым и золотым.

— Подумай, что я должен был делать? Он убедил-таки ее мать предоставить ограниченный доступ к ее профилю, смоделировал на его основе аватар — идея-то хорошая, мы теперь так делаем. Только у Арто и без таблеток каша была в голове...

— А? — встрепелась Бесси. — Что-что?

— Я сказал — здесь очень красивая крыша, — усмехнулся Рихард.

Вообще-то она могла переспросить у Аби, и он бы ей повторил, но он был уверен, что она не станет этого делать.

Вообще-то Аби мог и кому-нибудь другому это повторить.

Не стоило говорить вслух, что было дальше. Пусть это остается на записях с разбитых молотком чипов.

Леопольд привел ее в общую гостиную, потому что там было много места. Рихард посмотрел записи с внешних камер — взгляд у Марш был полностью отсутствующий, словно она добавила к таблеткам эйфоринов. Леопольд вел ее под руку, но Рихарду казалось, что если она упадет — он не сможет ее удержать.

Эта мысль пришла, когда он впервые смотрел ту запись, и Рихард не отказал себе в удовольствии на несколько секунд сосредоточиться на ее восхитительной ироничности.

Рихард не знал точно, да и не хотел знать, что именно видела Марш Арто в том конvente. У него от чужой боли ухудшался аппетит и падала работоспособность. Знал, что

она сидела спокойно, бормоча слова, которых он и не пытался расслышать, а потом бросилась к окну.

Он так и не понял, специально она его разбила или споткнулась и упала, но до сих пор зажигал лампочки на алтарях всех богов, в которых не верил, в благодарность за то, что Леопольд позвонил ему, а не кому-то из врачей или администрации.

До того дня Рихард мог решить любую задачу, брался оправдать любого. Но эта головоломка не складывалась, она вообще целиком состояла из лезвий и гвоздей и не предназначалась для того, чтобы ее решали.

Он все еще считал, что Марш Арто стоило бы придушить, возможно еще в детстве. И тогда считал. Но в тот момент он принял решение встать на ее сторону, даже против ее воли.

— Правда красивая, — раздался мечтательный голос Бесси.

Рихард только сейчас понял, что девчонка давно сидит рядом, сложив руки на коленях, как и он, и смотрит на стеклянную крышу оранжереи, как и он. А рядом с Бесси сидит Аби, повторяющий ее позу.

Они будут отлично смотреться на записи. Нужно будет и по этому чипу постучать молотком.

— Пойдем, занятие, наверное, уже кончилось. Оставь чашку, ее потом заберут.

Когда они проходили мимо башни, Рихард вспомнил, как последний раз пытался быть для Марш другом. Он сказал, что она ни в чем не виновата, и что ничего не было — ее мать не приезжала, что бы они ни видели, что бы ни делала — это был отклик программы, совпадение алгоритмов и команд.

Медицинский отдел был изолирован от основных помещений. Больничные интерьеры тревожили и вызывали неприятные ассоциации, а это противоречило концепции «Сада», поэтому все оборудование и две палаты помешались в подвале. В белом свете ламп Марш показалась ему старше — словно она очень давно здесь лежит и не может понять, где начинается реальный мир и заканчивается путанный сон.

В тот момент он испытывал странную смесь жалости и страха — пугала не она сама, а ее безумие, темное и неясное. А было ли оно на самом деле, или она просто острее воспринимала все изъяны виртуальной реальности?

Поэтому, а еще потому что она все-таки была девушкой больше чем вдвое его моложе, и ему пришлось помогать Леопольду снимать ее с оконной рамы, Рихард все-таки решил попробовать ее утешить.

Все ненастоящее. И чувство вины перед матерью, и сцена в гостиной, и все, что она еще могла себе придумать — этого никогда не было.

Он редко видел настолько осмысленное выражение в ее глазах, серых и прозрачных, как вода. Марш улыбнулась ему и сказала, что знает.

Рихард даже без Аби слышал, что она не врет.

И это воспоминание — больничный свет, сухой воздух, усталое лицо с непривычно мягкими чертами, которые злость не успела заострить снова, и это «Я знаю», искреннее и ясное, страшнее, чем безумие — все это было таким ярким в этот момент.

Таким ярким и близким, что Рихард не заметил, как Бесси разжала ладонь, и серебристо-синие искры упали в сухую траву, чтобы тут же в ней погаснуть.

...

Бесси вернулась домой совершенно без сил. Она всю дорогу обратно перебирала все, что говорила и делала, и ошибок не находила, ни одной, да! И про Марш она не сказала, и

записки отдала так, что никто не видел, и паучков выпустила. Одного, правда, в оранжерее чуть не потеряла, но не потеряла ведь.

И Рихард был такой славный человек, правда она его про рейтинг так и не спросила. Но он разрешил еще приходить, вот в следующий раз она его и спросит. И цветов предлагал нарвать, но Бесси было жалко.

Когда она наконец открыла дверь, ее встретило непривычно стройное мерцание всех датчиков и мерный гул батарей.

Бесси встала на колени прямо у коврика и прижала ладони к полу.

— Теплые! — восхищенно сообщила она Аби.

И пожалела, что все-таки не взяла цветов. Хотя Марш, наверное, не нравятся цветы.

Глава 9. В одиночестве

Рихард нервничал. Сегодня он еще мог позволить себе нервничать, и он не стал сопротивляться, полностью отдавшись этому чувству. Он лежал на диване, сняв пиджак, расстегнув манжеты и безобразно растянув галстук, пил бренди из запаса «на-самый-самый-особенный-случай», курил настоящий табак и упивался букетом из дыма, древесных и фруктово-кислых нот алкоголя, разыгравшейся паранойи и восхищения собой.

Только тревога позволяла настолько полно ощущать свои достижения, ведь он тревожился, потому что у него скоро будет дом. Он заработал его, выцарапал его у судьбы, выцарапал из грязи и обломков, среди которых ему приходилось жить, и теперь, совсем скоро.

У него будет дом.

Он получил разрешение на переезд. Еще не получил гражданство Среднего Эддаберга, но с ним несколько раз связывался агент, чтобы показать комнаты и договориться о покупке базовой мебели и техники, а также установке домашних программ.

Для Рихарда это были звонки из другого мира. Из другого мира ему показывали кремовые стены в плотной шелковистой шпукатурке и огромные окна, за которыми сияли огни.

Окна. Рихард никому не говорил, как ему не хватает окон в его квартире в жилом квартале. Конечно, у него было несколько комнат, а не одна конура, и в каждой комнате на стенах были экраны, которые показывали любой пейзаж, но все же ему хотелось, чтобы мир за пластиковой перегородкой был настоящим.

Светлый паркет — агент сказал, что это натуральное дерево. И Рихард верил, что в другом мире люди могут ходить по настоящим доскам.

Кухню они обсуждали особенно долго. Агент предложил два варианта жилья — для одинокого мужчины, с маленькой кухней, на которой места было втрое больше, чем в индивидуальных ячейках на общественных кухнях в жилых кварталах, и семейный вариант, где кухню увеличили за счет гостиной.

Рихард долго сомневался, так извелся, что три дня не мог есть, спать и работать. И в конце концов выбрал большую кухню. Семьи у него не было и даже готовить он не умел, но фантазия о том, что он сможет научиться и не выбирать очередную доставку или палатку с едой навынос — эта фантазия была чем-то из мира деревянных полов и кремовой шпукатурки. И Рихард не смог от нее отказаться.

Этот дом он давно считал своим и даже чувствовал с ним физически ощутимую связь — словно он долго блуждал в сырой темноте, а потом наконец-то увидел приоткрытую дверь. Дойти, дотянуться, оставить позади темноту, сырость — работу, прилипшее к лицу выражение вежливого интереса, от которого ломило челюсти, пациентов и все их выходы, коллег, все удачные проекты и неудачные тоже... да, сырость. Только сырость и темноту.

Рихарда не пугала мысль о приближающейся старости. Он регулярно ходил на осмотры, принимал самые дорогие витаминные комплексы, проходил пятнадцать пролетов пешком прежде чем зайти в лифт. Даже пил выводящие составы для нейтрализации эйфоринов и концентратов, которые он постоянно курил.

Рихард будет жить долго, да, он проживет долгую жизнь. Там, в Среднем Эддаберге наверняка лучше больницы и лекарства, лучше еда и чище воздух. Больше кухни и окна.

Нужно только дотянуться. Дождаться проклятого выпуска, сдать последний отчет и забыть о Младшем Эддаберге.

Рихард потянулся, разминая затекшие плечи. Удивительно, но тело упорно требовало движения — а может, хотело вернуться в офисное кресло, на котором нужно держать спину прямо, а подбородок — приподнятым.

Не хотело отдыхать — почему?

Словно нужно куда-то бежать, что-то исправлять, потому что вот-вот все разлетится на куски. Все разлетится, щелчки на табло станут чаще, и крутиться оно будет в обратную сторону. Что-то крадется, готовится к прыжку, тянет энергию, присосавшись к генераторам и поблескивает синим в темноте — что за странные фантазии?

Что-то готовится. И чему-то нужно помешать забрать...

Думать о том, как нечто нарушит его безупречные планы, было невыносимо. Эти мысли свербели, зудели и ворочались зарождающейся головной болью.

Думать о своих безупречных планах, доме и жизни в Среднем Эддаберге было упоительно. И думать, сколько он сделал для того, чтобы сейчас бояться это потерять — это было еще лучше.

Программа была готова. Большая, сложная, Рихард ею очень гордился. Все выпуски были распланированы на неделю. Ради своего последнего выпуска он даже решился поделиться авторским методом — «исповедальной». Ни один центр до «Сада» не применял такой вид терапии, хотя попытки эксплуатировать религиозные атавизмы конечно были и до него.

Этой частью грядущей программы Рихард особенно гордился. У него была потрясающая история для потрясающей Анни, которой осталось совсем немного постараться и получить свою индульгенцию.

У Анни была темная история, но уходит и полагается с эффектным затемнением, кому как не Рихарду об этом знать.

Он никому не позволял заходить в башню много лет. Только пациентам и проверяющим. Рихард берег свой метод от чужих глаз и яркого света. Такими вещами не делятся, а пристальное внимание убивает всякую тайну. Он бы просто не смог снова заставить людей поверить, раскрыться, даже с таблетками и отдушками в ароматизаторах, если бы все узнали, как именно расположены в башне драпировки, пощупали темное дерево исповедальной кабинки.

Посмотрели на ритуал со стороны.

Но теперь Рихарду больше нечего беречь — в его жизни отныне не будет ни башен, ни чужих секретов. Пусть другие выслушивают про эротические фантазии и мелкие грешки, а он — теперь-то почему бы и нет — с удовольствием научит это делать.

Он хотел бы помочь Анни снять эфир, но они решили, что будет лучше, если она останется одна. Рихард заказал несколько новых ламп и камер, остальное Анни сделает сама.

Его всегда удивляло, насколько легко достичь популярности на живых эфирах. Можно смоделировать любую реальность, можно снять электронный слепок человека, создать его аватар, повторяющий мимику и жесты, но стоит кому-то выйти в живой эфир, показать собственное лицо и сделать что-то по-настоящему — рейтинги и очки симпатий росли так быстро, что не выдержало бы ни одно табло.

Кто придумал, что курить крепкий табак и пить крепкий алкоголь — хорошая идея? Все

вкусы слились в кислотовато-терпкую горечь. Но даже горечь казалась восхитительной.

Анни снимет свою историю в виде исповеди. В башне. Только она и камеры, которыми он, конечно, будет управлять сам, не сможет же Анни сама выбирать ракурсы.

Это будет эфир для второго дня выпускных программ, для первого лучше что-то более традиционное. Но в первый день нужно порепетировать. Проверить связь, посмотреть, насколько Анни убедительно смотрится в кадре.

Но Рихард был уверен, что она будет смотреться убедительно.

Да, конечно же, да.

До начала отчетных программ последнего в его жизни выпуска остался еще один день.

...

Марш было страшно. Это был особенный страх, незнакомый. Она думала, что уже ничего не может бояться — после того как она потеряла глаз, потеряла Леопольда, после того, как нашла всех своих темных двойников и осталась с ними жить. После этого она ничего не должна была бояться.

Но она боялась.

Когда начнутся эфиры Рихарда Гершелла, эфиры, на рекламу которых он явно не пожалел средств, она будет у себя дома смотреть трансляции с внешних камер «Сада». На этот раз она не приблизится к месту взрыва, не позволит, не даст ни одного повода выставить себя виноватой. Гершлл не вывернется — Освальд и остальные дали ей доступы к своим профилям. Они сами согласились взять ответственность за этот поджог.

Марш уже с трудом помнила, что им наплела. Что-то про высказывание, про революционные акции? Ах да, серебристая оса, лучший эфир недели. Очки, благодаря которым можно позволить себе несколько лет хамить людям и не бояться ответственности.

О, она могла потратить эти очки куда лучше. Но Марш давно не видела смысла тратить рейтинг на себя.

Что она могла? Переехать в комнату побольше? Открыть себе доступ к нижнему уровню учебных программ, чтобы ее научили собирать конвенты или настраивать рекламу для других конвентов?

Марш уже поняла цену успеху там, в виртуальном пространстве. Поняла, чего хотят настоящие люди — жадные глаза и перекошенные рты, вот уж нет.

А главное — она эти очки зарабатывала не для себя. Она на них права-то не имела, но раз уж так получилось, что они остались с ней — почему бы не потратить на право быть собой.

Этой всем неприятной, мерзкой собой.

Девушка в стеклянной башне смотрела мрачно.

— Чего ты боишься?

— Когда башня взорвется, с профилями Освальда, Даффи и Иви разойдутся уведомления. Они возьмут на себя ответственность за этот поджог и за прошлые, сразу трое выпускников Гершелла, которых он официально признал готовыми к выпуску... — пробормотала она, закрыв лицо ладонями.

Пришла в конвент посмотреть самой себе в глаза и закрывает лицо. Хорошо что она не может ненавидеть себя сильнее.

— Но их признал готовыми к выпуску не Гершелл, — усмехнулся ее собственный голос.

Ее голос. Мягче. И меньше хрипит — она тогда столько не курила. Зачем она сюда пришла? Надеялась услышать в собственном голосе торжество?

Тогда в ней не было столько злости. Как она могла забыть, что создала этот конвент, чтобы не забывать о хорошем в себе? Зачем еще и сюда потащила свою ненависть?

Потому что в одиночку она с ней больше не справлялась. С ненавистью — и со страхом.

— Гершелл отвечает за репутацию центра. Я даже не уверена, что Освальд и остальные не отделаются продлением срока в центре на пару месяцев, — с вызовом ответила она, не отнимая рук от лица.

— Ты знаешь, что это не так, — голос прозвучал совсем рядом. Марш откуда-то точно знала, что ее аватар только что положил руку ей на плечо, хотя тактильных модификаций у нее до сих пор не было.

И уже вряд ли когда-нибудь будут.

— Значит, им выпишут штрафы, — огрызнулась она. — Поставят ограничители на профили. Отстань, они сами так решили, я их не заставляла. Никто им рейтинги не обнулит, они же не убийцы и не террористы.

— Но ты намекаешь об этом в сообщениях, которые составила от их имени, — заметил ее голос.

— Напекаю, а не говорю прямо. Скажут карабинерам, что это не так — и отделаются легко. А начнут дурить, упираться и повторять чушь про революции и высказывания — не моя вина. К тому же они действительно получают очки от просмотров, люди же любят шоу со взрывами. Если их не заморозят, то очки общественных симпатий могут покрыть ущерб от...

— Ты сама в это не веришь, — голос был печален. — Ты просто не хочешь этого делать. Не хочешь никого подставлять. И не знаешь, что делать дальше.

— А какой у меня есть выбор?!

— Прости его.

Марш сорвала очки так резко, что вырвала один из датчиков в повязке. Зашипела от боли, растерла ладонями лицо, и вдруг поняла, что если бы не боль — она бы разрыдалась.

— Да что ты за сука! — рявкнула она, швыряя очки в стену. — Что я была за сука! Раз я была такая замечательная была и всепрощающая — какого хрена сейчас-то все так?!

Можно спуститься в аптеку. Она помнила белые коридоры без дверей, тесные, светлые, с низкими потолками. Нужно пройти по этому лабиринту к закрытому решеткой помещению, полному стеллажей и витрин. Попросить капсулу мизерикорда и выпить завтра, когда все будет сделано. Аби отправит карабинерам сообщение о том, что она приняла мизерикорд, не нужно даже переживать, что ее труп не найдут.

А может, это было бы весело. Ее нашли бы через пару месяцев, по запаху из вентиляции и хорошенько попытели, отдирая ее останки от пола. Да, от пола, чтобы нельзя было просто выбросить труп вместе с кроватью.

Марш не выдержала и расхохоталась. Она редко позволяла себе такие выходки, находя их слишком драматическими и манерными, но сейчас, казалось, только это и может принести облегчение.

Последний раз, пожалуй, когда увидела, как Леопольд собирает вещи. Он ее такой и запомнил, конечно же. С тех пор она и не срывалась, но сегодня-то был особенный день.

Может быть, последний.

Хотелось странного. Хотелось спуститься, купить в палатке кремное пирожное и съесть его, растирая крем по лицу и рукавам. Хотелось зайти в душевую кабинку, включить ледяную воду и лежать на полу, дышать ей, пока легкие не начнет сводить, а все идиотские мысли не уйдут в слив.

А может, стоило написать письмо. Например, Леопольду. Он закрыл все контакты, его профиль все эти годы оставался приватным, но может, он однажды прочитает и тогда их прощание состоится. Что бы она сказала ему? «Мне осталось жить полтора часа, я что-то сделала не так, но уже не пойму, что именно?»

«И пусть памяти обо мне не останется даже в чужих снах?»

Чушь какая. И пирожные, и сны, и вода — все чушь, но ужасно, ужасно смешная, чу-у-ушь!

Она не отказывала себе — смеялась, позволяя легким выталкивать все обрывки слов, которые она не могла сказать, мыслей, которые не могла подумать. Поступков, которые не могла совершить.

Что-то теплое ползло по щеке из-под повязки. Наверняка кровь. Это было очень плохо, потому что мир начал расплываться, повязка явно потеряла контакт. Сможет она сама его вернуть или придется идти в санблок?

Какая разница. Она даже рада была этой боли.

Она ее, в конце концов, заслужила, и еще заслужит. Обязательно заслужит, если кто-то думает, что знает, какая она дрянь, то ей есть что сказать всем этим людям!

Но как же.

Как же не хотелось, чтобы завтрашний день наступал.

Марш перестала смеяться и провела по щеке кончиками пальцев. Они остались чистыми. Значит, она все-таки плакала.

Зато идти никуда не надо.

— Аве Аби, — хрипло сказала она. — Най-ди мне... най-ди...

Стук зубов дробил все слова на короткие слоги. Холодно.

Она осеклась. Кого найти? Кто ей мог помочь? Мать? Марш с ней не общалась. Мама могла думать что угодно, но что ей было делать с тем видением, как быть с мыслью, что она может забыться, что рядом может оказаться бьющееся окно или еще какая-нибудь дрянь? Нет уж. Если они выяснили на том сеансе, что от нее одни беды, если она окончательно убедилась, что ее нельзя подпускать к людям — то пусть все остается так.

В конце концов, мама часто об этом говорила.

Но ей нужен был хоть кто-то.

Хоть кто-нибудь.

Что если пойти к Бесси? Мысль была совершенно дурацкая, но девочка совсем не притворялась. В ней что-то было от старого веера и фарфоровой черепашки, настоящее, осязаемое и тяжелое.

Исцеляющее? Нет, этого было мало. Недостаточно даже для облегчения. И ее чай, шоколад и картинки на стенах Марш точно не помогут.

Картинки на стенах. Кто бы мог подумать, что она тоже любит настоящие вещи.

Марш жалела, что впутала в это Бесси. Но ей-то уж точно ничего не угрожало — в конце концов, если кто-то и выяснит, что она пронесла паучков в «Сад», ее не смогут даже оштрафовать. Она не понимала, что делает, она больна.

Марш тоже была больна, но ей это никаких предпочтений никогда не давало. Одни беды.

Холодно. Хо-лод-но. А манжета не сжималась — от этого холода у Леопольда лекарства не было, или он его не дал.

А если попросить найти Леопольда?

Иногда Марш его искала. Сначала постоянно, потом все реже.

Знал ли он о ее эфире? А если бы знал — ушел бы?

Нет, он не принял бы такой жертвы. О чем она вообще тогда думала?

Марш хорошо помнила, о чем.

Помнила, как пришла в себя в подвальном медотсеке, как мутило от препаратов, повышающих гемоглобин, и как после слов Гершелла взвилось секундное теплое счастье — все-таки ничего не было. Она никого не обидела, не покалечила — только себя, а себя ей не было жалко.

И если бы Гершелл не продолжил говорить, она может, была бы счастлива на несколько секунд дольше. Но он продолжил. Сказал, что Леопольд взял на себя вину за произошедшее. Что он признался, что использовал неутвержденные и неодобренные техники, практически ставил над пациенткой — отупелая мысль: «пациентка — это я» — эксперименты.

Марш потом нашла в себе силы посмотреть то интервью. У Леопольда был незнакомый аватар, почему-то совершенно злодейского вида, даже в белом халате, который оставалось только кровью забрызгать. Она сначала не поняла, зачем, но потом-то. Потом-то поняла.

Он выгораживал Гершелла. Говорил, что делал все втайне от персонала и он один, только он несет ответственность за то, что случилось.

Рихард еще говорил, что Леопольд действительно не считал себя вправе продолжать практику, после того как из-за его неосторожности чуть не погибла пациентка.

«Пациентка — это я».

Марш верила, что если бы она умерла, и ее без шума похоронили — все было бы в порядке. Она никому не нужна, у нее был околонулевой рейтинг, а расследование таких дел всегда откладывается так надолго, что когда истекает срок давности, они не продвигаются и в середину очереди.

Но она выжила. И у нее был почти обнуленный рейтинг, когда она попала в центр — кто бы не воспользовался шансом на выпускной программе выставить себя жертвой?

Либо Марш выставит себя жертвой, либо Леопольд себя — подлецом. Марш никогда бы этого не сделала, а Рихард никогда бы ей не поверил.

Гершеллу нужно было сохранить свою драгоценную карьеру. И он позволил Леопольду выставить себя виноватым. А может, он и внушил ему эту мысль.

Рихард остался чуть ли не спасителем центра. Обнаружил, предотвратил, спас. Даже не постеснялся уточнить, что Леопольд позвонил ему, а не врачам.

Марш пересматривала тот эфир несколько суток подряд, чувствуя, как рассудок медленно гаснет с каждым разом.

Это была такая жестокость, такая несправедливая, страшная жестокость — она стояла в смоделированном под студию конvente и смотрела, как Леопольд совершает социальное самоубийство, раз за разом, раз за разом. Отводит удар от Гершелла, от нее, и убивает себя, а какой-то ублюдок, держатель конвента, задает ему каверзные вопросы, предлагая выставиться еще большим злодеем. И Леопольд, осознавая, что делает ведущий, хватался за каждую возможность.

Марш — ее аватар, конечно — металась по студии, между статистами, заглядывая им в лица, пытаясь найти хоть одно сочувствующее. Выбегала на сцену, пыталась трясти Леопольда за плечи, кричала, чтобы он остановился — это так на нее похоже, кричать в прошлое, надеясь, что если сорвать глотку, хоть одно мгновение удастся изменить.

А потом она просто сидела на полу, положив голову ему на колени, и машинально командовала повторить за секунду до того, как эфир закончится, и она останется в белом

пространстве пустого конвента в такой позе, будто положила голову на невидимую плаху. Конечно, она не имела права так делать, но если ее никто не увидит — почему бы и нет. Должны же быть у проклятой виртуальной реальности хоть какие-то плюсы.

А потом она решила сделать свой эфир.

Леопольд остался жить, его стараний оказалось недостаточно для обнуления рейтинга, хотя Марш видела сводку — многие зрители того эфира добавили минусов в его рейтинг. Помогли официальному штрафу. Он мог бы что-то обжаловать, но вряд ли Леопольд стал бы так делать.

И Марш решила. Если у него теперь нет рейтинга — из-за нее, какая паршивая причина! — если он теперь не может позволить себе даже нормальную еду и лекарства, значит, рядом должен быть кто-то с хорошим рейтингом. Это было на грани законного, но Марш не думала о законах. Если у нее будет хватать рейтинга на покупки не из нижних разделов, на доступ к нормальному контенту, она сможет сделать для Леопольда хоть что-то.

Как он делал для нее. Гершелл что-то такое говорил, мерзкое, обидное, но где ему было понять, что есть чувства и кроме влюбленности. Кроме преклонения, кроме похоти и даже чувства вины — ничего, кроме последнего, она не испытывала, только Гершелл мог такое подумать. Она просто была благодарна, и Гершеллу это оказалось непонятно.

Непонятно, что кроме настоящих вещей в мире еще остались настоящие поступки.

Марш не знала, был ли ее поступок настоящим. Она вообще тогда мало о чем думала, просто металась по сети в поисках способа быстро, любой ценой заработать рейтинг. Ей нужно было срочно обратить на себя внимание, сделать что-то, что понравится людям.

Ей нужны были шесть миллионов жадных глаз и искривленных губ.

Живые эфиры ценились на порядок выше любых виртуальных. Марш сама видела, как девчонка в белом часами складывает оригами перед камерой, и на нее смотрят сотни тысяч людей, замороженные тем, как тонкие пальцы бесконечно сворачивают шелковистую алую бумагу.

Но она и в сети оказалась никому не нужна, и времени искать тех, кто будет смотреть, как она делает журавликов из бумаги у нее не осталось. Раньше ее это нисколько не заботило, но теперь-то, теперь все было иначе. Леопольд в любой момент мог заболеть, в его возрасте было непозволительно питаться дрянью из первого меню, которое стало единственным доступным ему. И как бы его удар не хватил, когда он выйдет в сеть, и увидит, к какому контенту имеют доступ люди с таким рейтингом. Он ведь не имел никаких привилегий, никакой защиты. Его даже убить могли, да, могли бы, он ведь для всех был почти преступником — и карабинеры завели бы дело, которое никто никогда не рассмотрит.

Марш представляла, как он сидит в какой-нибудь конуре, где никто батареи не включит, сколько репортов ни шли, соседи у него — настоящие отморозки, тратящие пособия на легальные эйфорины. Не может отвлекаться, потому что в сети одно дерьмо, не может нормально поесть, напиться и даже лишний раз выйти на улицу, потому что если какая-нибудь тварь решит плюнуть в него репортом — он станет еще на шаг ближе к смерти, которая и так стоит слишком близко.

Нет-нет-нет, это было невыносимо. Неприемлемо.

И на второй день поисков Марш у себя дома, в этой самой комнате, начала принимать эйфорины, беспорядочно, горстями, даже в манжету заправила. Она знала, что не умрет, потому что как только доза приблизится к смертельной, Аби все уши ей прожужжит, ей

просто нужно было больше ни о чем не думать и ничего не чувствовать.

И когда в сознании остались только злорадство и легкое любопытство, она начала шататься по другим конвентам — все еще легальным, потому что ничто добровольное не может быть незаконным, это нерушимое правило сети.

Порнографические конвенты с трансляциями она миновала довольно быстро — ее рассудка еще хватало на то, чтобы следить за рейтингом, и она видела, что он растет едва ли быстрее, чем если бы она делала оригами.

А потом она нашла запрос, который никто не принимал месяцами. Пожала плечами, скомандовала Аби принять вызов. Взяла с полки один из трофеев с барахолки — серебристый, с витой ручкой нож для фруктов, подключила несколько камер, включила лампы, села посреди комнаты и стала ждать.

Смотрела, как растет аудитория, протирала нож спиртовыми салфетками и улыбалась.

— Аве Аби. Найди Леопольда Вассера, — без особой надежды сказала она. — Пожалуйста...

И словно услышала со стороны свой голос — об этом она всегда просила. Никогда не командовала, не требовала, не выполняла опостылевшую повинность, выдавливая «Аве Аби».

И, пожалуй, ненавидела Аби еще и за то, что он всегда отказывал ей в этой просьбе.

Бумага шуршала мучительно долго. Дольше, чем обычно, и с каждой секундой Марш все больше позволяла себе надеяться, что сейчас-то он выдаст ей результат. Что Леопольд открыл профиль и доступ к своей карточке, и она сможет наконец-то... увидеть его? Сказать ему?

Или опять попросить помощи, хотя она и так все у него забрала?

— Запрос выполнен.

...

Уже в аэробусе Марш обнаружила, что забыла вытащить красную линзу. Задергалась, чуть не полезла доставать, но вовремя опомнилась. Не хватало еще приехать с воспаленным глазом и растертым по лицу макияжем.

Вот это, конечно, было забавно и донельзя цинично — красить единственный глаз косметикой, оставшейся еще с той поры, когда их было два. Но покупать новую было некогда, а приехать к Леопольду без маски она не могла. Не показывать же ему свою бледную, злую рожу, которой она скалилась на всех с тех самых пор, как он исчез.

Было страшно и холодно. И стыдно — может, ему все еще нужна помощь, а она растратила столько рейтинга на то, чтобы огрызаться на соседей. Тонкий серый пиджак почти не грел, только прижимал к телу рыхлый черный свитер, но не ехать же в агрессивном алом пальто. Она хотела выглядеть нормальной. Впервые за столько лет. Даже попросила у Бесси шарф — серый, в цвет пиджака, но пушистый, пахнувший цветочными духами. Шарф для милой девушки, у которой все эти годы все было хорошо.

Шарф ей не шел и совсем не грел.

Марш, не выдержав, вытряхнула на ладонь пару синих таблеток легкого эйфорина. Можно было купить навынос той подкрашенной воды со спиртом, которую по обстоятельствам именовали то виски, то бренди, но дышать на Леопольда перегаром было еще хуже, чем приехать ненакрашенной.

Она успела только выпить таблетки и скомандовать Аби разбудить ее, когда они придут

к нужной платформе, и в следующую секунду тревогу смыло теплой, внушенной лекарством уверенностью в том, что все будет хорошо. Марш успела уснуть раньше, чем волна понесла ее назад.

...

Проснулась она лежа на плече у мужчины с соседнего сидения. Она испачкала пудрой черный эполет его шинели и приготовилась огрызаться, но вовремя осеклась — нужно было беречь рейтинг, а мужчина понимающе улыбнулся ей и не стал ничего говорить.

Наверное, это был хороший знак.

Марш сошла на платформу шестого квартала, и едва не упала назад — такой злой, голодный ветер рыскал по окраинам Младшего Эддаберга.

В дешевых комнатах наверняка ходят сквозняки.

Марш успела кое-как поправить пудру, но сейчас поняла, что все это было бесполезно — колкий снег таял на лице, размазывал краску. Под повязкой от холода обиженно стрелял болью потревоженный датчик, а она никак не могла заставить себя идти к кварталу.

У него комната под крышей.

Может стоило что-то купить?

Там точно сквозняки. И плохая звукоизоляция — чем выше этаж, тем громче воеет ветер, а комната Леопольда, судя по расположению, совсем близко к внешней стене.

Марш стояла на платформе, обхватив себя руками, потому что карманы на пиджаке были защиты, и не могла сделать ни шага. Вокруг толкались люди, задевали ее плечами и наступали ей на ноги, а она впервые не огрызалась и даже не могла разозлиться.

А люди неуклонно теснили ее к ограждению платформы, пока она не сжала мокрые скользкие перила — жаль новых перчаток, имитация кашемира, серебристые пуговицы на манжетах, да, очень жаль.

Внизу проносились розово-синие пятна аэрокэбов и ползли золотистые и зеленые змеи экспрессов. Перчатки намокли, волосы беспощадно путал ветер, но там, внизу, было так красиво, что обязательно нужно было постоять и посмотреть. Подольше. Никуда не идти.

— Хотите прыгнуть? — окликнул ее кто-то. Кто-то с мужским голосом, и наверное, в зеленом шарфе — она видела лишь размытое пятно.

Марш покачала головой. Пусть уходит. Она не пойдет на Стравки, не станет выслушивать утешения, и даже отвечать на репорты — сейчас у нее не было сил ни для одного человека, кроме Леопольда, да и на него, как выяснилось, не хватало.

— Вы плачете, — продолжал допытываться мужчина.

Разве? Ах вот ведь незадача, и правда.

По лицу мазнуло смутно знакомым густым синим сиянием. Марш закрыла ладонью повязку и кое-как протерла глаз.

Там, над размазанными по темноте огнями, извивался похожий на ящерицу бескрылый дракон. Бесси была бы в восторге. Интересно, почему она не ездила в другие кварталы смотреть на других зверей?

— Мне нужно в шестой квартал, — тихо сказала она, не надеясь, что мужчина ее расслышит. — А я не могу...

Голова дракона на несколько секунд поравнялась с платформой — у него были печальные серебряные глаза и десятки похожих на щупальца усов.

— Если позволите взять вас за руку — я отведу, — предложил он.

Марш на мгновение пронзила безумная надежда, что это Леопольд. Что он возвращается

из какого-нибудь хорошего места, что он ее не узнал. И это у него такой ясный и спокойный голос — у него раньше был такой ясный и спокойный голос! — и что ей сейчас не придется толкаться в лифте, разглядывая его соседей, искать его комнату, а потом увидеть, когда он откроет дверь...

Она боялась представлять что может увидеть. Дракон обвивал здание квартала, будто собирался его сторожить. Будто хотел не пустить ее внутрь.

— Спасибо, — хрипло сказала Марш, протягивая руку.

В душе пузырьками забурлила знакомая злость, такая славная, знакомая злость. Пусть берет ее за руку, если не боится прикосновения мокрых ледяных перчаток.

Он не побоялся. У него даже нашелся портативный зонтик, распутивший над ними потрескивающее поле с блуждающими голубыми бликами. И ветер больше не дул.

Марш все пыталась вытереть лицо, настроить повязку и снова позвать на помощь погасшую злость, без которой она оказалась совершенно беспомощной, но ей никак не удавалось делать все одновременно. Чем-то приходилось жертвовать.

— Зачем вы ко мне подошли? — спросила она, кое-как справившись с повязкой.

Мужчина — черноволосый, с неожиданно злым лицом, совсем, конечно же, не похожий на Леопольда — только усмехнулся. С хлопком сложил зонт, выпустил ее руку и исчез в ближайшем лифте.

Марш иногда думала, что сама отталкивает тех, кто способен на настоящие поступки, но потом вспоминала, что Леопольда-то она не оттолкнула. И этого вот, в шарфе — он, видимо, все прекрасно понял, и все равно помог.

Она тряхнула головой, прогоняя навязчивые мысли, и зашла в ближайший лифт.

Он целую вечность то рвался вверх, то полз куда-то в бок, а перед Марш все это время стояла необъятная женщина в дутой синтетической куртке. В другое время она бы держалась от нее подальше, но сейчас широкое облако шуршащей оранжевой ткани было как нельзя кстати. Оно загораживало остальной мир, только тихий женский голос объявлял этажи. Марш ждала своего почти с ужасом, но когда лифт остановился и двери открылись, она неожиданно успокоилась. Прошипев что-то дежурно-раздраженное выбралась из-за спины женщины в оранжевом и вышла в серо-голубой коридор.

Села на пол прямо у лифта, развернула на коленях снимающий экран и кое-как в третий раз поправила макияж. Получилось неожиданно хорошо, она и забыла, что косметика давно не боится ни слез, ни ветра.

А все же надо было что-нибудь купить.

Она кончиками пальцев разгладила лицо, растопив натянутые под кожей проволочки и узлы, а потом встала, дошла до нужной ей двери и погладила датчик.

Потому что так было надо, и потому что она действительно больше ничего не боялась.

...

Дверь не открывалась. Марш успела подумать, что Аби ее обманул, что родственники Леопольда открыли его профиль посмертно, а отметка о смерти не появилась из-за сбоя, и еще что у нее просто очередной приступ, лекарство в манжете опять кончилось, и она просто пришла скрестись в чужую комнату.

Когда дверь наконец-то открылась, Марш даже не сразу это поняла — так и осталась стоять с протянутой к датчику рукой.

Она хотела, действительно хотела сохранить лицо. У нее был план — эйфорины, макияж, пиджак и шарфик, злость, которая позволяла ей не только огрызаться на людей в

лифтах, но и удерживать мечущийся рассудок.

Только вдруг не стало никакой злости, и шарфик Бесси ничем-то ей не помог.

— Это вы, — просипела она, вцепившись в косяк. — Вы живы. Вы... вы живы.

Эти слова прозвучали почти обвинением.

А Леопольд молчал. Щурился, вглядываясь в ее лицо, и за спиной у него почему-то стояла непроглядная темнота.

Здесь нет света? Отключили за неуплату, произошел сбой и заявка на ремонт висит где-нибудь в конце очереди?

— Марш Арто, — наконец сказал он. — Ты — Марш Арто.

Она заворуженно кивнула.

Леопольд не выглядел больным или изможденным, но все, что бы они ни замечала в его облике, было неправильным. Взгляд как раньше — но более растерянный и мутный. Черная рубашка — мятая. Серебристо-лиловый халат — с потертыми рукавами и потрепанными лацканами.

— Заходи, — опомнился он. — Я надеялся, что ты не придешь.

— Почему? — спросила она, окончательно убедившись, что шарф никого не обманул.

— Я снял приватную отметку с профиля чуть больше двух недель назад, — усмехнулся Леопольд. — Если бы ты жила, как я надеялся — ты бы об этом вообще не узнала. Что с глазом, Марш? — неожиданно строго спросил он, и ей сразу захотелось спрятаться или хотя бы закрыть лицо.

Он зажег свет, и она почувствовала секундное облегчение — комната выглядела вполне прилично, чистая, сухая и светлая. Но батареи гудели совсем как у Бесси — обиженно и прерывисто. И не грели.

В углу она заметила портативный обогреватель.

— Катаракта, — с вызовом выплюнула она подготовленную ложь. И тут же поняла, что теперь злость пришла невовремя и выдала ее еще до того, как она ответила.

— Врешь, — безжалостно ответил Леопольд.

Вытащил из-под кровати два складных пуфа. Подошел к длинной и узкой картине — золотые деревья на черном фоне — и зачем-то начал снимать ее со стены. Марш не сразу поняла, что это столешница — у нее была такая же, но она много лет ею не пользовалась. И уж точно не додумалась бы ее украшать.

— Я болела, — она решила говорить полу-правду.

— Болела, — кивнул Леопольд. — И что ты с собой сделала?

Она не так себе представляла их встречу. Марш раздраженно растерла руки, обнаружила, что так и не сняла перчатки. Стянула их, сунула в карман, поправила ворот свитера, пригладила волосы, разбивая слова на суетливые движения.

Что ему сказать?

Нет, только не правду, нельзя говорить ему правду.

— Ты ведь не врать сюда пришла, — уже мягче сказал он. — Могла бы одеться как привыкла, в таком пиджачке и в такой холод... Рихард же обещал, что тебя вылечат...

— Гершелл — подлый, трусливый мудака! — взвилась она.

Вскочила с пуфа, на которой успела сесть, чтобы перестать нависать над Леопольдом — она успела забыть, что он был ниже — и собралась было начать метаться по комнате, но заметила, что с ботинок течет грязная вода, а покрытие на полу светлое и маркое. И пристыженно села обратно.

В тот же момент до нее дошел смысл его слов.

— Что Гершелл вам обещал? — прошептала Марш. — Что-то он вам...

— Какое это имеет значение, если он все равно ничего не сделал, — устало ответил Леопольд, садясь рядом.

А все-таки он постарел. Марш завороченно смотрела, как он касается датчиков на круглом синем заварочном чайнике. У Бесси был такой же.

Бесси бы ему понравилась.

Надо было взять ее, а не шарфик.

— Как вы... как вы здесь живете? — спросила она, пытаясь придать голосу былую твердость. Но изнутри неумолимо прорывалась морозящая дрожь, уже сожравшая две таблетки эйфоринов и все шипы, которые она старательно затачивала и пропитывала ядом все эти годы.

— Очень хорошо, — отрезал он. — Это обычный дом, Марш. Стены, пол и потолок.

— Здесь не работают батареи! — прошипела она, сжав руки, чтобы запереть проклятую дрожь между похолодевших ладоней. — И я слышу, как за стенкой кто-то е...

Она осеклась. Но задорные ритмичные повизгивания и скрип кровати действительно было слышно.

— Аве Аби. Включи «Ольтору» Лежье, — невозмутимо скомандовал он.

Марш вздрогнула, будто ее уличили в чем-то постыдном. Она не просто так просила включить именно эту симфонию на Стравках. Леопольд советовал ее как средство релаксации и учил считать такты, если просто музыки недостаточно.

Это была очень дорогая ей музыка, только вот именно от нее Марш по-настоящему хотелось убивать.

— Может, он и батареи вам включит?

— Включит, — заверил ее Леопольд. — Может, уже в следующем году. Или через два года. Но я достал обогреватель, в комнате тепло.

Марш сжимала руки так, что пальцы начали белеть, но дрожь все не унималась.

Она пришла сюда не для того, чтобы ей помогли. Она пришла, чтобы помочь, но почему-то все опять получалось наоборот.

«Ах ты поганая лицемерка, — с нежностью подумала она. — Ведь ты сидела у себя в норе и искала, кому бы поплакаться, какая ты несчастная и как не хочешь завтра подставлять трех придурков, пустивших слюни на твою осу».

— Марш, — настойчиво позвал он, подвигая к ней чашку. — Что ты сделала?

— Я... я совсем не...

В чашке — разведенные в кипятке гранулы. Краситель «карамель», ароматизатор «чай», ароматизатор «бергамот», экстракт кофеина.

Даже у Бесси есть настоящий чай. У нее, Марш, мог бы быть, стоило только зайти в лавку на этаже и открыть браслетом нужное меню.

Не дождавшись ответа, Леопольд подался вперед и положил пальцы ей на запястье. Прикосновение между дежурным профессиональным контактом — измерить пульс, акцентировать внимание на тактильном впечатлении — и попыткой утешить тем, что никогда никого не утешало. От неожиданности она разжала пальцы. И слова словно бабочки — нет, не бабочки, осы, серебряные и синие — взвились в воздух.

— Я хотела вам помочь! — прошептала она. — Я не хотела, чтобы вы из-за меня...

Марш успела проглотить последние слова, потому что если бы она закончила фразу —

уже не смогла бы остановиться. И окончательно все испортила бы.

Незачем Леопольду это знать. Больше незачем, она теперь даже не его пациентка и у него нет лицензии врача. Из-за нее. Не хватало сейчас вывалить ему все мерзкие подробности ее мерзкой, пустой жизни.

Не нужно рассказывать, как сквозь эйфоринное равнодушие пробивался восторг от растущих цифр на табло. Всем, кто состоял в той группе с экстремальными эфирами, пришло оповещение о принятом вызове, а они разослали его всем своим знакомым, кто хоть немного интересовался такими трансляциями.

Когда число достигло трех миллионов, люди начали уходить. Они устали ждать, а Марш все сидела на полу, разглядывая случайные лица зрителей и думала, какую чушь она сейчас сделает.

Не нужно рассказывать.

Не нужно.

И какая кровь на лице — горячая — какая рукоятка ножа — липкая — и что за чувства рвутся из-под благостного эйфоринного оцепенения — тоска, такая беспроглядная тоска, а страха совсем нет, страх придет потом — не нужно рассказывать.

— Люди хотят зрелищ, — глухо сказала она. — Людям так скучно, Леопольд. Они любят настоящие вещи и настоящие поступки, а я... узнала, чего они хотят, посмотрела им в лица, и теперь совсем... совсем не могу понять, почему я должна быть хорошим человеком. У меня и раньше-то не получалось.

Нужно было соврать. Нужно было сказать, что она нажралась эйфоринов и захотела внимания, или что ей не хватало рейтинга на какую-нибудь чушь, а она нажралась эйфоринов и чушь показалась очень важной, или сказать, что ее заставили, что она влюбилась в какого-нибудь держателя экстремальных конвентов и хотела сделать ему рейтинг.

Вот ведь дура.

— Ты сама это сделала? — деловито спросил Леопольд, заставляя ее снова разжать пальцы и Марш вдруг представила, как он включает камеры для записи сеанса.

Только здесь никаких камер не было. И сеансов больше не будет никогда.

Она кивнула.

— Тебе сделали запись в карточке?

— Нет...

Марш мотнула головой, чтобы вытряхнуть воспоминание о том, как проснулась на полу под погасшими камерами, и начала судорожно заедать новой порцией эйфоринов, пробудившийся ужас и набросившуюся боль.

А руки больше не были скользкими.

— Почему? — равнодушно спросил Леопольд.

— Ничто добровольное не может быть незаконно, — хрипло ответила она. — Это только на изготовление нелегальных эйфоринов не распространяется, и еще на другие вещи, которые не нравятся карабинерам. До того, что мы вырезаем себе глаза, никому дела нет.

— Вот поэтому я и закрыл практику, — голос Леопольда надломился, и из-под ледяной корки профессионального допроса пробилась усталость и горечь.

— Вы закрыли практику потому что я... — начала Марш, со стуком поставив на тонкую столешницу полную чашку. — Я...

— Что «ты»? — с интересом спросил Леопольд. — Что «ты», Марш?

Она зябко повела плечами и безжалостно смяла в ладони отглаженные лацканы пиджака. Болела? Чуть не вылетела в окно, собрав в себя все осколки, до каких дотянулась?

— Тебе должны были сделать отметку в карточке, — тихо начал он, поглаживая кончиками пальцев край слова, будто рисовал на нем правильные пути, по которым никто не пошел. — Взять под наблюдение тебя и твои саморазрушительные наклонности. И не позволить тебе заниматься... — он провел ладонью по лицу. — Да ты ведь чудом себя не убила! Прости меня, Марш. Мне действительно очень жаль.

А Марш внезапно подумала, что Леопольд больше ее не лечит, но это не значит, что он забыл, какая она на самом деле. И она с облегчением сползла с пуфа на пол и наконец-то разрыдалась, уткнувшись носом в колени.

По-настоящему, больше не сдерживаясь и не заботясь о макияже.

Ей хотелось плакать о том, что она рассказала Леопольду про эфир, еще и призналась, что сделала это ради него. О том, что он живет в доме с неработающими батареями и носит явно оставшийся от прошлой жизни потрепанный халат. Еще хотелось плакать о том, что она устроила глупую акцию с поджогами, которая ни ей, ни Леопольду не нужна, о том, что вообще все получилось глупо и бестолково. Но она плакала — впервые за много лет — только о себе.

Ей было мучительно, раздирающе жалко себя. Леопольд действительно был мудрым и сумел устроиться даже в таких условиях. Достать обогреватель, расписать изнанку столешницы. А она все эти годы собачилась с соседями и калечила себя злостью и фруктовыми ножами.

Ну что за дура.

Сумасшедшая, ничтожная, злая дура.

И Гершелл. Паршивый, подлый, эгоистичный мудака — вот о чем Марш не подумала тогда и не додумалась за все эти годы. Гершелл ведь явно не хотел дальше держать ее в центре, она же могла прямо там начать искать способ повысить рейтинг. Он не просто хотел не дать ей выступить на выпускном эфире, он вообще не хотел держать ее в центре дальше. Но пообещал Леопольду, что ее долечат.

И слова не сдержал. Не мог сдержать — и она, и Леопольд, и Рихард прекрасно знали, что еще никому не помогало растянутое на многие месяцы «Не грусти, все будет хорошо!», подкрепленное раскрасками, медитациями и беседами с табуретками. Но он и не пытался — ее выставили из центра вскоре после того, как Леопольд ушел, закрыв ее профили и исключив из списка выпускников. У нее осталась безликая запись в карте «проходила лечение».

Дрожь нарастала, ее было так много, и ее совсем некуда стало девать.

Ничего не будет хорошо. Уже никогда не будет, и поэтому Марш плакала, а Леопольд не мешал ей, только сидел рядом и гладил по плечу.

И от этого было еще больнее.

— Знаешь, откуда у меня обогреватель? — тихо спросил он, когда она смогла его услышать.

— Нет...

— Мне принесли соседи. Здесь люди... умеют доставать вещи, которых у них не должно быть.

— И содрали половину того, что вы накопили?

— У меня не взяли денег, Марш.

Это была, наверное, очень важная мысль. Она брезжила, пыталась зацепиться и показать, какая она правильная и красивая, но все время соскальзывала со злости и жалости к себе.

— Я помогаю людям, которые здесь живут. К сожалению, мне больше не кажется, что я могу спасти всех. Но стоило перестать пытаться — и оказалось, что «хоть кого-то» — тоже немало.

— У вас же нет лицензии, — всхлипнула она. Попыталась встать, но голова закружилась, и Марш осталась сидеть. Хотелось положить голову ему на колени, как там, на записи интервью, но она не решилась.

Все-таки у реальности были свои границы.

— Не всем нужна отметка в профиле, ты сама знаешь. Мне принесли обогреватель, потому что я понятия не имею, где искать подпольных торговцев, а еще мне сказали, что таким, как я лучше их вообще не находить.

— Вот уж правда, — мрачно усмехнулась Марш.

— А девушка из соседнего крыла научила меня рисовать, — улыбнулся он. — В «Саду» были не так уж и неправы, иногда творчество действительно помогает отвлечься.

— Красиво получилось, — замороженно прошептала она. — А я не умею ничего красивого... создавать.

А может, умеет?

Паучков с серебристыми лапками и синими телами. А еще огонь — огонь это очень красиво, так красиво, если подумать.

— Неправда.

Он протянул руку, и Марш, прежде чем успела понять, что делает, ткнулась лбом в его теплую ладонь. Как кошка — та, что жила у них в коридоре и иногда приходила к Марш спать. Настоящая, живая кошка. Не лабор в синтетической шубке, подходящий для жизни в комнате.

— Неправда, — тихо повторила она. — Неправда...

Глава 10. И цветы прорастут

Утро никак не наступало. Рихард так не нервничал даже в молодости, при сдаче первых крупных проектов. Он не помнил ни одной ночи, которая тянулась бы так бесконечно долго, застревающая в горле и порах. Воздух был сухим и холодным, и его не хватало. Утро уже совсем скоро, да, наверное скоро — нет, еще целых пять часов. Поздно спать или еще нет? Какая разница, все равно уснуть не удастся.

Что если.

Что если что-то пойдет не так?

Он не мог представить, что может случиться. Серия эфиров, последний отчет, и «Сад», взрывы вокруг него, его пациенты и врачи — все они перестанут быть его проблемой.

Алкоголь и концентраты уже не проталкивали в голову эти успокаивающие мысли, а паранойя вдруг перестала приносить хоть малейшее удовольствие.

Наконец он не выдержал. Встал, долго умывал лицо то горячей, то холодной водой, а потом тщательно соскабливал почти невидимую седую щетину перед запотевшим зеркалом. Отбеливающие полоски на зубах начинали неприятно печь — это означало, что их нужно снять, иначе ближайшие сутки он сможет пить только теплую воду, но Рихард продержал их на целую минуту дольше. Пускай, вечером можно будет надеть такие же, но с фтором, а сегодня ему нужна плакатная улыбка.

Костюм уже сутки висел на манекене, закрытый матовым шуршащим чехлом. Рихард отклеил защитный слой с пропитанных шипровым одеколоном лент под воротником — пускай выветрится, сегодня его колючая горечь будет не к месту.

— Аве Аби. Аэрокэб к десятому входу, прямо сейчас.

— Обрабатываю запрос...

Рихард в который раз похвалил себя за то, что много лет назад выбрал образ, для которого не требовался галстук. Еще никогда эта небрежность в костюме не была так кстати — даже с двумя расстегнутыми пуговицами воротник душил.

А еще стоило бы прямо сейчас выпить состав от похмелья, но Рихард побоялся сонливости от смеси эфоринов с обезболивающим.

Нет, лучше потом, за час до начала рабочего дня. Да, за час, а пока он поедет к себе в кабинет и будет тревожно таращиться в стену там. В кабинете было удобнее — там еще было окно, и можно было таращиться сразу на улицу. Правда дома можно было включить хоть все сразу экраны, но Рихарда от них тошнило.

А еще там был зимний сад, который ночью застывал в синем холодном свете, и в этой мысли Рихард почему-то находил особенное удовольствие.

В кабинке аэрокэба было темно и пахло деревом и лаком — наверное, деревом и лаком. Аби сообщил, что именно эта пропитка использовалась для обивки сидений. Открывать окно Рихард не стал — выяснилось, что от огней и светящихся стен жилых кварталов его тоже тошнит.

— Прогнозирую похмелье третьей степени через сорок минут и пятой через пятьдесят три минуты, — услужливо подсказал Аби.

— Да пошел ты, — проворчал Рихард. Некстати вспомнилась Бесси и растрепанный паренек, который показывал ей чубушник — но в следующее мгновение глупая мысль забылась и больше не вернулась.

Бесси, тоже мне. Вот похмелье пятой степени — это хреново. Чем он вообще думал, нужно было запить состав от похмелья снотворным и поспать хотя бы три часа.

Но Рихард давно так не нервничал. И совершенно забыл, что полагается в таких ситуациях делать.

«Сад-за-оградой» встретил его молчанием и синим свечением огней вдоль дорожек и в кронах деревьев. Только несколько зеленых точек снимающих дронов медленно плыли между синевой сада и чернотой неба.

Да, здесь определено было лучше, чем дома.

Может быть, здесь и было «дома». Рихард с удивлением поймал себя на сентиментально-щемящим мыслях о скорой разлуке с этим местом. Он прижал руку к стволу ближайшей вишни и закрыл глаза.

Там, под шершавой корой — спящая холодная древесина. Это дерево росло здесь, когда он пришел в «Сад», и останется стоять на десятилетия после него. Рихард уже не увидит, как дерево расцветет, и эта мысль была ошеломительно прекрасна.

Сколько всего он потеряет, сколько всего он сделал за жизнь, которая не прошла, нет — только отряхнулась от глупых условностей, которым вынуждена подчиняться молодость.

Но если бы он узнал, что жить ему осталось только до утра — он бы, пожалуй, нисколько бы не огорчился. Даже мысли о смерти сейчас были окутаны вишневым дымком меланхолического предвкушения.

Он не заметил как прошел мимо главных ворот в глубину спящего сада. Его словно что-то звало, настойчивая мысль, еще не сложенная в слова, но уже отчетливая и понятная.

Ему сегодня все равно не придется спать. А темные аллеи полны огней и синей тишины, и вдруг Рихарду стало жаль, что люди больше не живут в домах с садами.

В Среднем Эддаберге у него будет квартира. Конечно, не свой дом, и уж точно у него не будет сада. Может, в Старшем Эддаберге у людей есть сады? Почему бы и нет.

Рихард замер у запертой оранжереи, замороженно глядя на рой разноцветных мерцающих огней. Это лаборы-пчелы опыляют цветы, выжигают зарождающуюся на листьях желтизну. А с рассветом они зароятся в землю у корней и будут выпускать в почву газ и синтетический гель, который, как Рихард слышал, по составу почти не отличается от обычной гнили, только прозрачный и пахнет персиками.

Он ничего не понимал в цветах и никогда их не любил, но мысль, клевавшая сознание была слишком заманчивой. Несвоевременной, но заманчивой.

«Человек, который сажает цветы, перестает быть человеком, который страдает, и становится человеком, который сажает цветы».

Рихард страдал? Нет, конечно же нет. Совсем скоро он получит то, ради чего всю жизнь проработал. Проработал в саду, забавно, он никогда об этом не думал.

Только он был синтетическим гелем, который пах персиками, а не садоводом. Эта мысль его нисколько не печалила — садоводы иногда увлекались и получали несовместимые с дальнейшей карьерой штрафы.

— Почему цветы-то? — тихо спросил он у холодного стекла оранжереи. — Ты же мог что угодно придумать. Почему не смотреть эфиры, не лампочки на алтарях зажигать? Можно еще копать траншеи. Или жарить тосты, но тебе приспичило говорить именно о цветах.

Леопольд не мог ему ответить. Может, он никому уже не мог ответить.

«Неудивительно, что он сейчас вспомнился», — думал Рихард, раскладывая вешалку-

манекен прямо на улице.

Как глупо. Чудовишно глупо. Вот бы никто не увидел.

Он раздевался быстро, чтобы не передумать, и о Леопольде больше не вспоминал. Костюм на вешалке остался напитываться холодным ночным воздухом, а Рихард, шипя и матерясь, влезал в универсальный рабочий комбинезон. Комбинезон шуршал и почти не грел, зато перчатки, которые он нашел в ящике с инвентарем, были чистыми и теплыми.

Можно было скомандовать Аби, чтобы связался с лаборантами-садовниками. Чтобы они включили свет, чтобы услужливая модификация Аби с приятным женским голосом объяснила ему, какая лопата для чего нужна и как вообще-то говоря полагается сажать цветы, чтобы не стать человеком, который страдает ерундой. Но Рихард совсем не хотел делить спонтанную полуночную глупость с Аби и его модификациями. Даже если у них приятные женские голоса.

Рихард наконец-то зашел в оранжерею, но не спешил закрывать дверь. От входа тянуло холодом, но запах внутри был совсем не таким, как днем. Запах был тяжелый, маслянистый и почему-то казался мертвым.

Точно, так пахли мертвые цветы, забытые в вазах.

— Ну, что я говорил, — мрачно усмехнулся Рихард, все-таки закрывая дверь. — Ты и здесь оказался неправ.

О чем он там думал, пока ночной воздух не выстудил все идиотские мысли?

Ах да, о том, что совсем не удивительно, что ему вспомнился именно Леопольд. У него могло быть все то же, что у Рихарда, и даже больше. Сейчас самое время о нем вспомнить — история Леопольда даже лучше паранойи помогала думать о том, чего он добился.

Но его неотвязно преследовало чувство, что призрак Леопольда появился в его жизни раньше.

Надписи на стенах, а на подоконниках — зигзаги, нарисованные аэрографом. Похожие на зубы, на зубы и больше ни на что.

Стоило все-таки позволить Аби анализировать биометрику. Может, из кучи несвязных материалов он все-таки смог бы достать ответ, но правда была в том, что на самом деле Рихард очень не хотел знать правду о пожарах, подбирающихся к «Саду».

Он должен был, обязан был ее знать, но отчего-то не хотел. В конце концов, он опросил всех пациентов, даже тех, кому уже не положено было посещение исповедали. Сделал, что мог. Не нужно взваливать на себя больше — однажды не сможешь ни унести, ни сдвинуться с места.

Рихард поймал себя на том, что сомнамбулически шатается по дорожкам, скользя невидящим взглядом по темным листьям.

Усмехнувшись, он опустился на колени рядом с ближайшим ящиком с землей, в котором ничего не росло. Ростки — и какая разница чего — спали под стеклянной коркой защитного купола. Можно дотянуться. Открыть, забрать ростки и опустить их в землю.

И они прорастут.

Рихард снял перчатки, забыв даже подумать о том, что ему нужны чистые руки. Вытащил рыхлый разлагаемый контейнер и наконец-то почувствовал запах живых цветов.

...

Марш спустилась в одну из лавок на улице, из тех, что лепились к кварталу, как ракушки к днищу корабля. Она ошеломленно шурилась от блеска витрин и все пыталась вспомнить, когда покупала что-нибудь для себя. Для удовольствия, просто потому что хотелось. Может,

иногда еду в палатках и табачный концентрат, но вряд ли Леопольда порадует пузырек ароматизированной смолы.

Она стояла, уткнувшись в электронное табло и мерно стучала по нему пальцем, увеличивая количество позиций. Чай, кофе, сыр и хлеб, в котором есть мука. Какие-то банки, какие-то цветные упаковки — она выбирала то, что может долго храниться, но сама не могла понять, зачем. Теперь-то она может возить покупки хоть каждый день.

Хорошо, что она пошла на Стравки. Можно даже еще сходить, наверняка ее пустят — им тоже хотелось зрелищ, а она больше не будет увлекаться. Она это точно знала, ведь теперь все по-другому.

И впервые за столько лет «по-другому» — это хорошо.

Хорошо?

В лавке никого не было, только камеры вились у нее надо головой и заглядывали через плечо. Потому что сейчас глубокая ночь и никому не нужен настоящий хлеб и хороший чай.

А утром. Утром ей нужно быть дома, чтобы отдать сигнал паучкам. Это были особенные паучки, сложнее всех предыдущих — они тянули энергию из всех приборов, какие находили в помещении, им не нужна была ветошь и контейнеры с горючим, только концентрат под монограммой. Марш берегла их для особого случая, никогда таких не использовала, чтобы ее нельзя было поймать, но теперь-то все было иначе. Наступал особенный день, кульминация.

Но нужна ли она теперь?

— Три дня назад был завоз яиц, — робко прочирикал автомат.

— Настоящих или в порошке?

— Имитированных, — доложил автомат. — Двойная гелевая пленка сохраняет продукт лучше, чем натуральная скорлупа...

— Заткнись, — попросила Марш.

Но добавила три лотка с имитированными яйцами в список.

Пакеты с покупками уже перестали помещаться на платформу доставщика, а Марш все смотрела на белый экран, с которого безумно улыбался шоколадный заяц в белом воротнике. Добавляла что-то в список, уже не понимая, что и зачем. Шуршащие яркие упаковки никак не могли заполнить звенящую пустоту в голове.

С трудом заставив себя остановиться, Марш не глядя оплатила заказ, но от экрана не отошла. Черное стекло погасшего экрана отражало голубые блики ее повязки.

Надо же, ей, оказывается, все еще было холодно.

— Алкоголь, — скомандовала она погасшему экрану. — Что-нибудь без ароматизаторов... да, и без красителей... ну водка и водка. Не на платформу! Мне.

Такая глупость.

Зубы стучали о пластиковое горлышко.

Ввалилась ночью к пожилому человеку порыдаться у него на полу. Решила, что у него нет света, ну конечно, почему еще в комнате может быть темно, и взгляд-то у него какой-то не такой, тут что-то не так. Уж точно это не потому что Леопольд лег спать, не дожидаясь, пока она осчастливит его истерикой.

Ее отражение виновато хихикнуло, смазав голубое пятно.

А все же это была хорошая пустота. В этой пустоте она ни в чем не была виновата, а Леопольд был жив, и теперь у него даже будет чай.

...

Бесси не спалось. Почему-то в комнате было так душно, словно еще и вентиляция забилась. Бесси ворочалась почти час, думая, стоит ли жаловаться Марш, чтобы она со всеми поругалась и не решаясь спросить у Аби, чтобы не узнать, что Марш все-таки надо с кем-то ругаться.

— Может, если оставлять дверь открытой — воздуха будет больше?

— Аве Аби! Проверь вентиляцию, — не выдержала она.

Не хотелось будить Аби среди ночи, но может, ему тоже не нравилось, что воздуха мало?

Аби никогда не сердился.

— Вентиляция исправна, — бодро доложил он. — Есть проблемы?

— Душно, — пожаловалась Бесси, глядя в темный потолок.

— Предложить варианты решения?

— Да-да, предложи! — обрадовалась она.

Вот какой Аби был замечательный, он даже без репортов умел все решать!

В наушнике что-то щелкало и шуршало, а потом жутко довольный собой Аби сообщил результат:

— Оптимальный вариант: выйти на улицу.

...

Теперь они пили настоящий чай. Марш, не слушая возражений, рассовывала упаковки с платформы по пустым ящикам, бросая вокруг хищные взгляды — чего еще не хватает.

— Будет проще, если вы скажете, что нужно купить, — не выдержала она. — Я последние годы полюбила есть в палатках и спать в одежде и виртуальных очках, и не соображу, что требуется нормальным людям.

— Ты зря тратишь деньги, — усмехнулся Леопольд. — Лучше бы протез себе купила.

— Я куплю, — пообещала Марш. — Я знаю, где можно рейтинг поднять, мне пока не хватает на... — она осеклась, заметив его взгляд, а потом рассмеялась: — Нет-нет, что вы! Если бы у меня как у паучков было восемь глаз — может, сходила бы еще раз.

Она не могла объяснить себе этого захлебывающегося, истерического восторга. Да, Леопольд был жив, и все, что она успела придумать про его комнату и соседей оказалось неправдой. Но жилье все еще было убогим, и рейтинг у него все еще был низкий — правда, уже не настолько, чтобы было страшно выйти на улицу.

Теперь она могла ему помогать. Теперь она знала, что он ни в чем ее не обвиняет — неужели этого оказалось достаточно?

Когда она последний раз была счастлива? И с чего она решила, что сейчас самое время забыть обо всем и просто радоваться, что все сложилось... хорошо?

Где-то там, в глубине спящего сада стоит алая башня. А неподалеку, в коттедже, который на ночь затемнил все окна из усиленного пластика, спят в общих комнатах двое глупых мальчишек и одна глупая девчонка.

Спит Освальд, который влюблен в Иви, и вряд ли он спит спокойно. Наверное, его сон тревожный и холодный, как начало этой ночи. Освальд больше всех боялся этого взрыва и больше всех его хотел — конечно, после Марш. Она помнила, как он смеялся, когда они взрывали первый дом, и как обнимал ее за плечи, когда они взрывали последний. А потом они смеялись вместе, и это было славно.

Может, в другом мире Освальд мог бы стать ее другом.

И Иви, в которую влюблен Освальд, тоже спит и наверняка тоже видит плохие сны.

А Даффи наверняка спит спокойно. И снится ему оса, может быть даже золотая.

— Марш, ты меня слушаешь?

Она вздрогнула. Одиночество все же плохо на нее влияет, скоро начнет выпадать из реальности и заговариваться, как Бесси.

— Что?

— Я спросил, почему ты спишь в виртуальных очках, — настойчиво повторил Леопольд, поставив на край стола пустую чашку.

Что бы он ни говорил, но нормальных продуктов ему явно не хватало.

— У меня...

Теперь ей хотелось говорить Леопольду правду. Рассказать обо всем, раз уж она проболталась про глаз. В конце концов, ничего непоправимого она все равно не совершила — ну наплева эмоционально нестабильным малолеткам про осу и взорвала пару заброшек. Никто же не умер.

А паучков она завтра заберет. Сама. И разрядит их где-нибудь за городом, может быть даже взорвет. Они теперь опасны, сытые, почерневшие, даже монограммы, наверное, уже не видно.

Марш даже не заметила, что думает об отмене акции как о чем-то решенном.

— У меня там приватный конвент, — наконец ответила она. — С... моим аватаром.

— Вот как? — заинтересовался Леопольд.

— Мне понравилось, как вы сделали... ну тот, последний конвент, — смущенно призналась она. — Нет, получилась-то конечно полная херня, то есть не очень удачно вышло, но вы в этом не виноваты, и идея была хорошая...

Интересно, а если бы она создала себе аватар-Леопольда — смогла бы она в этом признаться?

Вряд ли. Но она бы создала его только узнав, что Леопольд мертв. Для живых не возводят виртуальные склепы.

Марш вдруг снова стало себя жалко. И ту, прошлую себя, которую она зачем-то убила.

— Вы хотите посмотреть?

— Это было бы несколько бестактно, — осторожно заметил Леопольд. — Но это... представляет профессиональный интерес. Не только профессиональный.

«Прости его».

Она хотела отменить акцию вовсе не потому что простила Рихарда Гершелла. Мысль о том, что Леопольд останется в этой крошечной комнатке с пересушенным портативным обогревателем воздухом — нужно заказать увлажнители — а Гершелл поедет в Средний Эддаберг была невыносима. Но теперь Марш может помочь. А взрыв башни — такое рискованное дело. Если за ней придут карабинеры, если ей выпишут штраф, если Гершелл, оставшись без своего проклятого дома решит ей мстить — кому она тогда поможет?

Тогда все будет зря.

А значит. Значит, пусть проклятая башня стоит. А Гершелл едет в свой Средний Эддаберг.

Облегчение было пушистым и теплым, оно наполняло сознания, кутая и согревая каждую прошлую мысль и прошлую ошибку. Ей так хотелось подольше задержать это чувство, но последняя мысль вонзилась в это теплое и пушистое серебристым лезвием с витой рукояткой.

Гершелл. Поедет в Средний Эддаберг.

Гершелл поедет — Леопольд останется.

— Я не против, — широко улыбнулась она.

Вот как она поступит. Пускай он говорит с ее аватаром. С той Марш Арто, которая ничего не знает о судьбе Леопольда и ее безумном хохоте при их последней встрече.

А может, все она знает. С чего Марш вообще придумала, что какая-то часть ее может хранить такие глупые иллюзии.

Вот пусть она и решает. Не та Злая-Мерзкая-Марш-Арто, которая никому не могла помочь, а Злая-Но-Еще-Не-Разочаровавшаяся-Марш-Арто.

Потому что в конце концов только у нее есть на это право.

...

Рихард задумчиво смотрел на криво высаженные ростки. Линия получилась прерывистой и неровной, и он сомневался, что не закопал их слишком глубоко или наоборот слишком близко к поверхности. Но возня с холодной землей и хрупкими ростками действительно его успокоила. Он так давно не делал ничего руками, что процесс потребовал полной сосредоточенности. Рихарду все казалось, что он сломает росток пополам, а еще он постоянно натыкался на уже уснувших пчел и дорожки «персикового» геля.

Рихард отлично провел время, правда испачкал руки так, что теперь не отчистить в срок. Ничего, можно надеть перчатки, все равно большую часть сегодняшних эфиров будет вести его аватар, который не копался в земле.

И похмелье пятой степени куда-то делось.

— Мистер Гершелл?

Голос был женский и приятный, и даже трогательно робкий, но Рихарду все равно стоило усилий сделать доброе лицо.

Анни стояла на пороге оранжереи, в домашнем костюме и тапочках. В руках у нее был объемный белоснежный тюк, в котором Рихард с ужасом узнал свой коверкот.

— Я в окно выглянула, а там ваш костюм на вешалке, я думала — стоит кто-то, — виновато объяснила она. — Пальто ваше сдуло наверное, но я его подобрала... отряхнула, вот даже не видно... а вы для эфира цветы сажаете?

Рихарду вдруг стало грустно, потому что славным молоденьким девочкам он кажется человеком, у которого из интересов остались одни эфиры.

Он подумал об этом и сразу понял, что не хотел бы, чтобы симпатичная девчонка в тапочках знала, что он только что кое-как закопал неопознанные ростки в землю, потому что когда-то его коллега-неудачник обронил высокопарную фразу про страдания.

— Терапия, — он нашел нейтральную полу-правду. — А ты почему не спишь? У тебя утром пробный эфир.

— Мне страшно, — глухо сказала Анни. — Мистер Гершелл... вы же уедете, да? Вот после нашего выпуска — уедете и больше не вернетесь?

— Да, — слегка удивился он, на всякий случай еще раз отряхивая руки. — Конечно уеду.

Анни смотрела на него с таким отчаянием, словно за ней стояла расстрельная команда.

Неужели сейчас будет сцена? Ах, как это было бы некстати! В него несколько раз влюблялись пациентки из тех, кто любит постарше, но он всегда пресекал такие разговоры. Потом все равно были обиды, истерики и тоскливые взгляды, а Рихарду совсем не нужны были ни истерики, ни взгляды.

— Тогда... мистер Гершелл, можно я с вами... честно буду говорить?

Ну вот. Точно, сейчас будет сцена. А он стоит в комбинезоне посреди грядок.

— Конечно, Анни, — участливо сказал он.

Как-то Рихард имел глупость в такой ситуации напустить сурового вида. Тогда-то он узнал, что это только больше возбуждает, и что воспитывать этих малолетних идиотов все равно бесполезно.

— Мне не помогло лечение, — выдавила Анни. — Не помогло!

Теперь Рихард удивился по-настоящему.

— А чего ты хотела-то? — Он бы никогда не сказал такого днем. В обычной жизни Рихард никогда не позволил бы себе даже намеком бросить тень на центр, но разговор был таким дурацким, а Анни такой несчастной, что он впервые за много лет ляпнул глупость.

— Я человека убила... — прошептала она. — Я думала, мне помогут... Мне плохо, мистер Гершелл.

— Так... э-э-э... слушай, пойдём-ка ко мне в кабинет, — опомнился он. — Пойди снаружи, я оденусь. А лучше в холле меня подожди.

Ну надо же. А он был уверен, что девчонка просто хотела избежать ответственности. Но если ей не помогли лучшие врачи и новые практики — чем он может помочь?

Девушки вечно чем-то недовольны. За Леопольдом неизбежно вспоминалась Марш Арто, «Я знаю», потемневшие серые глаза и сжатые губы. Вечный надрыв, доведенная до гротеска злость. Ее тоже нельзя было вылечить, потому что Аби стоило придумать только ради таких, как она. Выпускавший ее врач даже не стала оставлять в ее карте рекомендацию наладить половую жизнь — сказала, что ни один мужчина не заслужил такого наказания.

Марш Арто. Лиловые тени под глазами, серое лицо на белой подушке, кровь по полу и разноцветные лужицы осколков витража.

Осколки. Осколки ведь были не только на полу.

Рихард расправил морщины на рукавах коверкота. Может быть, он об этом пожалеет, но сегодня он больше не станет думать о Марш Арто. И о Леопольде тоже.

Анни ждала его на улице. Стояла, задрав голову к небу и по ее лицу с нарисованными веснушками ползли розовые пятна огней пролетающего над садом аэрокэба.

...

Аби был прав — на улице действительно было легче дышать, только очень холодно. Бесси куталась в плюшевую шубку и думала, какой толк от шубки, если она вышла на балкончик в ночной рубашке.

Можно было спросить у Аби, что делать, но, пожалуй, это не будет забавно. Он скажет вернуться в комнату греться или надеть брюки, а уж до этого Бесси и сама как-нибудь додумается.

Но ей было так муторно, так нехорошо! Теперь воздуха хватало, а духота словно никуда не делась.

Бывает мыслям душно? Или душе?

Аби, наверное, и тут не поможет.

А Марш сегодня взяла у нее шарфик, вот это было славно. Бесси ее никогда такой не видела — она и нарисовалась красиво, и косметику хорошую выбрала, а не как обычно. Нет, Марш была хорошая и красивая, но почему-то любила пугать людей, а вот сегодня она была милая, даже каблучки надела. И Бесси ей отдала шарфик и куртку предложила, но она не взяла.

Очень хотелось порадоваться за Марш, что у нее наконец-то появился повод красиво

одеться и что она чему-то очень-очень радовалась — Бесси все-таки была не совсем глупая и некоторые вещи очень даже понимала.

Но почему-то радоваться не получалось. Бесси было грустно и казалось, что она сделала что-то нехорошее.

— Аве Аби, — печально позвала она. Сощурилась он порыва мокрого ветра, а потом улыбнулась: — Давай слова.

Они давно так играли. Аби рассказывал про всякие старые штуки, и Бесси любила про них слушать. Старые вещи по крайней мере никогда никому не делали плохо.

Потому что про них только Аби вспоминал, да еще Бесси.

Это была злая мысль, и Бесси она совсем не понравилась.

— Слово дня: спичка. Старинное устройство для получения открытого огня...

Ах, Аби. Ничего-то он не понимал!

...

— Покажись, — скомандовала Марш, вытянув руку.

Она могла бы потащить Леопольда в свой конвент, и наверное ему даже было бы интересно посмотреть. Он нашел бы в башне какой-то тайный смысл. Раньше они часто играли в эту странную игру, правил которой Марш не понимала — она рисовала закорючки, сочиняла истории, заканчивала за Леопольдом предложения и искала знакомые очертания в пятнах. А он кивал и делал пометки, которых ей никогда не показывал.

Ее аватар сгущался между ними, слишком медленно и неумолимо, и Марш хотелось отдернуть руку, чтобы она не появилась прямо у Леопольда перед носом, но было поздно.

Она появилась. Марш отвела взгляд — выгащенная на свет тайна вдруг показалась глупой и претенциозной. Слепила из себя какого-то злого двойника Бесси.

А может, она такой и была? Она ведь не сама себя рисовала, а предоставила нейросети генерировать изображение по записям и данным биометрики, потом только вносила небольшие правки.

— Я же говорила, что Леопольд скоро позвонит. А ты не верила, — улыбнулся аватар, обернувшись, и Марш захотелось на нее шикнуть.

Но это было бы несправедливо — она делала только то, что сама Марш сделала бы пять лет назад. Постаралась бы смутить, сделать акцент на чем-то неуместном, а потом укусить.

Как она могла забыть, что раньше разменивалась на мелкие пакости.

Тогда она еще не сообразила, как заслужить уже приставшее реноме злобной неудачницы, виноватой даже перед нерожденными братьями и сестрами.

— Это я ему позвонила, — мрачно усмехнулась она. — Даже не звонила, раз уж на то... хм.

Леопольд смотрел на них молча, и Марш не могла ничего прочесть по его взгляду. Она только видела себя в отражении спящего экрана на стене, и собственный аватар рядом с собой.

Это, пожалуй, было жалкое зрелище. Марш и не замечала, что раньше весила чуть больше, и лицо у нее было скорее ехидное, а не злое, и длинные волосы ей, пожалуй больше шли, а уж о том, как уродовала проклятая повязка она и вовсе предпочитала не думать. А теперь вот пришлось.

Марш потянулась к фляжке во внутреннем кармане, но отдернула руку. Ей и так было стыдно перед Леопольдом, не хватало еще пить при нем!

— Возьми чашку, — подсказал Леопольд. — Но если хочешь курить или выпить...

— Нет-нет, — торопливо пробормотала она, сжимая горячий керамический бок.

— Конечно хочет, — удивился аватар, оборачиваясь к Леопольду. — Я последние годы занимаюсь только самосозерцанием и саморазрушением. О, кстати о разрушениях — тебе не нужно домой?

Марш только тяжело вздохнула. А чего она еще ожидала от себя.

— Зачем ей идти домой? — спросил Леопольд, и Марш почти физически ощутила присутствие камер.

И зажмурилась, ловя ускользающую ностальгическую тоску. Пусть это было неуместно, но оказалось что она так скучала по приемам!

— У нас свои методы терапии, — мечтательно ответил ее аватар, и в голосе отчетливо слышалось демонстративное ехидство.

Марш смотрела себе в затылок и с нежностью думала, какой же она была тварью. Безобидной, как она сейчас видела, но даже ей захотелось взять себя за зеленые курдюшки и хорошенько приложить лицом о стол.

Интересно, почему никто так не сделал?

Ах, да. Аве Аби!

— И в чем они заключаются?

Леопольд разглядывал ее аватар с холодным профессиональным любопытством, и Марш была за это благодарна.

Аватар обернулся, и Марш встретила с собственным прозрачно-серым взглядом.

Она все понимала. Обе понимали.

Они обе знали, что Марш-Сегодня хочет, чтобы Марш-Вчера сама во всем призналась. Потому что она еще не переступила через то, важное, человеческое и настоящее. У нее не было осы.

«Скажи ему, — мысленно попросила Марш. — Скажи, я не могу. Не хочу сама показывать, во что превратилась».

«Ты ничего не сделала», — отвечали ее полупрозрачные глаза.

«Я собиралась совершить подлость. Настоящую. Не хочу, чтобы Леопольд от меня узнал... Это про глаз он поймет, потому что от этого только я страдаю. И это ради него... а пауки... пауки — это же ради себя».

«Но ты еще ничего не сделала. Если скажешь ты — Леопольд поймет, что ты изменилась. Осознала, что была неправа и стала лучше. Если скажу я — останется только подлость».

«Какая ты мудрая, — горько подумала Марш. — Ну и почему тогда мы здесь?!»

«Потому что Я превратилась в Ты».

Леопольд терпеливо ждал, наблюдая за их молчаливым диалогом, а Марш вдруг почувствовала, как серебристый шип с витой рукояткой выскальзывает, оставляя только пушистое и теплое облегчение.

Теплое, как кошачий мех. Тяжелое, как фарфоровый панцирь. И все шипы и проволока уходят, растворяются, впитываются в него.

И они не вернуться, никогда больше не вернуться!

Надо только признаться. Сказать, превратив будущую подлость в несбывшуюся подлость, и пусть спокойно спят рыжий Освальд и глупая Иви, и Даффи, который будет разочарован, наверное, даже зол, Даффи, который так и не узнает, на что злится.

— Это я поджигала дома.

— Что это такое?! — вдруг выдохнул ее аватар, хватая Леопольда за рукав прозрачными пальцами.

Марш увидела, как перекосилось ее лицо, но продолжала глупо улыбаться, позволяя себе задержать на губах след признания, которое должно было спасти ее, навсегда прогнав шипы и серебристые лезвия.

Пальцы провалились в лиловую ткань, а Марш медленно накрыла ладонью транслятор.

Призрак погас, а Марш, больше не пытаясь быть вежливой, вцепилась Леопольду в руку и дернула обшлаг.

...

Анни хмурилась и постоянно хваталась за чашку, но так и не сделала ни глотка, зато постоянно наматывала на палец пряди у висков. Потом отпускала, и они несколько секунд оставались завитыми, а потом медленно распрямлялись. Рихард молча смотрел то за ее руками, то в собственную чашку, где остывала заварка из пятого меню, отложенная для особого случая.

Надо же, случай есть, а настроения пить этот проклятый чай нет никакого.

С чего бы это. Ведь он даже посадил цветы.

— Ты к эфиру-то готова? А? Хочешь, мы с тобой вечером вместе в башню сходим? — наконец нарушил тягостное молчание Рихард.

— Я утром буду как всегда, — глухо сказала Анни. — А пока можно я буду ну... собой?

Рихард бросил тоскливый взгляд на спящие камеры. Может, это какая-то проверка? Может, сейчас надо выставить ее вон, велеть отсыпаться или рассказать про свои проблемы табуретке?

А можно еще отправить ее визуализировать. Как на первых этапах, сидеть в конвенте и генерировать с помощью сети свои главные желания, а потом собирать их в кластер.

Некстати вспомнился кластер Арто, из-за которого ее чуть не выставили в первый же день. Нужно все-таки доверять результатам тестов.

— Если бы ты сейчас визуализировала свои желания — что бы это было? — спросил он вместо ответа на вопрос.

— Окно, — без раздумий, слишком быстро ответила Анни. А потом нахмурилась: — Вот это.

— И что такого в моем окне? — тяжело вздохнул Рихард.

Никуда не деться от призраков Леопольда Вассера и Марш Арто. И почему-то ему казалось, что эти призраки печальны.

Рихард привык доверять чутью. И он чувствовал какой-то изъян в планах.

И пора уже было себе признаться, что нарисованные аэрографом зигзаги на подоконниках взорванных домов явно означали не зубы, а торчащие из рамы осколки разбитого окна.

Рихард не сразу это понял, потому что в тот момент смотрел вниз, и запомнил осколки на полу. Разноцветные стеклянные пятна вокруг окна. А Марш явно запомнила осколки торчащими из рамы.

— Потому что за ним ночь, — мрачно ответила Анни, наконец-то пробуя чай. — А я не хочу, чтобы утро наступало.

Это она? Марш взрывала дома вокруг центра?

Когда он последний раз ее видел, она была полностью опустошена. Он читал отчеты выпускавших ее врачей — Марш была из тех пациенток, о которых нельзя говорить ни при

каких обстоятельствах. В отчете говорилось, что она из центра пойдет за мизарикордом даже не переодеваясь. Рихард очень постарался скрыть ее пребывание в центре, и не интересовался ее судьбой, потому что с чего бы ему искать девушку, с которой он никогда не был знаком, а если и был, то совсем ее не помнит.

Но если она выжила. Выжила, озлобилась еще сильнее и теперь устраивает поджоги?

То что? Здесь были карабинеры и карабинерские саперы. Допросили пациентов и персонал, а потом Рихард допросил всех по второму разу. Никто ничего не сказал. Никаких бомб не нашли, ни в центре, ни в башне, ни в хозяйственных цехах. Никто не проносил бомбы на территорию, никто не знал, кто мог бы их пронести, а сама Марш рядом с центром не появлялась. Поджигатели на всех записях были в масках и мешковатой одежде, и Рихард, конечно, никого не узнал.

Кто-то из гостей? Но при входе модификация Аби задавала всем прямой вопрос, и бомб никто не проносил. Анализатор уровня убежденности у программы был не гражданский.

— Я тоже, — признался Рихард, давая Анни разрешение быть собой.

— Почему? Вы же поедете в такой город, где все должно быть лучше, чем здесь...

— А ты знаешь, что если там, в Среднем Эддаберге что-то случится — меня назад никто не вернет? — усмехнулся Рихард, не успев удивиться приступу откровенности. — Мне показывают только квартиру, где я буду жить. Там даже окна всегда занавешены...

— Там в квартирах есть окна? — недоверчиво спросила Анни.

— Наверное. Может, просто занавески вешают.

— И дома не падают?

— Может, они там не такие большие, как жилые кварталы. Раньше-то как-то делали окна... — Рихард поспешил увести разговор от опасной темы. Ему было запрещено разглашать подробности будущего переезда. — Я не знаю, Анни. И я не знаю, что со мной будет, если там у меня упадет рейтинг. Вернуться-то мне никто не даст.

— Думаете, вас убьют? — прошептала она.

— Понятия не имею. У меня там никого нет, там не будет работы, я понятия не имею, что это за город. Я всю жизнь прожил в Младшем Эддаберге.

— Вы можете отказаться...

— Не могу, — ответил Рихард резче, чем ему хотелось бы.

Он не мог. От таких предложений не отказываются. Если бы он отказался — сам пошел бы за мизарикордом не переодеваясь.

— Я тоже боюсь уезжать, — тихо сказала Анни. — Не хочу домой возвращаться.

— Тебе должны выделить комнату, тебе же не придется возвращаться к семье, — осторожно заметил Рихард. — Я отправил заявки чтобы тебе предоставили хорошее жилье.

— Мне здесь нравится. Здесь можно делать... — она быстро огляделась, словно боялась, что их подслушивают. — Можно делать глупые вещи, и тебе за это все прощают.

— Вообще-то в сети все также. Нет? Хочешь остаться? — нахмурился Рихард. — Ты хочешь... здесь остаться?

Анни кивнула.

Рихард понял, что уже не может ничему удивляться. Мало того, что девчонка, оказывается, искала помощи, а не просто хотела избежать ответственности, так еще и хотела остаться в центре.

Может, он не так уж хорошо понимает людей. Только теперь это не имеет никакого значения, да, никакого.

Саперы ничего не нашли. Карabinieri ничего не узнали. Что он должен сделать? Что будет правильным?

Искать Марш, ехать к ней, пытаться вытрясти из нее ответы? Она умела врать и выкручиваться, да к тому же наверняка все еще ненавидит его.

— Если эфиры пройдут как надо — ты получишь хорошую прибавку к рейтингу и социальный пакет для восстановления прошлых позиций. Я могу перед отъездом оставить тебе рекомендации, пройдешь подготовку как помощник тренера и сможешь здесь работать, — предложил Рихард.

В кабинете было темно и тихо, Анни выглядела несчастной и в синем мраке не было видно ее нарисованных веснушек, и ему хотелось сделать что-то хорошее. Помочь несчастной болезненно-бледной девушке, потому что когда-то не помог другой?

Чушь. Он тогда сделал все правильно. И никакого раскаяния испытывать не мог.

А что если нужно не пытаться вытрясти ответы? Что если он должен найти ее и сказать, что ему жаль, что все вышло именно так?

Какая глупая мысль. Какая притягательно глупая мысль.

Анни вдруг отставила чашку и бросилась ему на шею.

И последняя мысль стерлась, потому что стало нужно гладить Анни по спине, и это было, признаться, приятнее, чем думать о Марш Арто, а еще требовалось говорить, что все будет хорошо и напоминать, что нужно еще провести эфиры, и что утром пробная съемка, а у нее будут красные глаза, и это совсем не идет такой красивой девочке, а вообще-то стоило разбудить кого-нибудь из врачей, и пусть ей приводят мозги в порядок.

Но в этот момент Рихард не верил, что врачи «Сада» могут привести хоть чьи-то мозги в порядок, а еще Анни все-таки была очень миловидной, теплой и пахло от нее целым ворохом сладких отдушек, и это было совершенно очаровательно.

Может, стоило воспользоваться моментом, даже глупо было не воспользоваться, но Анни уснула сразу, как только перестала рыдать, а Рихард не захотел ее будить.

На самом деле сейчас ему вовсе не нужна была женщина. От женщин было слишком много проблем. Анни могла быть скорее его дочерью, если бы он когда-то не побоялся заводить детей.

Она спала, обняв его за талию и уткнувшись носом ему в плечо. Мяла наглаженную рубашку, засранка.

А Рихард сидел, положив голову на спинку дивана, смотрел в темный потолок, где то и дело вспыхивали пятна света от пролетающих аэробусов и длинные синие цепочки огней экспрессов. И думал, что попробовать напоследок роль отца совсем неплохо. На пару часов.

Где еще это делать, как не в саду, в котором он проработал всю жизнь.

...

Марш с ужасом смотрела на несколько фабричных манжет, медленно распрямляющихся под рукавом. Леопольд даже не пытался забрать у нее руку, и взгляд у него был совершенно равнодушный.

— Вы же...

— Марш, сейчас ты должна сделать одну очень важную вещь, — спокойно сказал он, разжимая пальцы. Манжеты медленно разглаживались.

— Какую? — спросила она, с трудом проталкивая слова сквозь сжатое спазмом горло.

Она пять лет носила манжету, которую дал ей Леопольд. Красивую, бархатную, перешитую из перчатки, потому что девушки должны носить красивые вещи. Марш знала,

какие контейнеры и какого объема к ней крепятся, сколько контейнеров помещается на одну манжету, как часто она сжимается, выпуская лекарство — сжалась трижды, пока Марш держала его за руку — и какой концентрации препараты требуют ношения портативных капельниц.

— Вы умираете, — выдохнула она, наконец справившись со спазмом.

— Нет, Марш, я не умираю. Ты меня слушаешь?

— Да... да... важная вещь...

— Я не умираю. Я болен, ничего необычного для моего возраста. Но это не то, о чем я хотел тебе сказать.

— А о чем... о чем тогда?

— Марш, ты должна меня понять. Посмотри на меня, хорошо? Мне очень жаль, что все вышло именно так. Ты совершила страшную ошибку, а я не смог тебе помочь. Я всегда хорошо к тебе относился и когда-то считал, что могу тебя спасти. И теперь я хочу тебе помочь. Слышишь меня? Я хочу тебе помочь.

— Да... я слышу...

— Но это, — он медленно забрал у нее руку и еще раз одернул обшлаг, — это не твое дело, Марш. Ты сделала достаточно, никто не имеет права требовать большего. И ты от себя тоже не должна требовать большего. Повтори, хорошо?

— Это не мое дело...

— И?

— Я сделала достаточно, — улыбнулась Марш.

Приступ миновал, наваждение спало. Странно, что манжета не дала ей лекарство раньше.

Она думала о какой-то чепухе, наверное, бредила. Думала о каких-то воображаемых людях. Кто такой Освальд? Кто такой Даффи? Как они выглядят, зачем она о них беспокоилась?

И этот человек — Леопольд Вассер. Мудрый и чудесный Леопольд, которому, кажется, тоже мерещились камеры. Как будто его строгие взгляды и профессиональный тон все еще что-то значат.

Раньше она была внимательнее к людям. Прошлая-Марш еще не потеряла способности подмечать детали, не замкнулась на себе и своей злости. Поэтому она заметила сжимающиеся манжеты, а Марш, которой она стала — только батареи.

Вот она, настоящая цена настоящих поступков. Если бы она была влюблена, как думал Гершелл, она сейчас оскорбилась бы. Может, еще поплакала. Если бы она преклонялась перед Леопольдом, как думал Гершелл, его слова стали бы ударом.

Но она была ему благодарна. Она не хотела быть ему другом, любовницей или дочерью. Она хотела отблагодарить его и исправить хотя бы часть зла, которое причинила.

Еще пару часов назад она не смогла объяснить, в чем ее вина. И сейчас, пожалуй, не смогла бы, но это было неважно, потому что настоящих слов очень мало, и уместать в них настоящие поступки и настоящую вину было ужасно глупо.

Зачем тратить на это время.

— Мне нужно домой, — твердо сказала она, вставая из-за стола.

Кажется, Леопольд не расслышал что она сказала о поджогах. Может, он вспомнит потом. Может, он даже сдаст ее карабинерам — она бы поняла. Наверное, даже обрадовалась, потому что тогда ему начислили бы премиальные баллы, а ее наконец-то

отправили туда, где ей самое место.

Но пока карабинеры ничего не знают. Пока никто ничего не знает, а ее паучки, наверное, уже почернели и лежат в какой-нибудь темной щели, обхватив серебристыми лапками потрескивающие тельца.

— Марш...

— Спасибо вам, — счастливо улыбнулась она. — Вы правы, это не мое дело. Я могу еще к вам зайти?

— Конечно, я... Марш, послушай...

Она хорошо понимала, откуда-то издалека, отстраненно, но безжалостно отчетливо понимала, что Леопольд просто не хочет, чтобы она пошла и вырезала себе второй глаз. Если бы у него хватало рейтинга — он пользовался бы другими лекарствами. И мог бы посещать хороших врачей.

Сейчас у Марш не хватало рейтинга на серьезные лекарства. Она даже не знала, какие нужны, но знала минимальное значение для доступа в расширенную аптеку.

Если бы Леопольд был ее другом. Отцом, наставником или любовником, она бы обязательно прислушалась к его желаниям. И может, порадовала бы его еще одной сценой, повалилась у него в ногах, похватила бы его за руки. Задавала бы глупые вопросы — больно ли ему, может ли она чем-то помочь.

Красная фабричная манжета, самая широкая, капсулы с черным доньшком — синтетический морфин. Вот ответ на все глупые вопросы для тех, кто не хочет, чтобы его утешали глупой ложью.

Только благодарность умеет быть такой безжалостной и честной.

— Подожди! — он поймал ее за руку уже на пороге. — Возьми, хорошо?

Он протягивал ей куртку. Тяжелую, черную куртку с подкладкой из синтетического меха. Дорогую, красивую.

Марш таких вещей никогда не носила.

Леопольд теперь тоже не может позволить себе такие вещи, но это не главное, что он теперь не может себе позволить.

— Спасибо вам, — сказала она и провела по датчику ладонью, командуя двери закрыться.

Надела куртку. Такую теплую, и в плечах она ей почти впору. От куртки не пахло дымом, от нее вообще ничем не пахло. Наверное, ее давно не носили — это была вещь Прошлого-Леопольда, от которого вместо аватара осталась куртка на искусственном меху.

Еще пару секунд она постояла, равнодушно разглядывая светлые стены. Наверное, надеялась, что Леопольд ее остановит. Та она, которую Марш погасила, накрыв ладонью. Марш стояла только ради нее, потому что сама она отчетливо понимала, что никто не выйдет.

Марш поставила воротник, застегнула пуговицы и медленно пошла к платформе. Ей действительно нужно было домой.

...

Рубашку переглаживать не пришлось, под пиджаком ее вообще было не видно. Рихард умудрился задремать, но к счастью Аби его разбудил за полтора часа до начала рабочего дня.

Когда Рихард проснулся, все глупости из головы куда-то делись, и он их совсем не жалел. Он разбудил Анни и отправил собираться, сам выпил раствор, разогревающий связки

— сегодня предстояло очень много говорить — и отправился в кабинет проверять камеры и свет.

Тревога тоже увязла в ночном синем свете, и Рихард был этому очень рад. Сейчас он был собран, сосредоточен и уверен, что все пройдет как надо.

Все обязательно пойдет как надо.

Рихард сел за стол. Проверил воротник, отражающие блики в линзах, придающие взгляду эффект пронизательности. Проверил аватары для сегодняшних эфиров — плакатный и реалистичный, для выступлений, где нужно выглядеть солидно и для тех, где нужно быть ближе к аудитории.

В наушнике нервно застучал часовой ход — Аби отмерял секунды до первого эфира.

Все будет так-так-так.

Совместное интервью с Тодериком Ло. Интервью вел Сан Сэм молоденький держатель конвента с виртуальными экскурсиями по социальным организациям. Это был очень полезный конвент, с которым «Сад» постоянно сотрудничал — пятнадцать миллионов аудитории, надбавки к рейтингам для постоянных участников и обязательный сбор пожертвований в конце.

Все получится так-так-так, как положено.

Аватар Сэма был рыжим, кудрявым и конопатым, взгляд у него был нездешний, как у Бесси, но Рихард прекрасно знал, что это солнечное существо воспользуется малейшим поводом вцепиться ему в горло.

Но Рихард не даст ему повода, ведь так-так-так?

Социальные организации приносили рейтинг, когда их подопечные вызывали жалость. У Рихарда была Анни, но сегодня он не собирался давать Сэму ни сенсаций, ни поводов пожалеть его выпускников. Первое интервью было приурочено к выходу Рихарда на пенсию, а значит, он будет рассказывать только о своих успехах. Показывать комнаты для терапии и довольных выпускников, а еще он, пожалуй, покажет те цветочки, что он посадил ночью. Из этого можно было размотать неплохую импровизацию.

Один из боковых экранов включился, и Рихард увидел край малиновой портьеры.

Так.

Анни поправила камеру и смущенно улыбнулась. Анни надела голубое платье, и оно отвратительно смотрелось в интерьере. Нужно сказать, чтобы к эфиру переделась. Рихард помахал ей рукой и отвел взгляд.

Так.

Рано. Зачем она пришла сейчас? Он все равно не сможет выслушать ее в ближайший час. Наверное, хотела расставить камеры и выставить свет. Она всегда слишком старалась.

Но это ведь и хорошо, *не-так-так-так не так*

так

так

ли?

В наушнике грянула эфирная заставка, приторно-торжественная духовая партия.

Словно капля воды сорвалось последнее «так».

Рихард улыбался камере, но куда искреннее он улыбался табло со зрительской аудиторией — эфир пришли смотреть больше чем шесть миллионов человек. Кто-то еще не успел подключиться, скоро людей будет еще больше.

Рихард поздоровался с Сэмом, который сидел на ужасном фиолетовом диване в своей

студии и смотрел в объектив мудрым и печальным взглядом.

Как у Бесси.

Как у живых собак.

Лживый, рыжий засранец.

В ушах стучало навязчивое так-так-так. Ну и хорошо, пусть задает ритм, на который так славно нанизывать слова.

Слова вытекали из горла, но Рихард почему-то не слышал и не чувствовал их. Не чувствовал вибраций в горле, не чувствовал, как шевелятся его губы. Словно слова текли мимо и без его участия.

Он за эти годы сказал столько слов.

Сэм обернулся к экрану, чтобы поздороваться с кем-то из специальных гостей.

Рихард использовал это мгновение, чтобы посмотреть на Анни. Она сосредоточенно центровала левую камеру.

Нужно сказать, чтобы взяла другую.

Рихард чувствовал, что эфир получится прекрасным.

Ведь так?

Цифры на табло замерли — рост аудитории остановился, не дойдя до семи миллионов зрителей.

Так.

Анни смотрела прямо в камеру и сосредоточенно хмурилась.

Так.

Рихард успел увидеть, как свет в камере башни вдруг сделался рыжим. Успел увидеть, что Анни больше не хмурится, а потом ее лицо исчезло, а камера, вздрогнув, наполнилась чернотой.

И только тогда Рихард услышал взрыв.

Глава 11. Рыбья кость

Манжета темнела в углу, черная на белом, будто притаившееся животное. Больше ничего не было — только белоснежная комната, черная манжета, стол и табуретка. Марш не знала, где она. Приехала ли она домой? На каждой стене и на полу было написано «ты дома». Кажется, она сама это написала, прежде чем снять манжету, но не ложная ли это память?

Изменить она все равно уже ничего не могла.

Марш сидела за столом и скользила взглядом по четырем развернутым перед ней экранам. Настороженно мигала рыжими лампочками отложенного старта серебристая панель. Марш едва касалась ее кончиками пальцев, улыбалась и была счастлива.

Оказалось, чтобы стать счастливой, надо просто перестать сопротивляться.

Но белое пространство начинало раздражать. И эти черные буквы, висящие в пустоте — такая гадость, зачем она их вообще написала?

Она написала?

Да какая разница.

— Аве, Аби! — она подмигнула Рихарду Гершеллу на экране. — Покажись!

Не глядя вытянула руку. Почему раньше она ненавидела Аби? Бесси права, он отличный парень. И глаза у него хитрые — Марш нравились мальчишки с хитрыми глазами. Они всё понимали, не то что Освальд и Даффи. С ними было о чем поговорить.

— Мне больно, дружок, — сообщила она Аби, отвернувшись от экранов. — Что мне следует сделать?

— По рекомендациям, утвержденным медицинскими и правовыми ассоциациями, вы можете обратиться к дежурным врачам или в ближайший аптечный пункт.

— Нет, Аби, — жалобно сказала она. — Не так больно. Ну ты же знаешь.

— Если вы столкнулись с правонарушением, вы можете отправить репорт, сделать заявление или обратиться к карабинерам, — нудно отчитался он.

Марш поморщилась. Стоило проводить с ним побольше времени — она так и не научила мальчишку нормально разговаривать.

— Ты, с конвента, — позвала она. — Покажись. А ты, Аби, скажи, что делать, если я могу устроить потрясающую... акцию, и мне больше не будет больно.

— Согласно рекомендациям в вашем профиле, вам следует чаще сублимировать в творчество ваш нереализованный негатив, — одобрительно отозвался Аби. И улыбнулся ей — хорошо так, ободряюще.

Отличный парень! Хороший, все понимает.

— Но это будет не творчество, — призналась она, поднимая руки.

Сдаюсь. Хочу быть порядочным членом общества и делать то, что говорит Аби.

— Зачем ты его обманываешь? — поморщился ее аватар. — Давай, скажи ему прямо, со всеми словами, на которые у него прописаны триггеры. Пусть он начнет запись — тогда это будет честно.

— Взрыв-протесты-терроризм, — невозмутимо отозвалась Марш. — Ну-ка, скажи мне теперь, дружок, что мне следует сделать — устроить акцию, которая принесет мне облегчение, или продолжать предаваться саморазрушительным — Леопольд так сказал, доктор! — привычкам?

— Ваша акция имеет политическую подоплеку, подразумевает протест, резкую и публичную критику власти и — или — человеческие жертвы? — проскрипел Аби.

— Нет, — честно ответила Марш. Она знала, что в этот момент Аби ведет запись, которую сохранит в ее профиле, и эту запись карабинеры смогут использовать против нее.

А будет забавно, если она сейчас сидит в аэробусе и все на нее смотрят! Нет, тогда шли бы очки симпатий и репорты.

Аби не отправит запись карабинерам, если она будет отвечать честно. Анализатор убежденности сейчас прокручивает ее ответ, разбирая все вибрации голоса, изменение оттенка кожи, температуры тела и размера зрачка.

Она не боялась. Она ведь сказала правду. Плевать на сенатора Кьера — кто это вообще? Плевать на власть, Марш даже не знала имен большинства политиков. И людей убивать она не собиралась.

Она обернулась к экранам.

Какие у Рихарда ясные глаза. Можно подумать, что трансляцию с подготовленными аватарами смотришь, а не живой эфир.

Неприлично в таком возрасте иметь такие чистые глаза и белые зубы, господин Гершелл, особенно неприлично, когда ваши бывшие коллеги травятся синтетическим морфином.

— Ваша акция под-д-разумевает причинение вр-р-реда здоровью кого-либо? Участники ваш-ш-шей акции имеют представление о ее сути? Они уч-ч-частвуют добровольно? — протараторил Аби, забарахлив от непривычной нагрузки.

Бедненький, заикается! Она даже искусственный интеллект довела до заикания, вот такая она дрянь.

Впервые в жизни Марш этим так искренне наслаждалась. Смириться. Почему Леопольд не сказал, что так можно?

Может, он тоже был жестоким? Не хотел, чтобы она вылечилась? Ах, господин Вассер, неужели вы такой же негодяй, как и все остальные, почему вы не сказали, что можно просто не бороться?

Вы ведь в итоге так решили. Вы, вы первым сдались!

— Нет, все мирно, никто не пострадает, все участвуют добровольно и прекрасно знают, что мы будем делать, — широко улыбнулась Марш.

— Зачем ты над ним издеваешься? — удивился ее аватар.

Гершелл на экране тоже чему-то удивлялся. А аудитория на табло внизу экрана показала шесть миллионов. И она росла дальше.

Все любили скандалы и душещипательные истории. У Гершелла всегда было в избытке скандалов и историй. Ему надо было только соврать и поулыбаться, чтобы получить вдвое больше, чем Марш получила на экстремальном эфире.

... А все же — где она?

Хорошо бы дома. Марш хотела домой.

А где это — дома? Зачем она тут вообще сидит?

— Хочу общественного одобрения, — прохрипела она. Аби, аватару, Гершеллу и белым стенам, на которых побледнели черные надписи. — А ты что думаешь? Надо ли мне... устраивать акции?

— Аби не понимает полутонов, — аватар раздраженно пощелкал пальцами. Марш видела в собственных глазах настороженность, но по лицу отчетливо читалось, что Она-

Прошшая понимает Себя-Настоящую.

И некоторые вещи Она-Настоящая помнила совершенно отчетливо.

— Но ты понимаешь. Он не поможет мне решиться. Ты помоги.

— Согласно рекомендациям, вам следует провести акцию, если она позволит вам справиться с нереализованным негативом, — довольно резюмировал Аби.

— Вот видишь. Теперь ты скажи. Ты-то понимаешь полутона.

— Что было под рукавом? — глухо спросил аватар.

— Четыре блока синтетического морфина на одной манжете, какие-то антибиотики — я не разобрала — на другой, и на третьей что-то из легальных эйфоринов, — отчиталась Марш. — Я по дороге пробила рецепты по базам. Леопольд сказал, что не умирает, может, и не врет.

— Так как ты сейчас не врет? — уточнил аватар. Марш-В-Прошлом поправила волосы и прищурилась, будто подставляя лицо яркому солнцу.

Марш любила наблюдать за собой со стороны. Она столько суетилась.

— Да, — ответила Марш. — Если его не убивает болезнь — его убивают лекарства, он это прекрасно знает. И не может их не принимать, как ты думаешь, почему?

— Потому что ему больно...

— А еще он боится смерти, — добавила Марш, удивившись, как мало значат сейчас эти слова. — Многовато эйфоринов на манжете.

— То, что ты хочешь сделать ему ничем не поможет.

— А мне? Кто Мне поможет? — тихо спросила Марш.

Потому что экстремальный эфир был для Леопольда. А взрывы — только для нее.

Марш-В-Прошлом поджала тонкие губы. Провела ладонью от запястья к локтю. Погладила себя по второй руке, словно представляя оковы манжет, полных дешевого синтетического яда.

И кивнула.

Марш торжествующе подняла левую руку. А правой ударила по панели.

...

Бесси ничего спросонья не сообразила — ее разбудил входящий вызов, а ей давно никто не звонил, и почему-то на экране был бледнющий парнишка, весь перекошенный, и он на нее кричал, требовал, чтобы она куда-то бежала и что-то делала.

Спустя пару секунд она поняла, что бежать нужно к Марш, а звонит ей Освальд, у которого рыжие волосы почему-то стоят дыбом, и ему совсем не шло. И выражение ужаса на лице его уродовало.

Бесси наконец поняла, что произошло что-то ужасное. Она бросилась в коридор не одеваясь, и даже забыв обуться. В шелковой пижаме было ужасно холодно, а может, и вовсе ни при чем тут шелковая пижама.

...

Марш не понимала, откуда раздается стук. Исчезли надписи на стенах, растаял стол с панелью и экранами, и белая тишина, без углов, без очертаний заполнила ее сознание целиком.

Ей это нравилось. Куда-то исчез Аби и ее аватар, и она по ним совсем не скучала.

Ей было хорошо. Марш гладила себя по лицу кончиками пальцев, и кожа была теплой и гладкой. Никаких проволочек. Только эта дрянь на глазу все портит. И еще стук в дверь.

Марш помнила, что всего на минутку прилегла на пол. Нужно было дать Рихарду

навернуть что-нибудь про взрыв — какое лицо у него был, когда она ударила по панели, какое лицо! — тогда уже публиковать манифесты. Завершить свою акцию, превратить ее в высказывание.

А что потом? Наверное, стоило поехать к Леопольду и вернуть куртку. Жаль он не может порадоваться разрушенной карьере Гершелла вместе с ней.

И еще плохо, что в дверь стучат. Когда Марш встала из-за стола, все вдруг пропало, растаяло, и она совсем не была против, но ей нужны были экраны и панель. Можно еще немного полежать. Раскинуть руки, смотреть в потолок и чувствовать, как растворяются все проволочки, как уходит угрюмая ядовитая злость.

Она так счастлива, сейчас, здесь — зачем этот проклятый стук?!

Не выдержав, Марш медленно перевернулась на живот и встала на четвереньки. У нее кружилась голова, но она все еще была счастлива.

Стук стал громче и чаще.

Наверное стучат в дверь. Кто вообще стучит в двери, есть же датчики?

Марш знала, кто мог стучать.

Она зажмурилась. Прислушалась. Вставать не хотелось — ползти гораздо удобнее.

...

Ну что за утро, все, все не так!

Бесси сначала звонила в дверь и махала руками, чтобы датчики ее засекли, а потом стала стучать — может, у Марш что-то сломалось. Как батареи. А может, она спит и не слышит.

Бесси не любила никого будить, но Освальд сказал, что вопрос буквально жизни и смерти, и она ему поверила. А Марш не открывала, и это было так плохо, так страшно, что хотелось плакать.

Она так перепугалась, что не заметила, как дверь отъехала в сторону. Марш стояла на пороге и смотрела сверху вниз. Бесси ее только по повязке узнала, все лицо серое, и глаз тоже серый. А линза — красная, круглая — прилипла к щеке. Марш стояла, морщась, словно ей было больно от света в коридоре. В ее комнате было совсем темно, только экраны на столе что-то показывали, часто мигая то рыжим, то лиловым светом.

— Чего тебе? — неожиданно дружелюбно спросила Марш.

— Освальд звонил, — быстро сказала Бесси. — Сказал, сказал бежать к тебе, сказать... сказать...

— Забыла?.. — В голосе Марш дрогнула надежда. Бесси поняла, что она не хочет слышать ответ, но Освальд тоже был бледный, и ему тоже было страшно!

— Сказать, Анни пошла в башню ставить камеры! — выдохнула она.

— Как... здорово... — прошептала Марш.

Отвернулась от Бесси, не закрывая дверь. Села за стол и медленно опустила голову на скрещенные руки.

— Марш? Марш? — позвала Бесси. — Эй...

Бесси было немного страшно. Она все-таки зашла в комнату и закрыла дверь — было холодно, Марш вот тоже дрожала как-то странно. Но лезть с утешениями Бесси не решалась.

Наверное, произошло что-то очень плохое. Что-то с камерами, и Марш теперь грустно. Но Бесси понятия не имела, что делать, если кому-то плохо из-за башни и камер. Звать врача? Наверное, Марш хватит рейтинга чтобы врач приехал быстро.

— Освальд — малолетний засранец, — тихо сказала Марш, не поднимая головы. Только

повернулась, чтобы видеть Бесси.

Лицо у нее было спокойное.

— Почему?..

— Он мог пойти туда. Всем сказать, увести... как ты сказала... Анни? Кто это вообще такая... я не знаю, — слабо улыбнулась Марш.

— Я знаю! — вспомнила Бесси, обрадованная тем, что можно хоть чем-то помочь. — Там была такая девочка с нарисованными веснушками, у нее еще платок, платок синий был. Она с Рихардом дружит...

— Дружит? С Гершеллом? — задумчиво повторила Марш. — Теперь-то, наверное, не дружит...

— Думаешь, они поругались? Из-за камер?

Бесси не знала, что делать. Она не хотела говорить глупости, и, если честно, не очень хотела говорить с Марш — от нее веяло угрожающим, страшным холодом, и с каждым словом Бесси холод словно становился сильнее.

И сейчас холод стал такой жуткий, что хотелось броситься из комнаты в коридор, вернуться к себе, спрятаться, и больше никогда с Марш не разговаривать.

Бесси могла бы так сделать. Ей даже Аби разрешил — ее рейтинг говорил, что она плохой человек, а плохие люди поступают именно так.

Но она не смогла.

И что говорить Бесси не знала. Встала у Марш за спиной, посомневалась пару секунд — она даже руки трогать не разрешала! — а потом обняла ее за талию. Уткнулась носом в выбритый затылок и закрыла глаза. Все еще было страшно.

Марш не шевелилась, только мелко дрожала, и спина у нее была сторбленная, позвонки все даже через толстый свитер прощупывались. И все равно было страшно. Бесси даже не знала, почему.

Не убьет же она ее? И не ударит? Нет, точно нет, Марш хорошая, только притворяется злой. Бесси цифры на браслете видела, и даже без цифр она всегда это знала!

А если ругаться будет — пусть ругается! Это здорово даже будет, если Марш опять ругаться начнет, она же всегда ругалась, а значит, когда она ругается — все хорошо.

— Освальд ничего не сделал, — пробормотала Марш. — А я бы сделала, если бы знала... Бесси, ты мне веришь? Веришь?

— Верю, — честно ответила Бесси, радуясь, что Марш заговорила. — Освальду плохо было, — она решила и за него заступиться. — У него лицо такое... плохо ему, — беспомощно закончила она.

— Плохо... вот как...

Марш вдруг выпрямилась и повернулась к ней. Бесси торопливо разжала руки и отступила на шаг.

Непривычно было что Марш снизу вверх смотрит. Внимательно, как будто ждет, что Бесси что-то умное скажет, а она не знала, что говорить! Не знала она, не знала, что такое не сделал Освальд и почему тот славный старичок Рихард Гершелл поссорился с девочкой с нарисованными веснушками!

Ну что ей сказать? Чего она ждет?

И у Аби спросить нельзя, Марш не любит, не любит Аби!

— Позвони Освальду, — тихо попросила Марш. — Давай посмотрим, какое у него лицо.

А сначала... видишь ту штуку в углу? Дай мне ее... пожалуйста...

...

Марш все еще плохо различала очертания предметов, но приступ почти отступил. Она кое-как натянула манжету, которая тут же начала разъяренно клевать ее иглой. От лекарств тошнило и кружилась голова, но Бесси принесла такие новости, что Марш вдруг понадобилась вся злость, заключенная в контейнерах под черным бархатом.

Сначала пришла радость. Одурачивающая радость, лучше всех взрывов, всех лекарств, такая злая и звонкая, что Марш даже сначала не поверила, что это чудо действительно случилось с ней.

«Анни пошла в башню ставить камеры» — ну разве можно придумать лучше?

Чего хотят шесть миллионов жадных глаз и искривленных ртов? Крови. В этом мире осталось так мало настоящей крови. Стоит пролиться хоть капле, как в сети поднимался встревоженный гул миллионов мух.

Мухи бросали сиропы конвентов про осознанное потребление и дерьмо конвентов с семейными драмами, потому что где-то случилось нечто по-настоящему редкое. Аби не давал проливаться крови, Аби осуждал и пресекал любое насилие, но если кровь проливалась, мухи из сети слизывали ее без остатка. Иначе не существовали бы Стравки, иначе Марш не получила бы свою осу.

И теперь у Марш есть такая потрясающая, такая сладкая тема. Лучше лезвий с серебристыми рукоятями, лучше взрывов и высказываний про сенатора Къера. Тема на десять золотых ос и одну потрясающую, совершенную месть.

Если люди узнают, что выпускники Гершелла не только взорвали башню, но и убили человека — он лишится не только карьеры. Он не просто не поедет в Средний Эддаберг, он в лучшем случае переедет в соседнюю с Леопольдом комнату.

Убили человека.

В соседнюю комнату.

Убили человека.

Когда она опубликует манифесты — убьет еще троих. Выставит этих дурачков убийцами, и они получат такой шквал репортов, что им даже штраф не успеет прийти.

Освальд тоже виноват. Да! И может быть, Даффи и Иви тоже знали, что девчонка пошла в башню, и тоже ничего не сказали, не захотели быть хорошими людьми, так почему Марш должна?!

Она убьет еще троих — и Рихарда Гершелла.

Или не убьет больше никого. И тогда все будет зря. Гершелл вывернется и наверняка поедет в Средний Эддаберг, а Марш останутся остывшие руины заброшенных домов, умирающий Леопольд и призрак девушки, рисовавшей себе веснушки.

Комната стала беспощадно четкой. Оказывается, в ней все это время было темно. А потом пришло осознание — его вбила в кожу игла в манжете, его выжег в сознании строгий взгляд Леопольда и присыпал солью растерянный шепот Бесси.

Марш подняла взгляд. Бесси что-то бормотала в воротник, видимо, пытаюсь дозвониться до Освальда.

— Аби говорит, профиль Освальда заблокирован, — расстроено сообщила Бесси.

— Вот как... — тихо сказала Марш. — Ну что же... Без него обойдемся. Скажи мне Бесси, я плохой человек?

Она посмотрела так, будто удивлялась, что Марш не понимает каких-то очень простых

вещей. Подошла к ней, взяла за руку, и Марш не стала отдергивать ладонь. Впервые позволила кому-то разглядывать свой браслет. И она все надеялась, что Бесси скажет что-то другое. Что она не даст самый глупый и пустой из возможных ответов. Единственный ответ, в котором Марш точно не найдет утешения.

— Аби говорит, нет, — улыбнулась ей Бесси, показывая свой браслет. — Это я, я плохой человек.

Это было плохое утешение. Худшее из всех, что Марш могла себе представить.

— Бесси... иди к себе, ладно? Возьми вот... ботинки бери, пальто — и иди, хорошо?

Эта девочка позвала ее из белого безумия, не дала туда уйти. И Марш не была ей благодарна, но никак не могла ее ненавидеть.

Марш теперь убийца. Это такая необычная роль, которая под надзором Аби почти никому не достается. Она убийца, и ее аватар — тоже, ведь они вместе решились на взрыв. А Аби она обманула — Марш не хотела себе врать. Ее прошлое, ее настоящее и будущее спеклись в одно беспощадное слово, и Марш понятия не имела, что теперь делать. Ей было страшно. Ей хотелось, чтобы хоть кто-то сказал, что она ни в чем не виновата.

Но даже Бесси не смогла.

Зря Леопольд в нее поверил.

Не зря она так легко представила себя хищником с израненными щупальцами и ядовитым жалом. Марш вспомнила, как оживала податливая фантазия, как мучительно хотелось сделать по-своему хоть раз.

Отравить, уничтожить и сожрать. Наконец-то мечты начали сбываться, разве не здорово?

Бесси ушла незаметно. Марш несколько раз медленно обошла комнату, убеждаясь, что она действительно одна. Села за стол, развернула три манифеста на трех экранах.

Без них все будет зря.

Освальд повел себя как подонок и трус. А она ничего не знала. Ни в чем не была виновата.

Незачем жалеть подонка и труса. И почти незнакомых ей Даффи и Иви незачем жалеть.

Ее никто никогда не жалел. И уже никто не пожалеет.

А может никто не умер? Может, эта Анни никуда не пошла, или задержалась у оранжереи, или зашла к Гершеллу пожелать удачи перед эфиром?

Марш не могла узнать наверняка. А публиковать манифесты нужно сейчас.

Марш смотрела на экраны. Улыбалась, водя в воздухе пальцами, словно протирала невидимое лезвие, и точно знала, как поступит.

...

Даффи было страшно. Когда Освальд ввалился к нему в комнату и начал выть, что Анни пошла в башню, он сначала ничего не понял. Даже не сразу вспомнил, кто такая Анни, хотя в последние дни в центре только о ней и было разговоров — вроде Гершелл сделал ей какой-то потрясающий эфир. Даффи не слушал, потому что знал, что никакого эфира не будет.

А потом он понял.

Освальд сидел у него на кровати, вцепившись в волосы и раскачивался, тихонько подвывая. Это было даже забавно, но Даффи было не до смеха.

— Ты... пойдешь в башню? — хрипло спросил он Освальда.

— Я пытался Анни отговорить, но она не... Я позвонил Бесси. Девчонке, которая нам записки носила, я ее профиль сохранил... Мар... другой нельзя, — беспомощно сказал он. —

Они соседки, Бесси предупредит, и...

— И ты думаешь эта сумасшедшая сука не станет?.. — уточнил Даффи.

— С каких это пор она стала сумасшедшей сукой? Тебе же она нравилась!

— Тебе тоже, — огрызнулся Даффи.

Ни в какую башню он идти не собирался. Он только вспоминал, как серебристая оса пыталась ужалить ладонь Марш. Даффи в последние недели ничего другого не вспоминал.

Оса. Он даже лица Марш почти не помнил, только злую осу и голубое свечение повязки.

Даффи был не дурак и понимал, что у Марш свои резоны. Он был не против. Но это он тогда был не против, а теперь-то все стало иначе!

Освальд вдруг подскочил, словно его током ударило и бросился за дверь.

Даффи несколько секунд ошеломленно смотрел ему вслед, а потом выбежал в коридор.

— Стой, поехавший! — в отчаянии крикнул он.

Освальд даже не притормозил. Он явно все для себя решил, и Даффи не осталось ничего другого, кроме как бежать за ним. Молча, потому что еще был шанс, что башня не взорвется, Анни не умрет, а привлекать лишнее внимание было совершенно ни к чему.

Когда раздался взрыв, Освальд почти успел добежать до башни. Когда вздрогнули алые стены — еще до звука и света — Даффи понял, что нужно делать. Он успел увидеть, как Освальд падает на промерзшую землю, закрывая голову руками. И как густое рыжее пламя растет, разрывает изнутри каменную кладку, и нет никаких серебристых ос, нет брызгающих огнем и осколками пластика окон, только тянущийся к лицу жар и разрывающий грохот.

Даффи не стал смотреть, что с Освальдом. Он сам все решил для себя, а Даффи для себя.

Он развернулся и бросился к коттеджу.

...

Спустя час после взрыва Рихард сидел у себя в кабинете и смотрел на ерзающего на табуретке Даффи, который торопливо, глотая слова, рассказывал про серебряных ос и взрывы.

Рихард слышал главное, и когда Даффи начал оправдываться и добавлять ненужные подробности, полностью погрузился в свои мысли. Он потом пересмотрит на записи, если ему что-то понадобится, но пускай мальчишка говорит.

Из всех бывших пациентов «Сада» Рихард меньше всего хотел иметь дело с Марш Арто. Он успел найти фотографии с внешних камер ее квартала, и перемена ему не понравилась. Куда она дела глаз? Рихард пересмотрел профиль — она была совершенно здорова, только сумасшедшая. Травма? Вряд ли это травма.

Даффи продолжал что-то говорить, и Рихард различил заискивающие интонации. Эта часть представления его точно не интересовала.

Освальда он запер в палате вместе с Иви — мальчишку полечить ожоги и подумать о своем поведении, девочку — чтобы он побольше болтал под камерами. И чтобы они пропали из сети на некоторое время.

Пускай их родственники привыкают.

— Проваливай, — коротко сказал он, не поднимая головы.

В ушах стоял тонкий монотонный звон. Рихард сцепил руки в замок и прижался лбом к сжатым пальцам. Пахло гарью. Он так и не успел вымыть руки и даже сменить рубашку. Почему-то он не мог себя заставить.

... Рихард начал врать еще до того, как прозвучал финальный взрыв. Совет Тодерика

Ло выставить взрывы спланированной акцией зажегся в памяти легко и быстро, слова подобрались правильные и убедительные, а эфир удалось закончить удачной шуткой. Рихард говорил, улыбался, и так искренне верил в каждое свое слово, что Аби не смог уличить его во лжи.

Даффи пытался поймать его взгляд, и Рихард не стал отказывать мальчику. Пусть смотрит.

— Проваливай, — повторил он побледневшему, притихшему Даффи и снова опустил голову.

... А потом он запер все двери в коттедже, поставил блоки на все профили и отключил общественные сети, оставив доступ только персоналу. Быстро надиктовал Аби сообщение — торопливо, пока надевал универсальный защитный комбинезон прямо на костюм. Никто не выйдет из центра, не позвонит и не отправит ни одного сообщения, пока он не позволит.

Нужно было убраться. Пока никто не увидел. Пока никто не узнал.

Хотела ли Марш кого-то убить?

Какая разница.

А все же — хотела?

Браслет Анни почти не пострадал. Из-за блоков и заморозок Аби не сообразил, что хозяйка умерла, и переливался на ладони Рихарда зелеными огнями.

Марш Арто смеялась, когда Леопольд получил штраф. Рихарду вообще-то стоило проявить сострадание. Он всегда знал, что стоило. Но ему хотелось сорваться, кого-то обвинить, спрятать собственный испуг — он знал, что оранжевая лампочка могла мигать и на его воротнике.

Знал, что девчонка привязалась к Леопольду, знал, что это был истерический смех и даже не думал, что она влюблена. Просто пытался ее разозлить, потому что так советовали в методичках.

Разозлил.

Рихард ждал, когда и к нему придет злость. Он хотел ненавидеть, хотел метаться по кабинету и ломать мебель, но почему-то никак не получалось. Рихард неподвижно сидел за столом, а в голове звучали монотонные щелчки, будто Аби решал какую-то задачу на счетной машинке, только вот Аби молчал.

Ничего непоправимого не произошло. Пока не произошло. Нужно было выйти в сеть и проверить, как взрыв освещается в новостных конвентах.

Марш хотела просто взорвать башню, надеясь, что это ему навредит?

Вряд ли.

И что он может сделать? Если у нее есть какой-то план, она наверняка доведет его до конца, и он никак не сможет помешать. Порадовать Марш звонком или визитом? Чтобы она и над ним посмеялась?

Нет, конечно же нет.

Еще и Бесси впутала, до чего циничная дрянь. А значит, ее не жалко, ее поделщиков не жалко, и незачем оставлять таких людей позади. Незачем давать им шанс все испоганить. Марш Арто вот шансом воспользовалась.

А идея с записками все же хороша. Он тоже любил простые решения и преступления без преступлений.

Рихард медленно растер пальцами виски.

Сначала нужно придумать, что сказать родным Анни. До прибытия в Средний Эддаберг

— а он обязательно туда придет — Рихард забудет ее лицо. Забудет свои сентиментальные порывы, и как она обнимала его в ту злую, тревожную ночь, и как он нашел в ней короткое утешение.

Что сказать родным? Скажет, что отправил ее в Нижний Дабрин. Что ей нужно побыть в одиночестве, может, пройти еще какой-то курс.

— Аве Аби. Открой мне профиль Анни, — глухо скомандовал он. — Фотографию убери.

— Озвучить результаты? — угодливо поинтересовался Аби.

— Нет. Текстом. Увеличь шрифт, глаза болят.

Он равнодушно скользил взглядом по строчкам досье о девушке, которая ничего для него не значила и которую он никогда не знал.

— Внести изменения в карточку, — монотонно начал он. — Отметка об успешном прохождении лечения — удалить. Отметка о занятиях с пациенткой в профилях персонала — удалить. Отметка о заселении в комнату — удалить. Отметка «проходила общий оздоровительный курс» — поставить...

Рихард отдавал команды не задумываясь. Это была не первая пациентка-призрак центра «Сад-за-оградой». Марш Арто когда-то тоже «прошла общий оздоровительный курс». Комплекс услуг по социальной страховке, ни к чему не обязывающий ни пациента, ни врачей. Не нужно жить в центре, соблюдать рекомендации и находиться под наблюдением. Как будто Анни просто ходила на какие-то процедуры, а потом возвращалась домой.

— Графа «социальная напряженность» — очистить... шкала... как она, «степень опасности»? Да и хрен с ней, как она там называется — обнулить...

Вообще-то этим должны были заниматься карабинеры, но «Сад» давно получил свою лицензию и мог определять, кто из выпускников представляет опасность для общества, а кто нет. Теперь Анни с ее рейтингом просто затеряется в конце списков, и никто о ней не вспомнит. И родные не смогут ее найти.

— Профили в сетях — отметить как «приватные»... доступы к карточкам — закрыть для всех, кроме... для всех.

Вряд ли они будут искать, скорее порадуются, что за нее больше не приходит штрафов. А если и будут — какое дело Рихарду, он будет в Среднем Эддаберге, оттуда не депортируют и никто за прошлые грехи его судить не станет.

Но Рихарду нужно было уехать. Что задумала Марш Арто?

Он точно знал, как сделать так, чтобы это потеряло всякое значение.

И знал, кто ему поможет.

— Входящий вызов от Тодерика Ло, — осторожно доложил Аби.

— Передай этому козлу, что если он хочет, чтобы я разгреб это дерьмо и никого не забрызгало — пусть засунет язык в жопу и посидит хоть пять минут! — рявкнул Рихард. Потом пробежался глазами по строчкам составленного Аби ответа: — Уважаемый... в данный момент не могу уделить должного внимания... в дальнейшем мы обязательно обсудим возможные разногласия... с безграничным уважением... убери безграничное уважение и можешь отправлять. И вызови аэрокеб к главным воротам. Укажи, что поедем за город.

...

Даже если бы Рихард никогда не ездил к Императорским катакомбам, он легко нашел бы их по плесневелой вони, сочащейся из скрытых вытяжек. Респиратор не спасал, но сейчас

Рихарду не было до запаха никакого дела — он чувствует его в последний раз.

Точно, в последний. Если сорвется переезд в Средний Эддаберг — он поедет к Марш Арто и своими руками ее удавит прежде, чем ему успеют обнулить рейтинг. Рихард брел по темным коридорам, стараясь не задевать плечами влажную каменную кладку, открывал двери универсальной карточкой, которую ему выдал Ренцо, а в голове не было ни одной мысли. Это славно, Рихард уже все решил и совсем не хотел об этом думать.

Стравки должны быть в самом разгаре. Это хорошо, значит, Ренцо не придется долго искать.

Он давно здесь не был. Рихард вообще не любил встречаться с бывшими выпускниками, особенно с теми, чья деятельность классифицировалась как «на грани законного», но иногда приходилось вспоминать старые связи. Иногда Рихарду нужен был контрафактный алкоголь на «подарки», а несколько раз ему требовались дефицитные лекарства, которых даже с его рейтингом было не достать.

Дважды ему нужно было совершить незаконную манипуляцию с профилями выпускников. Последний раз он обращался к Ренцо, когда ему потребовалось подчистить профиль Марш Арто. Рихард поставил нужные отметки, очистил кэш и потер упоминания в отчетах, но Ренцо нашел почти сотню косвенных упоминаний, которые могли его выдать. Теперь Рихарду нужно было проверить профиль Анни. И сделать кое-что еще.

Он открыл последнюю дверь, и в респиратор хлынул густой отфильтрованный воздух подземных залов.

Когда Рихард был здесь в прошлый раз, в первом зале стояла клетка, в которой держали лабора с оцифрованным сознанием. Ренцо утверждал, что привез его из среднего Эддаберга, из списанной партии, и очень им гордился. Теперь вместо клетки напротив двери стоял белый постамент, на который зачем-то водрузили кучу искореженного металла. Рихард стянул защитные очки и пригляделся.

Ничего непонятно. Что-то черное поперх чего-то белого, если вот так повернуть голову — как будто осьминог держит человека.

— Господин Гершелл, как мы безмерно, непередаваемо...

— Избавь меня, Бэл, — попросил Рихард, не оборачиваясь на голос.

Бэл когда-то тоже проходил программу в «Саду». Хороший был парень, беспроблемный, и выпускной эфир замечательный сделал — уместно шутил и вовремя, без подсказок корчил покаянные мины. Рихард рекомендовал ему набрать вес, чтобы усилить впечатление добродушного юмориста, и, кажется, Бэл совету следовал очень старательно.

Но сейчас шуточки были последним, чего хотелось Рихарду.

— Понял, — покладисто ответил Бэл. — Вы Стравки посмотреть?

— Я к Ренцо. Найди его, скажи у меня срочное дело.

— Он занят, — Бэл так искренне расстроился, что если бы Рихард не репетировал с ним вот это самое лицо — обязательно бы поверил. — Нам собак привезли, он снимает стравку...

— Бэл, мне совершенно... насрать, — устало сказал он. — Проводи меня в переговорную, распорядись, чтобы принесли чай и приведи мне Ренцо. Скажи ему взять пустые карточки для снятия данных и ключи для взлома профиля.

— Понял, — повторил Бэл, но теперь голос стал глухим. — Проходите...

Во втором зале Рихард начал снимать защитный крем универсальной салфеткой, чтобы только не смотреть по сторонам. На Стравках у него всегда обострялась мизантропия — он

никогда не мог добиться такой бурной реакции даже самым изысканно подстроенным скандалом. Может, ему стоило всю жизнь ловить собак за городом и делать рейтинги на трансляциях.

Может. Только он поедет в Средний Эддаберг, а Ренцо, даже если накопит такой же рейтинг — никогда. Там смотрели на «чистоту» значений. Рихард был честным тружеником с безупречной репутацией и комиссия одобрила его кандидатуру. Именно поэтому сейчас его профиль был временно переключен на анонимный, а браслет и микрофон Аби были затянuty черной глушащей пленкой. План Рихарда в шкале законности был слишком далеко от допустимых значений, Аби мог начать запись или даже отправить репорт самовольно.

Отвлечься мыслями о Ренцо и плане не удалось. Бэл протащил его за рингом, там, где не было камер, и Рихард понимал, что парень очень старается угодить, но раздражение все равно рванулось в сознании, глухое и безжалостное.

На белоснежном ринге темнели красно-рыжие полосы. Огромный черный пес, брыластый, со свежими срезами на месте ушей и хвоста, трепал трехцветную дворнягу. Судя по всему — дохлую. Но раздражали Рихарда не собаки, а ритмичный шум из зрительного зала, накатывающий в такт движениям головы черного пса.

Свиньи. Тупые и жадные до крови. Если бы Рихард сам не помогал их начальству поддерживать рейтинги — обязательно занялся бы рассылкой заявлений карабинерам, в санитарные инспекции и общественные организации. Десяток инспекций навсегда очистили бы старые катакомбы от этой швали.

На пороге переговорной Рихард обернулся. Пес так и не разжал зубы, только ринг, под разочарованный гул из зала, начал уходить в затемнение.

Значит, минуту назад дворняжка еще была жива.

В переговорной было тихо. Темные желтые лампы имитировали живой свет, а на велюровых диванах серебрились защитные чехлы, которые Бэл начал торопливо срывать. Ренцо точно трясся над дорогой обивкой, судя по складкам, гостей попроще сажали прямо на чехлы.

Рихард хотел поторопить Бэла, но не стал. Каждая минута промедления — это шанс для Марш доделать то, что она задумала. По дороге к катакомбам Рихард проверил, выпустила ли она какие-то материалы, но не нашел ничего лишнего. Над взрывом посмеялись в нескольких конвентах, в нескольких решили, что у «Сада» проблемы с генераторами. Здесь обсуждения расходились — одни ругали правительство за то, что в медицинской организации такие проблемы с электричеством, другие обвиняли руководство центра в хищении бюджетов на ремонт. Рихарду было что ответить и тем, и другим. Рейтинг «Сада» на табло даже немного увеличился. Большинство посчитали это шуткой или поводом для сочувствия.

Но Марш явно хотела не этого. Рихард не хотел ждать, пока ей в неподдающуюся лечению голову придет сигнал из космоса, или каким там импульсам она подчинялась. Нужно было замять эту историю как можно быстрее.

Нужно было. Но почему-то Рихард молча смотрел, как Бэл срывает чехлы и расправляет морщинки на подушках, и не находил в себе сил его поторопить.

Наконец, он ушел. Рихард не глядя сел на край ближайшего кресла и взял со стола планшет, подключенный к местной сети.

— Аве Аби, — мрачно позвал он. — Аве... не подключили? Ну, так даже лучше...

Он отвык искать информацию вручную. Поисковая строка жадно глотала черные буквы,

лишь на миг появляющиеся на экране. Значит, здесь хорошая защита и запрос нигде не сохранится. Это было славно, можно было даже потерпеть пустующую строку.

Доступ к профилю Марш планшет нашел довольно быстро и выплюнул его на внешний, виртуальный экран.

— Ага... славно... репорты, репорты... надо же, и за оскорбление карабинера три есть, а откуда же у тебя столько рейтинга...

Он быстро дошел до короткого списка ачивок и достижений. Среди мусора вроде редких бронзовых медалек за неделю без вредных привычек серебрилась единственная, драгоценная оса.

Конечно, связанный с ней эфир был закрыт. Рихард бросил быстрый взгляд на дверь. Пожалуй, у него есть пара минут на то, чтобы его взломать. У него остался ключ к ее профилю. Он оставлял ключи к профилям всех пациентов, именно на такие случаи.

Он не знал, имеет ли это хоть какое-то значение. Ос такие, как Марш получали или за порнографические эфиры, или за трансляции с безумными выходками «на грани законности». Один парень ел живых утят, и это подходило Марш больше, чем порнография.

Ее лицо медленно сгущалось в воздухе, и Рихард сразу понял, что порнографического эфира не будет. Он медленно положил планшет на стол, так, чтобы Марш сидела перед ним. Она улыбалась, и Рихард вдруг подумал, что не верит Даффи. Потому что кому-то другому ее взгляд мог показаться безумным, но он видел, что Марш напугана и очень несчастна. Даже расширенные эйфоринами зрачки не делали ее лицо безумным.

Он понял, что сейчас произойдет только когда она поднесла лезвие к уголку глаза, а за его спиной звякнул фарфор.

Рихард не отрывал взгляд от записи, только коротко кивнул девчонке, которая поставила перед ним поднос. Точно, он ведь сказал принести чай.

Рихард досмотрел эфир до конца. Потом медленно смахнул запись — белый пол, красные пятна и белое лицо, которое так и не стало безумным — и встретился глазами с Ренцо, который сидел в кресле напротив.

— Я ее знаю, — невозмутимо доложил он.

Когда Рихард последний раз видел Ренцо, у него были золотые волосы. Теперь он выбрал более сдержанную черную краску, наверняка потому что в моду вошла подчеркнутая национальная идентичность. Наверняка ему пришлось заказывать генетическую экспертизу, а потом лезть в сеть за уточнениями — никто давно толком не помнил, к какому народу принадлежит и какие у этого народа были традиции.

С золотыми волосами или с черными, Ренцо остался изворотливым лживым говнюком. Значит, они договорятся.

— Вот как, — отозвался Рихард. Хотел потянуться к чайнику, но не удержался и провел ладонью по глазам.

Он бы пожалел ее. Конечно, он сделал все, что мог, и никто, даже Марш Арто не мог требовать от него большего. Но всего пару часов назад он видел другой эфир. Анни вышла бы из центра и научилась сажать цветы. Марш ничему не научится, Марш — несчастная, но совершенно отмороженная сука. Рихард в этом только что убедился.

А все же. Как жаль, что так вышло.

— Она приходила недавно, — задумчиво сказал Ренцо. — Угрохала оцифрованного лабора.

— Чего хотела? Поднять рейтинг? — лениво поинтересовался Рихард, чувствуя, как все

сожаления исчезают, и на смену им приходит безжалостный расчет.

— Нет, — напряженно ответил Ренцо. Он явно не хотел говорить правду, но все-таки побоялся соврать. — Хотела запчасти. Аккумуляторы со старых лаборов и накопители.

Рихард улыбнулся и дотронулся до теплой фарфоровой ручки. Налил чай, давая себе время подобрать слова, а потом сказал:

— Сегодня в «Саду» взорвали башню.

— Башню? Исповедальню? — удивился Ренцо.

— Да, именно ее. Как ты думаешь, кто ее взорвал? И откуда у кого-то реактивы и накопители для взрывчатки?

— Она у вас лечилась? — деловито спросил Ренцо.

— Лечилась. Как видишь, не долечилась. Поставь глушилку и положи руку на диван. Это не под запись.

Ренцо поморщился, но глушилку на стол поставил. Метнул на Рихарда ненавидящий взгляд, а потом, улыбнувшись, достал из кармана кусочек пленки. Закрыв датчики Аби и опустил руку.

— И чего вы хотите?

Рихард объяснил. Слов ему потребовалось немного, но с каждым Ренцо бледнел все сильнее, а лицо у него стало совсем как у Марш на записи. Наверное, если бы Рихард растянул свой план еще на пару минут — парень бы растворился в воздухе.

Это было почти забавно.

— Если я не ошибаюсь, вы получили разрешение на переезд в Средний Эддаберг, — наконец сказал он.

— Не ошибаешься.

— Мистер Гершелл... Позвольте мне уточнить... в какое положение вы меня ставите, — начал Ренцо, под конец вернув голосу невозмутимость. — Не скрою, что наше сотрудничество все эти годы было весьма и весьма плодотворным. Но теперь возникают некоторые... трудности. Во-первых, когда вы уедете, вы не сможете помогать мне и моей команде.

Рихард ободряюще улыбнулся и кивнул.

Ренцо требовались постоянные прибавки к рейтингам и зеленый уровень социальной привлекательности, чтобы карабинеры обращали на него как можно меньше внимания. Рихард раз в полгода писал отчеты об успехах бывшего выпускника и подписывал справки о прохождении им обследований и новых программ. Ренцо то поправлял ментальное здоровье, то проверял уровень стресса, то занимался самоанализом для выявления причин возникновения нереализованного негатива. Согласно отчетам, Ренцо, а так же вся команда организаторов Стравок, больше чем наполовину состоявшая из бывших выпускников «Сада», были исключительно здоровыми, уравновешенными и благонадежными людьми.

— Но ваш... коллега. Человек, который придет после вас, будет не в курсе наших договоренностей, — улыбнулся Ренцо.

— Я оставлю своему... коллеге все рекомендации и указания. Вы же не думаете, что моему преемнику не понадобятся мои связи?

Рихард почти не блефовал. Он понятия не имел, кто придет на его место, но Тодерик Ло знал о Ренцо, и если сочтет нужным — введет будущего пресс-секретаря в курс дела. Тодерик Ло любил, когда ему дарили контрафактный алкоголь. И нелегальными эйфоринами баловаться он любил.

А если не сочтет — какое Рихарду до этого дело.

— В таком случае почему вам нас не познакомить? — широко улыбнулся Ренцо.

— Не наглей, — осадил его Рихард. — А во-вторых?..

— Во-вторых вы просите меня совершить преступление. Вы будете в Среднем Эддаберге и закон вас не достанет, но мы...

— Никому из нас, — веско сказал Рихард. — Не выгодно чтобы об этом кто-то узнал. Это плохой козырь в переговорах с моим преемником и руководством «Сада».

Ренцо кивнул. Сморгнул нос и поставил на стол полную чашку. А потом вытянул из-под воротника изогнутую белую иглу.

— Рыбья кость, — довольно пояснил он. — Тоже из Среднего, сейчас мы замкнем ненужные контакты и подгрузим обеспечение для расширения полномочий... Давайте руку.

— В свой браслет суй эту дрянь, — неприязненно отозвался Рихард.

— У кого из нас доступ к профилям? — удивился Ренцо.

Он только тяжело вздохнул и протянул руку. Позволил мальчишке снять глушащую пленку — с микрофона снял сам. А что оставалось?

Ренцо сосредоточенно вводил игру в контакт под транслятором, а Рихард думал, что рыбья кость — удивительно удачное название для мелкой колючей дряни, которая способна обмануть Аби.

Обмануть Аби, обмануть Рихарда и Ренцо. Застрять в горле и там саднить годами, а потом в один момент воспалиться и удавить.

Рихард не был уверен, что застрявшие в горле кости могут убить, он не разделанную на филе рыбу ел трижды в жизни, но на счет мелкой дряни все было точно.

— Я могу пользоваться браслетом? — уточнил он у Ренцо, который, казалось, даже не дышал.

— Да, так даже лучше будет, — просипел Ренцо.

— Аве Аби. Открой мне отложенные шаблоны завтрашнего эфира. Текстом. Замените «Альфреда Тье» на «Даффи Уоллса»... во всех конфигурациях... — задумчиво скомандовал Рихард. — Разморозить систему начисления рейтинга...

Ренцо поморщился, но ничего не сказал. Рихард смотрел, как по строчкам текста завтрашнего эфира проходит рябь. Хорошего эфира про хорошего парня, который точно получит много очков общественных симпатий.

— Переставить дату эфира... сколько времени нужно?

— Час, — мрачно ответил он.

Игла почти целиком скрылась в браслете.

— Переставить дату эфира на 18.00. Сегодня. Проверим на самом нервном, а потом с остальными поработаем, да?.. — риторически спросил Рихард, наблюдая, как меняются цифры в таймингах.

Можно было попробовать на Анни. Рихард был уверен, что план сработает — операция была несложная. Но он никак не мог себя заставить.

Это было нечестно. Это было подло.

Наконец, текст эфира затянула серая дымка — Аби ждал одобрения. Рихард не стал перечитывать. Даффи не понадобится много народной любви, с него хватит и простенькой истории для разогрева.

— Поставить отметку в профиле «успешное прохождение программы», — тихо сказал он, закрывая глаза. — Присвоить достижение за выпуск... Уведомление для пациента

отложить на 18.10.

В шесть выйдет эфир. Через десять минут Даффи перестанет быть пациентом «Сада» получит хорошую прибавку к рейтингу и все будут счастливы.

Рихард будет счастлив, Тодерик Ло будет счастлив, потому что статистика останется красивой, а отчет будет зеленым, и Ренцо тоже, потому что поймет, что план безупречен и все сойдет ему с рук — а может, он только будет так думать.

А вот Даффи, его друзья и Марш Арто — вряд ли. Но Марш, пожалуй, еще раз посмеется.

— Принять изменения, — расслабленно скомандовал Рихард. — Открыть текст эфира для Анни. Сменить «Анну Брайт» на «Марш Арто».

Если успеет.

Глава 12. Зло на сотню золотых ос

Марш не знала, сколько пролежала на кровати, уткнувшись носом в белую стену. Кажется, она засыпала — без очков и таблеток — и ей снилась белая стена. Потом просыпалась, иногда ненадолго переворачивалась на другой бок, и тогда белая стена становилась чуть дальше.

Она не знала, зачем вставать. Зачем вообще что-то делать — все было зря.

Марш так и не опубликовала манифесты. Пыталась убедить себя, что может это сделать, но с самого начала знала, что ничего публиковать не станет.

Хватит того, что из-за нее погибла незнакомая девчонка.

Когда она встала из-за стола, смахнув с экранов уже никому не нужные манифесты, Марш еще пыталась убедить себя, что делает это не потому что передумала. Просто нужно подправить тексты. Нужно сказать всем, что в башне была девушка, и что Рихард Гершелл пытается скрыть ее смерть. А потом можно опубликовать признания выпускников. Вот тогда все будет правильно, тогда получится история на десять золотых ос.

Потом она легла на кровать и закрыла глаза всего на секунду, чтобы сосредоточиться.

И так и осталась лежать.

Сначала она представляла, как опубликует манифесты, с профилями Иви, Освальда и Даффи. «Мы террористы, мы убийцы, мы ни в чем не раскаиваемся, а еще мы выпускники центра Рихарда Гершелла, он подготовил про нас эфиры, мы говорили, что мы — выпускники Рихарда Гершелла?»

Вот это было бы славно.

И люди будут читать. Смотреть. И слать репорты, репорты — выражать свое неодобрение. Репорты за оскорбление гражданских чувств или еще какую-нибудь подобную дрянь.

А Освальд, Иви и Даффи будут слушать назойливый голос Аби в наушниках — «ваш рейтинг понижен, понижен, понижен». Пока все не затихнет, и их куцые рейтинги не осушит возмущенная общественность.

И это было совсем не славно. И Марш не смогла отправить манифесты.

Все зря. Ей действительно останутся остывающие руины и призрак девушки по имени Анни.

Нужно хоть фотографии посмотреть. Марш себя обязательно заставит, но позже. Может, сделает и из нее аватар, виртуальное чучело человека, набитое его поисковыми запросами и данными биометрики.

— Входящий вызов, — доложил Аби.

Марш не пошевелилась. Ну какая теперь разница, если бы только можно было совсем отключить голосовые уведомления...

— Входящий вызов. Входящий вызов по второму каналу. Получено личное сообщение. Получено личное сообщение. Получено личное сообщение...

Все зря. Все бессмысленно. Чего еще этим людям от нее надо?!

А можно поехать к Леопольду и сказать, что в конце концов она повела себя как хороший человек. Только перед этим убила девчонку.

Убила, убила, убила девчонку, которая рисовала себе веснушки и носила синий платок. Ничего больше Марш о ней не знала, но убила, убила, убила ее.

Манжета сжалась так, будто хотела сломать ей руку. А ведь скоро у нее кончится лекарство, и придется спускаться в аптеку, требовать все положенные ей легальные эйфорины, а потом смешивать их в синтезаторе и гонять туда-обратно до позднего вечера, пока они полностью не очистятся от яда и не изменят свойства.

И Марш совсем не была уверена, что сможет себя заставить. Зачем?

Даже Леопольду она не нужна. Он все равно скоро умрет.

Она нервно хихикнула. Аби, обрадовавшись отклику, немедленно отчитался:

— У вас тридцать семь непрочитанных сообщений. Получено новое личное сообщение.

Марш улыбнулась, медленно поднесла два разведенных пальца к браслету и провалилась в сон.

...

Ее разбудил стук в дверь. Ну конечно, почему бы и нет, ведь пока Марш спала, квартал полностью обесточили, весь город полностью обесточили, а люди успели до того одичать, что теперь долбят ногами по чужим дверям.

— Аве Аби, — прошептала она. — Скажи, что меня нет дома...

— Запрос на звонок высокого приоритета, — прогнусавил Аби. Словно он тоже спал. Словно он тоже хотел спать и не слышать, не слышать, не знать, что все было зря...

— Нет-нет... пусть идут на хрен, — беспомощно пробормотала она. — Я ничего не хочу, никуда не пойду... если там карабинеры — пусть ломают двери...

— Пользователь — Освальд Ирш прислал вам награду на три балла общественных симпатий, — доложил Аби. — Сообщение для получателя — «Открой дверь, мы все умрем». Ваш рейтинг понижен на три балла.

— Что?.. — Марш решила, что окончательно сошла с ума. Белые стены и единение с лабором ей больше понравились, чем игры с рейтингами.

— Пользователь Освальд Ирш прислал вам награду, — повторил Аби. — На три балла...

Она с трудом сфокусировала взгляд. Аби действительно показывал ей наградку — плюшевого зайчонка с охапкой цветов. Под ним горела радостным зеленым светом цифра «3».

— Ваш рейтинг понижен на три позиции, — закончен он.

— Понижен? — тупо повторила она.

Какая-то чушь. За очки общественных симпатий начисляли рейтинг. Как «за красивые глаза» от Бэла, как за любую награду, которой люди выражали одобрение и симпатию. Начисляли, а не списывали!

Аби показал ей сводку. Цифра под открыткой была зеленая. В траурной рамке сводки — красная.

Марш почувствовала, как что-то сжалось в горле и ухнуло в живот.

— Пусти его! — скомандовала она, скатываясь с кровати. От апатии не осталось и следа.

Освальд стоял на пороге, бледный и мокрый, будто бежал от самого «Сада». Рыжие кудри потускнели, лицо посерело, и только нос алел как у олененка с брейсовских открыток.

— Даффи умер, — простонал он, хватая ее за плечи. — Даффи умер, мы тоже скоро умрем!

— А ну отвали! Я ничего не сделала! — Марш попыталась отцепить его руки от своего жакета, но Освальд держал крепко. — Я не хотела убивать вашу девчонку, но я не стала ничего публиковать... вас никто ни в чем не должен был обвинять... Да отпусти ты меня!

— Даффи нас сдал! Он думал, Гершелл его отмажет!

— Совсем дурак? — фыркнула она, хотя это было совсем, совсем не смешно. — Как он умер?

— Рейтинг обнулился, — прошептал Освальд, разжимая пальцы. — Смотри...

Он протянул руку, но она дрожала так, что изображение никак не могло сфокусироваться. Марш заставила его сесть на пол и сжала его ладонь. Над транслятором сгустилось лицо Гершелла.

— Все наши выпускники — замечательные люди, — уверенно говорил он, глядя прямо в камеру. Прямо Марш в глаза, настоящий и мертвый. — Но мне приходится расставлять эфиры... по определенной логике. У каждого из наших замечательных выпускников есть замечательные черты, но истории... замечательны в разной степени. Конечно, для человека лучше, чтобы его история была скучной. Никто в здравом уме, — усмехнулся Рихард, — не желает трагических потрясений, увечий или смертей...

Марш больше не смотрела ему в глаза. Она смотрела на зеленую шкалу общественных симпатий под портретом Даффи.

— ... однажды Даффи подошел ко мне и сказал: «Знаете, мистер Гершелл, а я ведь играю на гитаре и мечтал собрать конвент...»

«Только не говорите, что кто-то из вас пробовал играть на гитаре — это даже для вас слишком», — резанули память собственные насмешливые слова, брошенные в «Тихушке».

Гершелл все знал. Трусливый гаденыш Даффи выложил ему все, хотя ему было нечего бояться.

Нечего? Марш представила, как мальчишка мечется, не зная, что делать. Опубликует она манифесты, подставит их или нет? Доверилась бы Марш самой себе, понадеявшись, что у нее хватит совести не выставлять доверившихся ей людей убийцами?

Нет, не доверилась бы. Марш все сделала, чтобы люди ей не доверяли.

— ... к сожалению, он не может присутствовать... только аватар... но в студии есть его лечащий врач, госпожа Товин...

А шкала под портретом все ползла и ползла, медленно и неумолимо.

— Пломбы... он снял пломбы? Разморозил ваши рейтинги? — спросила Марш, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно тверже.

Мальчик боится смерти, и не зря боится. Мальчик ей доверился, а она его подвела, но даже сейчас он пришел искать защиты именно сюда. Ей хотелось его прогнать, но она не смогла.

Освальд кивнул, и капля пота с кончика его носа упала ему на грудь.

— Когда следующий эфир? Где Иви?

— Не знаю... Иви осталась... я сбежал...

— Сбежал?

— Да, Гершелл двери запер, но там же не тюрьма, не весь персонал привык... а Иви побоялась... осталась там... не смог ее уговорить...

— Можешь ей позвонить?

— Связи... в «Саду» больше нет связи...

— У тебя тоже рейтинг крутится в обратную сторону? — спросила она.

Освальд снова молча кивнул.

Марш медленно села рядом с ним на пол и снова взяла Освальда за руку. Внимательно посмотрела на рейтинг, разжала пальцы и закрыла глаза.

Мальчишка умрет, как только Гершелл начнет эфир про него. А есть ли у Гершелла доступ к ее профилю?

Наверняка есть. Если Даффи все разболтал, даже какими словами она их убеждала помогать, значит, Рихард просто пробует силы. Заодно убирает свидетелей и людей, которые могли помешать его вожаденному переезду.

«Она с Рихардом дружит... думаешь, поссорились? Из-за камер?» — спросил ее голос Бесси.

— Они спали? — глухо спросила Марш.

— Кто? — Освальд, казалось, впервые ее услышал.

— Гершелл с девчонкой, которая умерла.

— Нет... она хотела в «Саду» остаться. Она в последнюю ночь... в последнюю, да, торчала у Гершелла в кабинете, но она сказала, что они просто пили чай...

— Ты поверил?

Освальд кивнул.

— Ну, значит, так и было, — равнодушно сказала Марш.

— Я пытался ее спасти, — просипел Освальд. — Правда, я бежал к башне... вот, видишь ожог...

Марш растерянно кивнула. Ей было плевать.

Действительно дружили. Надо же. У Гершелла были друзья. У Гершелла, которого она не захотела убивать ценой жизней троих выпускников «Сада». А Рихард, значит, захотел. Значит, он снова жертвует чужими жизнями.

Как жизнью Леопольда.

Марш открыла живой глаз. Закрывает и открывает снова. Ах, какая злая мысль! Какая злая идея, не на десяток — на сотню золотых ос!

И лекарства. Сколько Леопольду нужно лекарств и сколько они могут стоить? Марш не придумала, где ей взять достаточно рейтинга, чтобы помочь в такой беде. Даже ее второго глаза будет недостаточно.

Но что если Рихард дал ей шанс?

Плохой человек. Я, я плохой человек.

Бесси. От этого имени потянулась тонкая ниточка, завязалась в узелок, а может, в петельку. Нужно посмотреть на эту ниточку пристальнее чуть позже. Бесси-Бесси, хорошая девочка Бесси, а что если она спасет их с Освальдом?

В конце концов, Марш-то точно знала, кто здесь плохой человек.

А если Бесси тоже нужно спасать? Рихард знает, кто принес взрывчатку и кто носил записки. У него хватит совести не мстить еще и ей?

Марш не верила ему. Так же как он не верил ей.

Хорошая мысль. Хороший план.

Нет уж, пусть эта мысль свяжется в узор. Петелька-Леопольд, петелька-Гершелл, петелька-Бесси свяжутся в одну петельку.

— Ты пробовал отправлять заявки в службу поддержки? — спросила она, цепляясь за другую спасительную мысль.

— Да. С репортами. У заявки низкий приоритет, у меня цифр не хватает...

Ну конечно. В любой подобной ситуации человек просто отсиделся бы дома, потому что для других людей не снимают эфиры, поднимающие рейтинг.

Марш представила экран, и на нем свое лицо. Ласковый голос Гершелла, который будет

говорить и говорить о ней столько хороших, добрых слов. И люди будут смотреть эфир, люди проникнутся тем, какая она замечательная. И кто-то не пожалеет пару токенов на награду, на несколько баллов общественных симпатий. А потом еще кто-то, и еще.

И каждая награда будет откусывать маленький кусочек ее рейтинга, которого осталось совсем немного.

Не хватит на один эфир и короткую народную любовь.

— А если карабинерам?..

— А что ты им скажешь? Меня хотят убить эфиром? Они через пару месяцев может увидят твою заявку, — печально сказал Освальд и потер нос. — А даже если увидят. Гершелл сделает свое вот это лицо и скажет, что это сбой и ужасная трагедия.

Марш зябко повела плечами. Да, он был прав.

— Нам нужно срочно нагнать себе рейтинг, — пробормотала она. — Очень много рейтинга, чтобы если выйдут эфиры... не умереть... Получим рейтинг, купим билеты в Эльмар, а оттуда как-нибудь доберемся до Дабрина...

— Ты что... — ошеломленно прошептал Освальд. — Это же... нельзя так...

— Можно. Нам теперь все можно. Гершелл разрешил, — подмигнула ему Марш.

— А если нас найдут?!

— Людей с высоким рейтингом не ищут, — жестко усмехнулась она. — Если все получится — нас и искать не за что будет. А Гершелл... либо поймет, что ничего не вышло и молча свалит в свой Средний Эддаберг, либо пусть идет жаловаться карабинерам, а мы над ним посмеемся. Гершелл, кстати, не любит когда смеются, мне даже по морде съездил. А ты не знал? Я тебе сейчас расскажу, как дело было...

Она говорила, говорила и методично складывала вещи в гляцевый рюкзак. Он мало годился для путешествий, но другого не было. На дно она не глядя уложила несколько рубашек, а сверху главное, без чего она не могла уехать — запас эфоринов и набор для перегонки. Поймала взгляд Освальда. Усмехнулась и не стала ничего объяснять, только уложила сверху свитер, чтобы хрупкий пластик не треснул.

Пусть мальчишка думает, что она барыжит, если ему так больше нравится.

... пять контейнеров синтетического морфина на одной манжете и легальные эфорины на другой. Потому что ему больно и он боится смерти.

А она боится смерти?

Марш встала, взяла с полки фарфоровый панцирь — почему-то ледяной — и прижалась к нему щекой.

Боится?

Теперь, когда она может умереть в любой момент, может она ответить?

Она боялась. Очень боялась и совсем не хотела умирать так, как решил Гершелл. Может, она бы выпила мизерикорд — сама. Потому что устала и потому что все было зря, но не потому что этот старый ублюдок решил отомстить ей за случайное убийство и обезопасить себя от ее мести за совсем неслучайное предательство.

Марш поморщилась, и фарфоровый панцирь впитал еще одну злую мысль. Последнюю — черепашку она не стала укладывать в рюкзак, вернула на полку.

Как будто она оправдывается. Конечно, она-то случайно убила — убила, убила, убила! — девчонку, а Гершелл, вот кто настоящий подлец, выставил коллегу, который сам подставился под штраф.

Ах да. Гершелл теперь тоже убийца.

Интересно, его мучает совесть?

— Марш... — беспомощно позвал ее Освальд. — Мы умрем, правда?..

— Не умрем. Когда-нибудь, конечно, умрем, но сейчас не умрем, — слабо улыбнулась она.

Снова вспомнила Бесси. Все петельки сложились в узор, повисли на шее — Марш знала что делать. На этот раз точно знала, как правильно.

Она сможет помочь Леопольду. Это так здорово.

Освальд сидел, трясся и постоянно тянулся к носу. Марш хотелось ударить его по руке. Накричать. Ей даже хотелось выставить его за дверь и лечь обратно в ожидании собственного эфира.

Миллионы жадных глаз все-таки убьют ее — может, так и надо. Марш никогда не любила выходить в сеть и посещать популярные конвенты. Наверное, чувствовала, что ее сожрут.

Нельзя. Она ведь сможет помочь Леопольду, ах, как это здорово.

Бесси. Бесси все поймет, Бесси — хорошая, хочет всех спасти, а еще она умела делать странные вещи.

Марш села рядом с Освальдом и порывисто обняла его, не обращая внимания на мокрую рубашку.

— Все будет хорошо, — неловко пообещала она.

Освальд перестал трястись и обнял ее в ответ — неожиданно крепко, словно это он ее утешал.

И славно, она нуждалась в утешении.

Они сидели на полу, обнявшись и уткнувшись друг другу в плечи. Чтобы только никуда не идти. Чтобы петельки не начали затягиваться.

...

Рихард сидел у себя в кабинете, напротив отражающего экрана, и ему было тошно.

Полчаса назад у ворот остановился синий аэрокэб с багровым синяком эмблемы на дверях. Эти люди никогда не задавали вопросов и не снимали данных с браслетов — они просто забирали тела. Рихард знал, как это работает. Кому нужно раздувать скандал из-за мальчишки, которому едва хватало рейтинга, на то чтобы дышать? Кому нужен мальчишка, которому внезапно перестало хватать рейтинга?

Рихард проводил молчаливых людей в серых комбинезонах — троих мужчин и женщину — до аэрокэба. Их и тело в плотном черном мешке.

Все сработало. Сработало, как он хотел, но почему-то от этого не было легче. Рихард сидел, уставившись в отражающий экран, и больше не думал о Даффи.

Он думал о себе.

Думал о мире, каким он был тридцать лет назад.

Это был какой-то другой мир, в котором не было насилия. Рихард получил прекрасное образование по расширенной программе. Никто не прятал от людей ужасов прошлого, и Рихард помнил, как в семнадцать, на втором курсе колледжа, он смотрел фильм о войне. Это было забавно, взрывы, грохот — неуклюжие предшественники красочных экшен-сцен из современных фильмов. А потом оператор зачем-то полез в котлован, заполненный грязью, над которой мутнела водяная пленка. Рихард смотрел на трупы в этом котловане и до сих пор отчетливо помнил каждую свою мысль в тот момент.

Это уродливо. Это несправедливо. Это абсурдно, «Аве Аби, в меня целятся из ружья» и

почему эти люди молчали?

Может быть, они не успели?

Тогда Рихард решил, что браслет с виртуальным помощником — это такой наручник, которым люди пристегнули свои гнусные порывы. Там, за военной хроникой, шла еще криминальная, еще абсурднее и уродливее — Рихард понимал, как заставить людей маршировать строем и делать странные вещи, он именно этому и учился.

Но зачем люди шли на преступления — он не мог понять.

Расчлененный детский труп несколько суток простоял на жаре в большом молочном бидоне. Мужчина с девятью ножевыми ранениями всю ночь пролежал в переулке рядом со своим пустым кошельком. Девчонка с удивленным лицом, такая, вроде Бесси, размазывает по удивленному лицу слезы и говорит, что никто не пришел ей на помощь, хотя она кричала. «Ну вы же знаете, никогда никто ничего не слышит...» — говорила она, и каждая «н» была в сознание, как камень.

Рихард тогда думал, что Аби всегда слышит. Что Аби не бывает страшно, у него нет семьи и дома, который можно поджечь. И как хорошо, что люди, может и не вылечившись, теперь вынуждены считаться с беспристрастным свидетелем.

А если не хотят считаться, если хотят обмануть систему — туда им и дорога, к красным искоркам на воротниках, черным мешкам и аэрокэбам с багровыми траурными эмблемами. Общество таких отвергало. О таких полагалось забывать сразу, как погаснет алая лампочка. И не копать в их мотивах и историях. Виртуальные кладбища наполнились удаленными профилями, в которых даже не оставалось фотографий.

И Рихард был счастлив, что живет в таком прекрасном мире. А потом работа, работа, вынужденное погружение в истории тех, кому следовало отвесить подзатыльник и отпустить к семье и тех, кому стоило обнулить рейтинг и труп сжечь на месте, чтобы порядочные люди об него не марались. Когда наступил момент, в который Рихард перестал ощущать мир прекрасным?

Наверное, давно. Он не мог вспомнить.

Но что-то еще жило под профессиональным цинизмом, молодое и злое. Остатки веры в мир, где Аби приводит преступников в «Сад», исправительные камеры карабинеров или черные пластиковые мешки.

А потом появляется эта безумная дрянь, Марш Арто. Которая может обмануть Аби, использовать Бесси, убедить благополучных в общем-то, просто запутавшихся ребят ввязаться в авантюру со взрывами.

И Аби не сможет отправить ее ни в исправительную камеру, ни в черный мешок. Не существовало статей репортов для таких сложных цепочек с записками и взрывами заброшек, не существовало юридического обоснования половины ее преступлений.

Аби нужно было четко объяснить, кто пострадал и почему. Кто пострадал? Бесси? Да она даже не поняла, что принесла в «Сад». Вот если бы она отправила репорт на Марш — не ведь она не станет. Конечно же не станет.

Анни пострадала? Но тогда нужно объявить всем, что она была в башне. Рассказать о фатальной халатности персонала «Сада», и своей тоже.

Конечно, Рихарда не арестуют и даже не оштрафуют. Он не препятствовал следствию, не покрывал Марш и действительно не знал, зачем приходила Бесси. Но люди с удовольствием выразят свое неодобрение репортами и снизят его рейтинг, и может быть этого будет достаточно, чтобы он не смог переехать. А люди обязательно узнают.

И эти надписи на стенах — если бы Анни зарезали во сне, карабинеры может и не стали бы браться за дело без высокого приоритета. Но из взрывов, надписей и образа девочки с нарисованными веснушками, который Рихард сам и создал, легко было развернуть совсем другую историю.

Он все сделал правильно.

Лицо в отражающем экране было нездорового желтого оттенка. Рихард больше не видел лицо с плакатов, только полного желчи старика, который не побрезговал огрызнуться на сопляка. Так огрызнулся, что перешиб ему хребет.

А все потому что на таких, как Марш Арто нет управы. Она находит малейшие изъяны в системе и пользуется каждым мимолетным шансом все извратить и испортить. Десятки пациентов ходили на терапию именно в гостиную, стояли у проклятого витража, и ни один даже пальцем его не тронул. Только Марш разбила окно и умудрилась покалечиться.

Он тогда пожалел ее — и что теперь?

Теперь умерла Анни, которая хотела остаться в «Саду» и жаловалась Рихарду, что ей страшно. Умерла не потому что так решил Аби, не заболела и не сорвалась с причальной платформы аэробуса. Умерла, потому что ее убила Марш Арто, которую он когда-то пожалел.

Желтолицый старик в отражении понимающе улыбался Рихарду — да, ты все делаешь правильно. Ты представитель системы, хорошей и совершенной системы, ты получил ее одобрение и полномочия.

Ты можешь исправлять ее ошибки.

И вовсе ты не убийца, приятель, ну что ты. Аби ведь не убийца. Он не может быть убийцей, а ты... ты сейчас как он.

Ну улыбнись же, приятель. Ты ведь не хочешь еще раз пожалеть Марш Арто? И тех, кто ей помогал, их ведь никто не заставлял, они даже безумны не были?

Улыбнись, от тебя ведь никто не требует убивать Бесси, которая тебе так понравилась. Эта девочка правда ни в чем не виновата, а та, одноглазая, злая и сумасшедшая виновата еще как, ну что же ты?

Рихарду померещилась угроза в собственном взгляде. Угроза и нарастающее под ней презрение.

Но он так и не улыбнулся.

...

Марш сидела за столом, на котором больше не было экранов. Перед ней были разложены исписанные листы.

Одно письмо — плохо скрываемое сожаление и пожелание счастья. Доброе письмо, слова цеплялись за бумагу непривычно мягко, а буквы выходили округлыми и словно пристыженными своим горьким смыслом. Марш даже не догадывалась, что у нее хватит светлых слов на целое письмо.

Второе — прикрытая официальными формулировками ненависть. Это письмо тоже писалось легко, потому что Марш привыкла быть злой, а то, что ей пришлось унижаться — ну что же теперь, не в первый раз. Можно и так, так-так-так.

Желтоватая бумага из записной книжки — Марш почему-то была рада, что настоящая вещь получила под конец своей жизни еще немного историй. Наверняка потом истрепанную обложку с огрызками листов выбросят. Вместе с остальными ее вещами.

— Освальд? — не выдержала она. Мальчишка сидел одетый, в туго зашнурованных

ботинках, и мрачно тер нос.

— А?

— Если я... если я все-таки умру — забери мои вещи, хорошо? Те, что на полке. Все остальное барахло пусть жгут.

— Ты же обещала, что мы сейчас не умрем, — пробормотал он, неловко дергая манжеты белой рубашки. Марш нашла мужскую рубашку, кажется, забытую кем-то из любовников. Это было так давно, что она не смогла бы вспомнить ни лица, ни имени мужчины, который ее носил.

— Мы — это такое хорошее слово, Освальд, — фыркнула она. — Как его ни повернешь — со всех сторон хорошее. Мы не умрем, а я умру. Или ты умрешь. Или мы оба останемся живы. А если умрет один из нас, а через десять или пятьдесят лет умрет второй — то это уже не будет «мы» умерли, ну видишь, как здорово?

— Ты умеешь находить правильные слова, — слабо улыбнулся Освальд.

— Рядом со словом «умрем» только одно слово неправильное, — усмехнулась Марш, заворачивая в белый платок серебристый нож с витой рукояткой. — Сейчас мы будем делать то, что делали раньше, и... прошу тебя — не запори мне... акцию.

— А как мы делали раньше?..

— Я буду злой, а ты стой рядом и делай вид, что все понимаешь. И... Освальд...

— Что?

— Верь мне, хорошо? Если ты мне не поверишь — мы, пожалуй, все-таки умрем.

...

Бесси было беспокойно. Как тогда, ночью, когда пришлось идти на балкон — душно и тоскливо. Словно должно случиться что-то плохое. Аби предложил ей эйфорины, но она не захотела пить. От них болела голова.

— Слово дня — реприманд, — неожиданно сообщил он. — Устаревшее название репорта или случайность, неожиданный поворот.

— Почему? — нахмурилась Бесси. — Дурацкое слово, и репорт, и неожиданность.

Аби немного пошуршал бумагой в поисках ответа на риторический вопрос, а потом совсем по-человечески вздохнул.

В этот момент зачирикали датчики над дверью. Бесси вздохнула с Аби в унисон — наверное тем, кто пришел, не хочется видеть ее расстроенной, они зачем-то другим пришли, но она никак не могла заставить себя повеселеть.

На пороге стояла Марш, а за ее спиной ссутулился рыжий Освальд, почему-то с ужасно виноватым видом. Сначала Бесси заметила, объемный черный сверток, который Марш прижимала к груди одной рукой. Потом — что лицо у Марш снова совсем бледное и несчастное, совсем как когда Бесси сказала ей, что Рихард поссорился с Анни из-за камер.

— Бесси... Бесси, помоги мне, — выдохнула она, и все собственные проблемы тут же показались Бесси чепухой.

Ну конечно она поможет, у Марш и рыжего мальчика по имени Освальд точно случилось что-то очень плохое, такое, чего Бесси и боялась. Только, выходит, это не ее плохое было, а их.

Она молча кивнула, и только потом заметила, что во второй руке Марш сжимает короткое серебристое лезвие.

...

Рихард нашел в себе силы пересмотреть эфир, подготовленный для Анни. Все

фотографии и имена были заменены, и в каждом кадре на него смотрели внимательные серые глаза Марш Арто. Он выдержал каждый взгляд — она сама так решила.

Хороший получился эфир. Профиль Марш к нему привязан, на шкале рейтинга — голодная серая пустота. Если хотя бы сто тысяч человек, жалкие сто тысяч зрителей, стосковавшихся по скандалам, сядут смотреть, и если хотя бы половина отправит Марш по паре баллов общественных симпатий — она уже никогда не будет взрывать башен.

Рихард прикрыл глаза.

И все-таки ему было тошно. Он не мог отменить изменения — для этого нужен был второй ключ, который остался у Ренцо. Но Рихард мог просто не выпускать эфиры. Съездить за город еще раз и все отменить.

Не для Марш, конечно. Кто знает, что она еще придумает и кто еще пострадает.

Если бы Даффи до сих пор числился его выпускником — обнуление его рейтинга грозило бы серьезными проблемами. Но ни Даффи, ни Марш не имели отметки выпускников центра. А Освальд и Иви пока имели.

Рихард не хотел их убивать. В мальчишке может выиграть чувство справедливости, у него в карточке до сих пор стояла отметка «импульсивен и склонен к необдуманным решениям». И рядом — «психика пластична, легко поддается влиянию». Он даже сбежать умудрился, это было плохо, но не критично — Рихард видел записи из палаты, скорее всего забился в какую-нибудь щель и там трясется. И не поддается ничьему влиянию.

А Иви даже не знает, что Даффи умер, а уже рыдает так, как будто все поняла. На кой хрен она-то в это полезла?

Рихард вывел на экран трансляцию с камеры из ее палаты. Она до сих пор рыдала, до чего выносливая девица!

Он поморщился и переключил изображение на настройки ее профиля.

Хрен с ней, еще эфир из-за нее переделывать. Порыдает до завтра и в следующий раз будет думать, в каких акциях участвовать.

А мальчишка... мальчишке, в общем-то, тоже незачем умирать. Рихард скоро уедет, а все его прошлое останется.

К тому же Освальд все-таки побежал к башне. Точно ведь боялся, но все равно побежал, вот и склонность к импульсивным решениям....

Рихард открыл его профиль и задумчиво уставился на жмущиеся в углу цифры его рейтинга. Совсем немного, тут и рейтинга-то не на эфир, а на обзорную статью.

Зеленое 2571, 58 вдруг мигнуло, а потом бодро зазеленело: 2580, 2600, 2650, 3000, 3012, 3050...

— Что за... — прошептал он. — Аве Аби! Найди мне Освальда Ирша!

— Выполняю запрос... — монотонно защелкала машинка.

3567. 3800.

— Живо!

— Выполняю запрос...

4000. 4078.

— Нет-нет-нет, парень, ты что творишь... что ты...

Освальд не мог пойти на преступление. Он в центр-то попал за пьяную драку, во всех отчетах его врачей говорилось, что у него минимальный индекс социальной опасности.

А если все-таки поддается?

— Запрос выполнен, — бодро доложил Аби и зажег на карте Третьего квартала зеленую

точку.

Третий квартал. Этаж... крыло...

— Доступ к камерам, — хрипло скомандовал Рихард, на ходу надевая пальто. — И аэрокэб к главному входу!

На белом коверкоте темнела еле заметная полоска грязи. Точно, пальто упало, и Анни...

Аби вывел на экран целую плитку изображений. Пустые коридоры, коридоры, в которых чуть больше людей, люди бледны и чем-то напуганы, и все что-то снимают.

— Камера у балкона, — скомандовал он, проследив взглядом, где людей становится больше.

Он проскользил взглядом по растерянным лицам и встревоженно поднятым рукам — люди слали репорты.

Рихард успел заметить Марш Арто, лицо которой наконец-то стало по-настоящему безумным. Она пятилась к балкону, прикрываясь Бесси, к горлу которой был приставлен короткий, отчетливо блестящий нож.

Бесси прижимала к животу объемный черный сверток и растерянно оглядывала собравшихся перед ней людей.

Освальда Рихард заметил последним — он открыл дверь на балкон и что-то кричал Марш, махая рукой.

Они скрылись на балконе и захлопнули двери. Люди остались стоять, переглядываясь и переводя взгляды с дверей на браслеты.

«Ах ты сука, — с горечью думал Рихард. — Сумасшедшая, злобная сука. Если бы только Леопольд знал, ради кого он...»

— Срочная поездка, высокий приоритет! — рывкнул он в датчик, усаживаясь в кэб.

В наушнике звякнули списавшиеся токены. Рихарду было плевать. Он думал. Ему нужно было понять, куда ехать, а для этого нужно думать как Марш Арто. Как убийца и социопат.

Это оказалось неожиданно легко.

Вряд ли Марш вытасила Бесси и Освальда на балкон для того, чтобы втроем оттуда прыгнуть. Не до того Освальд поддавался влиянию, да и угрожать девочке тогда не имело смысла. Она хочет сбежать.

Сбежать можно только за город, или, с высоким рейтингом — в соседний город. Она не станет вызывать аэрокэб, чтобы ее сложнее было отследить, нет, она поедет на аэробусе, к тому же на платформе много зрителей и можно будет повторить выходку.

Повторить выходку — или убить Бесси. Что-то холодное поползло по левой руке вверх, от кончиков пальцев и к локтю.

Идиот. Какой же идиот.

Но она не должна была ничего узнать! С какой стати гаденыш вообще к ней поперся, Даффи ведь сказал, что они ей больше не доверяли?!

— К Платформе Третьего квартала! — в отчаянии крикнул он динамику. Впервые пожалел, что давно нет живых водителей — с человеком можно договориться. Пусть нарушит правила, пусть гонит вне линий, создаст аварийную ситуацию, но успеет, успеет на проклятую платформу, прежде чем Марш Арто — какая же ты дрянь! — воспользуется шансом, который он дал.

Убийство. Сколько рейтинга можно получить за убийство славной девчонки с нездешним взглядом?

Почему он думал, что Марш на это не пойдет?

Холод полз неумолимо, подбирался к сердцу, и Аби что-то встревоженно бубнил про аптеку и вызов скорой, но Рихард не слышал. В ушах стучала кровь, а мир медленно сжимался в точку — красную точку на карте, где остановится аэрокэб.

Оказывается, еще две минуты назад он верил в Марш Арто. И в то, что она ничего не узнает.

...

Марш курила, привалившись к тонким балконным перилам и мечтала упасть.

— Не поранила? — глухо спросила она.

Смотреть на Бесси не хотелось. Пусть они обо всем договорились, но она никак не могла себя заставить.

— Нет-нет...

— Ты бы еще дальше нож держала, — фыркнул Освальд. — Чтобы на него в толпе кто-нибудь напоролся.

— Все поверили, — усмехнулась Марш. — Правда здорово когда тебя никто не любит? Я, может, всю жизнь работала на этот момент.

— Неправда, неправда, — неожиданно сказала Бесси. — Не бывает, чтобы никто не любил. Я люблю.

— Ты всех любишь, — отмахнулась Марш. — Кстати, Бесси, как ты думаешь, хорошо ли тыкать в людей ножами?

— Ты не тыкала, — осторожно сказала Бесси.

Марш раздраженно ударила ладонью по перилам. Девчонка для дурочки была удивительно тактична. А в Марш некстати проснулся педагог.

— Тыкала, — безжалостно сказала она. — И никто не знал, что я тебя не прирежу.

— Я знала...

— Бесси... — закатила глаза Марш. — Аве Аби! Покажи статистику за последние десять минут. Видишь зеленые циферки? Понимаешь, что это значит?

— Нет, — честно ответила Бесси, касаясь кончиками пальцев виртуального экрана. Экран и зеленые цифры рейтинга пошли искрящейся рябью.

— Это значит, что не все, у кого мало циферок — плохие, а у кого много — хорошие. Бесси, ау, на меня смотри, ладно? Я сделала плохое дело и получила надбавку. А еще я себе глаз... так, ладно. В общем, ты хорошая, Бесси, и пореже смотри на циферки. А вот и кэб, — с облегчением заметила Марш.

Она была недовольна импровизированной речью, а у Бесси было совершенно ошеломленное лицо, но думать об этом стало некогда, да и педагог в Марш быстро выдохся.

— Я думал, нас остановят, — признался Освальд, открывая перед ними дверцу. — Мы же прямо через толпу шли, там мужчины были... некоторые такие... ну... — он неопределенно взмахнул руками.

— Да? — равнодушно сказала Марш, помогая Бесси перелезть через перила. — А я не думала.

...

Рихард Леопольда не узнал. Даже подумал, что он переехал к старшему брату в Нижний Остхайм, а потом вспомнил, что Леопольд больше мог выезжать из Младшего Эддаберга. Впрочем, сейчас это не имело никакого значения.

Справа нехорошо колело, а еще казалось, что сердце вдруг распухло, заполнило всю

грудную клетку и давит на легкие, не давая сделать вдох.

Но это было неважно.

Леопольд не удивился его звонку. Он выслушал его очень внимательно, с взбесившей Рихарда профессиональной снисходительной сосредоточенностью. Будто он бредит. Будто он впавший в истерику пациент.

— Почему Марш напала на девочку? — спокойно спросил Леопольд.

— Какая разница?!

— Рихард, вы задаете странные вопросы, — мягко укорил он. — Это главный вопрос, от которого мы и будем работать.

— У нас сбежал пациент, — процедил он. — Он ее друг, мог внушить странные мысли...

— Сбежал? Рихард, вы мне лжете. Когда это из «Сада» начали *сбегать* пациенты?

«Да вы оба друг друга стоите, — с ненавистью подумал Рихард. — Нет чтобы позвонить своей бешеной дуре...»

— Вы же знаете какие проблемы у этой женщины! Откуда я знаю, что ей взбрело... позвоните! Приезжайте на платформу! Она сейчас человека убьет, ребенка, как вы...

— Марш никого не убьет, — твердо сказал Леопольд. — Я прекрасно знаю, какие у нее проблемы. Она может убить только себя. Но судя по акции с девочкой — делать этого она не собирается. Рихард, как вы себя чувствуете? Мне не нравится ваша испарина...

— Позвоните ей, — процедил Рихард. — Я вызову вам аэроэкз, приезжайте на платформу... Девочка не виновата, что вы остались упертым бараном и верите в эту...

— Рихард, — тихо сказал он. — Я не могу никуда приехать. Я не могу встать с постели, и это не имеет смысла. Марш не принимает вызовы, я звонил ей трижды, пока мы говорим. И не читает сообщения. Почему бы вам ей не позвонить?

— Мне?!

— Похоже, что она хочет привлечь внимание, и скорее всего ваше... — мягко начал Леопольд.

Своим этим добрым докторским голосом.

Рихард только скрипнул зубами. Он не мог сказать, что Марш уже убила человека. Не мог сказать, зачем она волочет Бесси на платформу. Но Леопольд был прав, чтоб его, унижительно прав — чтобы оценить ситуацию, ему нужно знать все. Иначе он не поверит.

— Позвоните еще, — упавшим голосом сказал он.

— Рихард? Рихард, вы в аэроэкзе, верно? — торопливо начал Леопольд, заметив, что он потянулся сбросить вызов. — Там аптечка, в пятом отсеке под сидением, у вас рейтинга хватит открыть. Но обратитесь к врачу как можно...

Рихард нажал отбой и устало вздохнул. Все-то они знали, эти мудрые доктора.

Только верили во всякую чушь.

...

Марш непривычно, невыносимо хотелось жить. Ей казалось, люди в аэробусе смотрят на нее голодными, насмешливыми глазами Рихарда Гершелла. Она жадно хватала ртом теплый воздух, под рукавом было горячо и мокро — кажется, манжета расцарапала ей руку — а Марш никак не могла успокоиться.

«Не хочу, — беспомощно думала она. — Не хочу так... чтобы Гершелл меня убил... ну пожалуйста, пусть как угодно, по-другому, а лучше — вообще никак, мне еще надо Леопольду купить лекарства...»

Хватит ли ей рейтинга, чтобы пережить эфир? Должно хватить. Репорты были рассчитаны на то, чтобы быстро и наверняка обезвреживать тех, кто взялся махать ножом и угрожать детям. Рейтинг на браслете был непривычно высоким, тошнотворно высоким — втрое больше, чем она получила за эфир. Но хватит ли этого?

«Пожалуйста...»

Она не знала, кого просит о помощи. Марш даже не до конца понимала, что означала Рихардова исповедальня. Скорее она просила Аби.

Аби, который никогда ей не помогал. Вот бы на его место кого-нибудь поумнее.

Освальда она заставила выпить порцию эйфоринов, и теперь он дремал справа, стиснув горячими мокрыми пальцами ее ладонь. Бесси подняла подлокотник, бесцеремонно обняла ее, уткнувшись носом в узел шарфа, а у Марш не было сил выпутаться из этих утешающих прикосновений.

Она оглядела салон — словно искала, у кого же попросить помощи. Встретилась взглядом с женщиной, которая сидела напротив — зеленоглазой блондинкой в старомодном черном велюре.

— Иди к нам, лапушка, — подмигнула женщина, похлопав по пустому сидению между ней и черноволосым мужчиной в зеленом шейном платке. — А то они тебя задушат.

— Помолчи, — поморщился бледный беловолосый парень у окна. — Мы еще не приехали. Мы же договаривались.

— Да ты посмотри, как они на ней виснут! Мою бедняжку удави-и-или, — хихикнула блондинка.

— Вы, мисс, правда не чувствуете меры, — холодно отметил брюнет. Повернулся к Марш, и ей показалось, что он смотрит на нее с жалостью.

Еще не хватало.

— Репорт, — оскалилась она. — За травмирующее вторжение в личное пространство.

— Злая! — обрадовалась блондинка. — Она злая!

— Да заткнешься ты или нет?! — парень у окна даже не обернулся, только страдальчески закатил глаза.

«Фрики какие-то, — раздраженно подумала Марш. — Весь мир с ума сошел».

— Репорт за несоответствие личным эстетическим установкам и неуместное акцентирование на деталях, вызывающих травмирующую ностальгию, — мстительно добавила она, глядя на завязанный бантом высокий ворот блондинки.

Лицо у нее стало такое, будто Марш ей за ворот плюнула. Ее сосед одобрительно ухмыльнулся, но для него Марш репорта не придумала — он к ней не обращался и одет был прилично.

Глупый разговор разбудил привычную злость, и Марш была ей рада, как никогда раньше. Истерика отступила, упадническая тоска растворилась, и наконец-то вернулась ясность рассудка. Марш бы предпочла благодарить манжету, а не странных соседей. Но автобус наполнился протяжным гулом и начал тормозить. Она пихнула Освальда локтем в бок, отцепила от себя Бесси и с неудовольствием заметила, что дышать действительно стало легче.

...

... Как это рейтинг ничего не значит? А что тогда значит?

Бесси никогда не могла ответить себе, почему это она плохая. Знала и все. Знала, что у нее есть нос, две руки и что ей нравится шоколад. А Марш будто сказала, что нет у нее

никакого носа, и шоколада никогда не существовало.

Бесси было трудно смотреть по сторонам. Она пыталась отвлечься, рассматривая людей, но на этот раз ей некстати, совсем-совсем некстати удалось сосредоточиться на одной мысли, а все посторонние звуки и образы только раздражали.

В конце концов она уткнулась носом Марш в кардиган — он был мягкий и приятно пах дымом — и закрыла глаза. Думала, Марш ее прогонит, но она почему-то не стала, и это было славно, иначе пришлось бы всю дорогу просидеть зажмурившись.

Бесси даже не нашла сил сказать странной женщине с соседнего сидения, что Марш вовсе не злая. Надо было, конечно, Марш ругаться пришлось — ну и пусть, она как поругается сразу веселее становится, а то была совсем несчастная.

Нехорошо, конечно, что она жаловалась, но Бесси уже не могла понять, что хорошо, а что не очень. И когда Марш потянула ее к выходу, Бесси поняла, что все лица, все сидения и окна сливаются в размазанные цветные полосы и не имеют никакого смысла.

А что имеет? Бесси все-таки была не совсем глупая, она понимала, что Марш хоть и не поступала плохо, когда ей угрожала, но другие-то этого не знали. И конечно она не хотела, чтобы Марш оштрафовали!

Но почему ей начислили рейтинг? Все подумали, что она поступила плохо, а рейтинг ей начислили? И Марш ей специально показала сводку, чтобы Бесси поняла, что она хорошая. Но если принять, что она плохая Бесси было просто, то это как-то совсем не помещалось в голове. Странно было и неправильно. Аби не мог поступать неправильно, проще было поверить, что у нее никогда не было носа!

Бесси плелась за Марш, сжимая черный сверток, который ей дали, хмурилась и смотрела под ноги. На истертый ковролин в проходе аэробуса, на серый бетон платформы.

А потом Марш дернула ее за руку и сделала шаг вперед, закрывая ее собой. И Бесси уже не смогла смотреть под ноги.

...

Рихард с трудом заставил себя спокойно стоять на верхнем ярусе платформы, а не метаться в поисках Марш и Освальда. Аби говорил, что они еще не прибыли.

Левая рука все еще была холоднее правой, но резь в груди присмирела и затаилась. Аптечка действительно нашлась под сидением, и Аби подсказал, какой стимулятор нужно вколоть. Рихарда это раздражало — он не хотел принимать помощь от Леопольда. Нет, он не хотел узнавать, что Леопольд готов ему помочь. В этом чувствовался затхлый привкус старых ошибок, а Рихард совсем не хотел его ощущать.

Аэробус наконец показался вдалеке, и Рихард стал медленно спускаться. Он не знал, что собирается делать. Как помешать этой психопатке, если она действительно собирается убивать? Он отчаялся настолько, что попытался отправить заявление карабинерам, но вежливая девушка в приемной отказалась его принимать. Никакого преступления не было, никто никому не угрожал и заявлений от жертв не поступало, на платформе есть своя охрана.

Когда Рихард показал запись из коридора, девушка удивленно изогнула тонкие черные бровки. «Господин Гершелл, если бы это было преступление при таком количестве свидетелей — эта мисс в красном... Марш Арто, спасибо, Аби... уже была бы мертва. Это наверняка развлекательный эфир, — ласково сказала она. — Но вы можете оставить заявку для проверки этого инцидента, она будет рассмотрена в порядке общей очереди... и должна

предупредить, что у нее будет низкий приоритет — постановочные эфиры не наша специализация...»

Ну конечно. Ни врачи, ни карабинеры ему не верили, а Рихард не мог сказать, что «мисс в красном» плевать хотела на репорты.

А точнее, мисс в красном очень хочет репортов.

Как быстро заметят этот сбой? Заметят ли его вообще? Что она теперь может натворить?

«Она не станет никого убивать».

Старый дурак. Хорошо, что его отстранили, что за мир, где психиатры попустительствуют психопатам!

Он заметил Марш и Освальда в последний момент — они почти добрались до другого края платформы. Марш тянула Бесси за рукав и часто оглядывалась. Она тоже его искала.

Но заметила его не Марш — заметил Освальд. Рихард видел, как перекосилось его лицо, и как он трясет Марш за плечо. Бесси плелась за ними, бледная и совершенно потерянная. Запугали? Заставили пить эйфорины?

Марш обернулась к нему, и ее живой глаз под красной линзой казался огоньком Аби на воротнике. Рихард поднял руки, надеясь, что она не станет делать глупостей. Они стояли слишком далеко и не слышали бы друг друга.

Если она вздумает прикрываться Бесси — он не сможет ей помешать. Лицо у Марш все еще было безумным. Теперь никто не поверил бы в ее «Я знаю».

Рихард шел медленно, не сводя с нее взгляда, а вокруг толпились люди. Некоторые оборачивались. Кто-то даже его окликнул. Над платформой висел густой, вибрирующий вой приближающегося аэробуса.

И в этот момент Марш сделала единственное, чего он от нее не ожидал — закрыла собой Бесси и даже Освальда дернула за рукав, будто пытаясь заставить стать за ней. Она медленно пятилась к перилам, и что-то говорила, но Рихард не мог прочитать по губам.

Зачем? Будто ждала, что он будет в нее стрелять.

Рихард остановился всего на мгновение — пытаясь осознать, что она сейчас сделала, и что ему теперь делать. В этот момент левую руку прострелило короткой, злой болью, и под кожей стремительно начал расползаться лед.

Рихард уронил руку — непозволительно резко. Марш дернулась, оттолкнула кого-то с пути и успела злобно оскалиться — видимо, ей пришел репорт. И уперлась спиной в ограждение платформы. Рихард вцепился в левое запястье, будто пытаясь запереть расползающийся холод в руке, и понял, что не успеет подойти. Они стояли слишком далеко.

А еще он вдруг понял, что Бесси за спиной у Марш больше нет.

Он даже успел увидеть белые пальцы, сжимающие край платформы, а потом вдруг стало темно.

...

Бесси ничего не поняла — вот она смотрела под ноги, а вот Марш заставила ее пятиться к ограждению, а еще она чего-то испугалась, и это было очень важно, надо было найти, чего она там боится, может Бесси тоже надо испугаться, но она никак не могла, потому что все мире вдруг стало таким безумным, и на что теперь смотреть?!

И Бесси просто пятилась, пытаясь собрать разбегающиеся мысли.

— Вы приближаетесь к ограждению причальной платформы, — доложил Аби, а потом будто встревоженно добавил: — Вам не следует приближаться к ограждениям! Вам не

следует...

И чего это он. Ах да, она же вроде как глупая, и Аби положено смотреть, чтобы она себе не навредила... надо Марш сказать... что сказать?

Бесси ловила разбегающиеся мысли, а они все убегали, выскальзывали, и Аби еще что-то говорил, а потом вдруг каблук любимого ботинка угодил в трещину на платформе. Реприманд.

Падая, она успела подумать, какой же это противный день. Мысль кончилась, а падение почему-то не кончалось.

...

— Вам плохо?! Вам нужен врач? Сэр?! — Кто-то тряс Рихарда за плечо, кажется, женщина, но это не имело никакого значения.

— Девочка, — прохрипел он, указывая пальцем туда, где виднелось красное пятно — пальто Марш. — С платформы... охрану... упала, да что вы стоите?! Аве Аби, вызови охрану Третьей платформы! Почему вы...

Мир медленно приобретал привычные очертания. Рихард уже различал лица. Видел, как встревоженная женщина в лимонно-желтом мечется по платформе, хватая людей за руки, кричит что-то, теребя воротник. А слышал он почему-то только тяжелый вой снижающегося аэробуса.

Там, внизу, был выступ для стыковки. Бесси выжила, если упала на него.

— Аве Аби! Сигнал для автопилота аэробуса! Человек в опасности, нужно остановить стыковку!

— Запрос передан в депо. Номер вашего запроса...

Рихард рванулся к ограждению, хватая людей за руки, чтобы не упасть. Его не замечали — он видел вокруг десятки, сотни побелевших лиц и потемневших взглядов, прикованных к черному ограждению.

Его зрители. Это он их собрал, он показал куда смотреть. Люди были напуганы, они тревожно шептались и переглядывались, кто-то яростно стучал пальцами по экранам, вызывая охрану вручную, но Рихарду казалось, что все они надеются, что охрана не успеет.

Марш стояла у края платформы, растерянно глядя то на людей, то на уступку. Рихард остановился, сжав чей-то рукав.

Она не станет. Не полезет вниз, она ведь знает, чем это для нее кончится. На нее все смотрят.

Он поймал ее взгляд, и теперь она смотрела только на него. И лицо у нее было как тогда, в палате, серое и больное.

«Все ненастоящее».

«Я знаю».

Я знаю. Марш улыбнулась ему, а потом скинула рюкзак, что-то крикнула Освальду, встала на колени и пролезла под ограждением.

...

Марш не боялась и не злилась, хотя раньше обязательно бы подумала, какие идиоты оставляют между перилами такие огромные зазоры, и какая бестолочь умудрилась в такой крошечный зазор вывалиться.

Сейчас это все не имело значения. Она легко спрыгнула на уступку для стыковки. Горячий ветер из-под снижающегося аэробуса дул ей в спину, прижимая к бетонной платформе.

— Бесси! — крикнула она, но голос потонул в гуле.

Девчонка стояла, прижавшись к платформе, будто пыталась ее обнять, и явно боялась пошевелиться. Обернуться, посмотреть вниз — тогда она потеряет равновесие и упадет в прохладную пустоту, к серому квадрату земли далеко-далеко внизу.

Марш тоже жалела, что посмотрела вниз.

Она шла медленно, понимая, что если сорвется — они погибнут вдвоем, потому что Марш ни на какую охрану и Рихарда Гершелла не надеялась. Но так хотелось двигаться быстрее, быстрее, убраться от нарастающего гула, который рвется в уши и давит на виски, вибрирует, дрожит в груди и ветер, ветер все горячее, но надо идти медленно, иначе она сорвется, и они погибнут...

Вдвоем.

Марш нащупала торчащий из раскрошившегося бетона обломок арматуры и вцепилась в него, как в пучок травы, растущий на отвесном склоне.

Бесси так и стояла, уткнувшись лбом в бетонную стену, только все чаще вздрагивала от порывов ветра. Сухого, пахнущего ржавым машинным нутром.

Горячего. Все горячее и горячее.

Марш выпустила обломок, и снова положила ладони на платформу. Жаль у нее нет черных щупалец вместо слабых пальцев. До Бесси оставалась пара шагов.

У нее сломался каблук. Как плохо.

Марш не почувствовала, как вместо бетона и арматуры сжала мягкий рукав — ветер бил слишком зло, и уже не в спину, а сверху вниз. И гул был таким, что Марш казалось, что в уши вбивали гвозди.

Но это все было неважно — теперь Бесси смотрела не в стену, а на нее, и это было здорово, Марш даже нашла в себе силы ей улыбаться, хотя улыбаться совсем не хотелось.

Она боялась, что Бесси бросится к ней, но она все поняла — прочитала по губам, а может, сама сообразила.

«Тише, ма-лень-ки-ми шажками... Шаж-ка-ми...»

Здоровый глаз полоснуло знакомой, раскаленной болью — словно он тоже помнил серебристое лезвие.

Бесси теперь шла, зажмурившись, и из-под сжатых покрасневших век текли частые слезы. Слишком сухой и горячий воздух.

Марш в первый раз была благодарна своей дерьмовой, блюрящей повязке — здоровый глаз можно закрыть и не ползти только наощупь.

Вот кусок арматуры — лег в ладонь так привычно и надежно, будто его специально для Марш вбили. Она посмотрела наверх — там чьи-то руки, рукава, какие-то веревки. «Мы вытянем, мы поможем, скорее хватайся!»

Воздуха вдруг перестало хватать. И гул превратился в рев.

Марш сжала арматуру, а второй рукой рванула Бесси за воротник. Даже успела подставить плечо под сломанный каблук, и на душе вдруг стало легко и спокойно.

А потом она посмотрела наверх и поняла, что подниматься страшнее, чем остаться стоять.

Страшнее, чем разжать руки и упасть в гудящую раскаленную пустоту, к серой земле.

«Пожалуйста...»

...

Рихард видел, как люди в форменных серых куртках прорываются к ним сквозь толпу, и

люди расступаются, но отступают на полшага, не желая терять место на трибунах. И люди в серых куртках не успевают, а аэробус уже бросает на лица разноцветные блики, и лопасти у него на брюхе монотонно перемалывают воздух.

А Освальд куда-то пропал.

Что сказала ему Марш? Чтобы помог или чтобы не лез, не подставлялся?

Рихард не смог пробиться к ограждению. Стоял совсем рядом, видел, как у края платформы суетятся люди, скидывают куртки и тянут вниз руки, а он только ждал, пока кто-то закричит. Пока новость прокатится по толпе, как мячик по волнам — всё.

А потом у края показались синие кружевные рукава пальто Бесси, и на мгновение даже ледяная тяжесть в груди отступила, позволяя ему ощутить это безграничное, безмятежное облегчение.

Она жива. Девочка жива. Не погибнет из-за него, не погибнет из-за своей невнимательности и халатности охраны. Теперь-то все будет хорошо.

А вслед за синими рукавами показались красные. И ледяная тяжесть вернулась.

Марш выползла на платформу, странно сжавшись и пытаясь прикрыть лицо, словно это могло ее спасти.

Она стояла на четвереньках на сером бетоне, и Рихард видел, как медленно желтеет лампочка Аби на ее красном воротнике.

А потом она подняла лицо. Оглядела собравшихся вокруг людей, и они, словно опомнившись, бросились ее поднимать, отряхивать и хватать за руки.

Люди были счастливы. Ведь кто-то другой совершил Настоящий Поступок, но только Рихард знал ему Настоящую Цену.

Лампочка часто замигала оранжевым. Марш широко улыбнулась и золотая ящерица заметалась по ее лицу, а потом юркнула за воротник. Рихард вдруг понял, что хочет броситься к ней, закрыть от счастливых взглядов и одобрительного гула людей на платформе, как она закрывала от него Бесси.

Понял, что Марш это тоже не поможет.

...

— Получена награда на десять баллов общественных симпатий. Сообщение для получателя: «Невероятно!»

— Ваш рейтинг понижен на десять баллов.

— Получена награда на три балла общественных симпатий. Сообщение для получателя: «Спасибо вам!»

— Ваш рейтинг понижен...

Первые пару секунд Марш надеялась, что аэробус, который чуть не убил их с Бесси, сейчас остановится у платформы, откроет спасительные двери, и она спрячется от народной благодарности.

А потом по ее лицу потекли золотые и розовые блики, и она поняла, что не успеет.

Марш стояла, улыбаясь, и искала взглядом хоть одно лицо, отмеченное жадным воодушевлением. Таким, как она видела на эфире.

Но не находила.

В лицах людей нечто по-настоящему светлое, хорошее, и только по недоразумению убивающее ее.

— ... сто баллов общественных... Сообщение для получателя: «Живите долго!»

— Ваш рейтинг...

Марш наконец-то нашла в толпе Рихарда Гершелла.

А так глупо получилось.

— Ваш рейтинг приближается к критической отметке, — просипел Аби. — Ваш рейтинг...

Она и не думала, что у Гершелла может быть такое лицо. Полное ужаса, перекошенное от боли, и почему-то ей от этого совсем, совсем не радостно.

— Ваш рейтинг...

Да какая разница, что там с ее рейтингом.

— Вам присвоено достижение — лучшая акция квартала... «Золотая оса».

— Мне жаль, — вдруг сказал Аби, и голос его действительно был печален.

Марш заметила, как покраснел, слился с воротником его огонек.

На платформе стояла тишина — такая же густая и раскаленная, как недавний гул.

«Несправедливо, — подумала Марш, поднимая взгляд к высокому мерцающему небу. — Акция была на сотню золотых ос».

Эпилог. Зеленый огонек

При условии, что оплачешь
Мою судьбу, возьми мои глаза.

Шекспир, "Король Лир"

Бесси стояла перед незнакомой дверью, и ей хотелось убежать. Вернуться домой, лечь под одеяло, и больше ни о чем не думать.

Но у нее не получалось. И она обещала Марш.

А как жалко, что у Аби больше нельзя ничего спрашивать. Как он мог так, Аби ведь всегда, всегда был хорошим!

Бесси нахмурилась и еще раз помахала ладонью перед датчиком. Ну что такое, она даже забыла, как зовут человека, к которому ее Марш послала, хорошо она адрес написала! Можно было в записку подглядеть, но подглядывать нехорошо. Или у Аби спросить, но с Аби она больше не разговаривала.

Дверь с порохом открылась. На пороге стоял совсем старенький дедушка в серебристо-лиловом халате, и Бесси почти забыла, что ей было грустно.

А он прислушался к чему-то — ну точно, ему Аби что-то говорит! — слегка нахмурился, а потом улыбнулся ей, так по-хорошему, по-доброму, что ей сразу стало стыдно.

— Извините! — пробормотала она. — Вы извините... пожалуйста...

— За что, солнышко? — удивился старичок. — Ты к кому пришла?

— Я не помню, как вас зовут, — расстроено призналась она. — Я куртку вашу уронила... с платформы...

— Куртку?.. — нахмурился он. — Меня зовут Леопольд Вассер. Ты пришла ко мне?

— Да-да! — на мгновение обрадовалась Бесси.

А потом вспомнила, как Марш совала ей карманы бумажки, одну в правый, другую в левый. И пальцы у нее были быстрые и холодные, а лицо сосредоточенное такое, как будто она очень-очень важное что-то делает.

«Бесси, ты слушаешь? Меня слушаешь, не Аби? Не как муха жужжит? Хорошо. Мы сейчас выйдем в коридор — помнишь, зачем? Хорошо. Если со мной что-нибудь случится... ну что-нибудь. Да, нехорошее. Нет, не болею. Бесси! У тебя в правом кармане записка, и в левом записка, помнишь, ты носила записки? Да, надо еще отнести. Адрес я на бумажке написала и тебе в профиль отправила... ты не забудешь? И не перепутаешь кому какую? Бесси, это очень важно... И вот куртку держи, тоже ему отдашь...»

— Я вам вот... принесла... — всхлипнула она, дрожащей рукой протягивая Леопольду письмо. — М-м-марш... сказала, чтобы я вам сказала... сказала... что я «хоть кто-то»...

И снова расплакалась, хотя обещала себе, что больше не будет плакать на людях. И вообще она уже устала плакать, и этот дедушка Леопольд, кажется, тоже очень расстроился, но как же иначе! Он точно был хороший, не мог не расстроиться.

И ему, наверное, тоже было жалко Марш.

Она же ее спасла! За что ее убили?!

— Тебя зовут Бесси? — позвал Леопольд. — Куртка мне все равно не нравилась. Правда, плохая была куртка, никуда не годная. Заходи скорее, сейчас соседи выйдут и решат, что я тебя обижаю. Заходи, у меня... остался хороший чай.

Бесси вытерла слезы и подняла взгляд. Леопольд был совсем, совсем расстроенный и

такой старенький, а она слышала, что старым нельзя расстраиваться.

Вот Рихард Гершелл расстроился и чуть не умер. Ему тоже было жалко Марц, даже уколы пришлось ставить. Вот она будет хороша, если из-за нее Леопольду придется звать врачей!

Она дотронулась до его ладони и переступила порог. Леопольд сжал ее пальцы — теплая-теплая была у него была рука! — и закрыл за ней дверь.

...

Знаете, глупо как-то получилось. Мы же все друг другу не желали зла — наверное, даже Рихард Гершелл делал свою работу и не смог вовремя остановиться. Я все равно буду его ненавидеть, потому что работа — совсем не оправдание для подлости, но может он просто не понял, что такое подлость?

А это тоже не оправдание, но... вы ведь его не ненавидите. Вот о чем я должна была спросить и о чем теперь жалею — почему не спросила, как вы можете его не ненавидеть?

Я помню, что вы сказали, что не можете помочь всем, но можете «хоть кому-то». Я теперь «все». Освальд сказал «мы», я ему наврала, что никакого «мы» не бывает, но теперь «я» — это «мы», все остальные. Все, кто не «хоть кто-то».

Глупости какие-то, Леопольд. А знаете, я все-таки придумала, как вам помочь. План на сотню золотых ос!

Я помогла? Хочу верить, что помогла. Не волнуйтесь, я ничего никому не вырезала.

Я помню, что в прошлый раз вы посчитали себя виноватым в том, что со мной случилось, и еще говорили про страшную ошибку, и что вы не могли помочь. Но теперь-то вы не мой врач, и, хоть я и хочу считать вас своим другом, но вы правы — ваша болезнь не мое дело, а моя — не ваше. А значит, вы ни в чем не виноваты. И ничего мне не должны. И все-таки, если вам не будет трудно — поговорите с девочкой, которая принесла записку.

Ей нужно рассказать про рейтинги. Я слушать уже не могу, что она плохой человек.

Мне правда и не придется.

Может, вы послушаете?

Спасибо вам, Леопольд. И простите меня, я действительно хотела, как лучше.

...

Первые полгода в Среднем Эддаберге Рихард почти не помнил. Он шатался по своему огромному дому, а потом шел шататься в огромный парк у себя под окнами.

Настоящий парк, не пустырь с трансляторами, из которых росли голограммы-деревья и распылителями, которые плевались ароматизатором «лес». Рихард сначала даже не верил, что парк действительно есть, но там жили птицы. И они гадили. Почему-то это окончательно убедило его в реальности происходящего.

Виртуальные птицы никогда не гадили.

Но это имело удивительно мало значения. Для Рихарда был целый город, полный домов из кофейного и кремowego кирпича, домов с десятками и сотнями окон, отражающих свет.

Улицы, на которых росли цветы. Их сажали сосредоточенные люди в синих комбинезонах, и Рихарду казалось, что эти люди ничего не знают про страдания.

... если бы у него осталась работа. Если бы у него только осталась работа, а не социальное пособие и запрет на профессиональную деятельность! Тогда он мог бы ни о чем не думать и крепко спать по ночам.

Список легальных эйфоринов в Среднем Эддаберге был короче, на остальные нужны были рецепты. Рихарду не хватало. Рихарду и его совести, его воспоминаниям и всем его

ошибкам требовалось больше.

Первые полгода он только смотрел, нюхал, бродил по сети, знакомясь с местными конвентами и постоянно ел, потому что не есть в Среднем Эддаберге было невозможно. И после еды он даже ощущал короткое удовлетворение.

А потом наступила неминуемая скука. Конвенты здесь собирали качественнее, чем в Младшем Эддаберге, но в них не хватало злого безумия вседозволенности — в Среднем Эддаберге цензура работала куда лучше.

Деревья и гадающие птицы перестали восхищать, а окна оказались застекленными дырками в стенах, через которые проникал свет. Оказалось, что по утрам этот самый свет еще и раздражает.

Здесь не было Аби. Социального помощника в Среднем Эддаберге звали Дафной. Дафна даже без модификаций была потрясающей, можно было выбирать ее внешность, тембр голоса и степень вмешательства — Аби сообщал о каждом звонке, о каждом репорте и любой награде. Дафна уважала личное пространство.

А еще здесь можно было покупать или создавать дополнительных помощников. Куратор Рихарда, черноволосый парень по имени Питер Легасси, советовал ему программное обеспечение не меньше, чем на троих помощников.

«Потому что в первые месяцы вам может быть одиноко», — тактично сказал он.

Рихарду стало одиноко через полгода. Здесь не было коллег, бывших друзей, пациентов, которые заглядывали бы ему в рот. Это там, в Младшем Эддаберге он был Рихард Гершелл, пресс-секретарь реабилитационного центра «Сад-за-оградой». А здесь — мигрант из города, который местные считали адом. У него низкий для местных рейтинг. И нет работы.

На него смотрели с жалостью. С ним обращались так, будто он пережил войну. Будто его вытащили из котлована, заполненного трупами и водой.

Будто он в любой момент впадет в буйство. Или умрет. Или начнет рыдать и рвать на себе волосы. А Питер Легасси все настойчивее советовал обзавестись компанией виртуальных помощников.

«Для разных целей. Виртуального секретаря и хорошего собеседника иногда полезно разделять. К тому же созданных вами помощников можно выпускать в свободный доступ, чтобы люди, которые в них нуждаются, могли их использовать. Такой опытный человек как вы может помочь таким одиноким людям... как вы», — настойчиво говорил он, а Рихард рассеянно кивал и шел смотреть на птиц. Птицы чирикали и гадили, гадили и чирикали, а он все никак не мог решиться.

Он не сохранил записку, которую передала ему Бесси. Сжег желтоватый лист, изгрызенный злыми черными буквами, но помнил каждое слово. Хоть и прочитал ее всего один раз.

...

Господин Гершелл!

Я знаю, что умру, а вы отправитесь в Средний Эддаберг. Не тешьте себя иллюзиями — это я так решила. У меня был шанс остаться человеком, и я хочу гордиться тем, что воспользовалась им. Даже если это не так.

Я хочу, чтобы Леопольд запомнил меня хорошим человеком. Я хотела обмануть его, сказать, что поехала в Младший Эсхольд, разменяла комнату и буду выращивать цветы. Но он узнает, или Бесси все расскажет, она не умеет врать. И нехорошо оставлять Бесси, правда, мистер Гершелл? Она сама не разберется, она запутается и будет несчастна.

Я не прошу вас помогать Бесси — вы все равно не сможете. И не станете, верно ведь, мистер Гершелл? Вас ждет дом.

Но я верю в то, что вы тоже когда-то считали себя хорошим человеком. Может быть, считаете до сих пор.

Мне жаль, мистер Гершелл. Я действительно сожалею, что из-за меня погибла Анна Брайт. Мне жаль, что из-за меня погиб человек, который был вам дорог. Я ничего не могу исправить, но врать мне больше незачем.

Поверьте, мистер Гершелл, я не хотела ее убивать. И когда узнала, что произошло — к сожалению, слишком поздно, чтобы предотвратить ее гибель — я отказалась от возможности вам отомстить.

Вы не стали отказываться. Вы убили меня, мистер Гершелл. Наверное, теперь мы в расчете?

Я пишу это не потому, что меня мучает совесть перед смертью. Я хочу, чтобы теперь, когда мы уладили все наши разногласия, вы снова оказались перед выбором — мстить мне или нет. И приняли другое решение.

Не знаю, мучает ли совесть вас, мистер Гершелл. Я тоже не тешу себя иллюзиями — думаю, у вас нет совести. Но что-то вам ее заменяет. Я не знаю, убили ли вы Освальда и Иви, но я не могу просить за них. Если вы поймете, что совершили ошибку, то только будет поздно что-то менять, верно?

Есть то, что вы еще можете исправить.

Леопольд Вассер живет в социальной ячейке Шестого квартала. Думаю, если вы получили доступ к моему профилю, вы и ключи к его профилю найдете. Я не смогла ему помочь.

Он тяжело болен. А вы можете узнать, какие лекарства ему нужны и где их можно достать.

Понимаете, мистер Гершелл? Сделайте доброе дело перед отъездом. Мне больше некого просить.

Не тешьте себя иллюзиями — я предпочла бы вырезать себе второй глаз, но это никому не поможет. Моя ненависть никому не помогла.

И ваша никому не поможет.

...

Разумеется, он отправил Леопольду лекарства. Несколько контейнеров, хватило бы на целый госпиталь. Потом оплатил ячейку в хранилище, забил ее продуктами длительного хранения и чипами с информацией, к которой у Леопольда не было доступа. Это было незаконно, но для Рихарда это теперь не имело значения. Он сумел вывернуться из истории с рейтингами. Из отвратительного скандала, который назревал вокруг «Сада» и разошедшейся по всему Эльбейну записи с треклятой платформы. К счастью к тому времени Рихард уже стоял одной ногой в специальном междугороднем экспрессе и мог больше не думать о долгосрочной перспективе своих поступков.

Он похвалил себя за то, что разговор с Ренцо не был записан и без малейших колебаний выставил его виноватым. Да, Ренцо был его выпускником. Да, он проходил в «Саду» программы. Но выпускником он был давно, люди меняются, а программы никого ни к чему не обязывают, и простите, вещи сами себя не соберут.

Большая трагедия. Чудовищное преступление.

Рихард тогда много говорил, много врал и нарушал закон. Какая-то ячейка рядом со

всеми его преступлениями была просто милой человеческой слабостью.

Освальду и Иви он поставил отметки выпускников и выдал награды «за особые достижения». Рихард искренне радовался, что не поддался слабости и не стал их убивать.

И Рихард искренне раскаивался в том, что поддался другой слабости.

«И ваша никому не поможет».

Раскаяние не умещалось в ячейку и контейнеры с лекарствами. Рихард привез его с собой, вместе с прозрачными пластинками с данными и голубым свечением саркофага, и раскаяние не помещалось в целый огромный, блестящий окнами Средний Эддаберг.

Раскаяние приходило ночью. Колото ледяными иглами кончики пальцев, насмехаясь, напоминая о приступе, который, как обещали врачи, больше не повторится, если соблюдать рекомендации. Рихард соблюдал, но раскаянию было плевать. Оно будило его, настырно гудело снижающимся аэробусом и мерцало голубым свечением саркофага с мертвой женщиной и ее золотой и красноглазой ящерицей.

Гнало его в парк, в шорохи листвы и запах спящих цветов, под звезды, которых Рихард раньше не видел в тумане и мерцании аэробусов и кэбов. Звезды в такие ночи были черными и холодными.

А потом раскаяние гасло красным огоньком на красном воротнике, и он, опустошенный и растерзанный, возвращался в огромный пустой дом, чтобы спать до обеда на огромной кровати с изготовленным по спецзаказу ортопедическим матрасом.

Но Рихард понимал раскаяние по-своему. Он вовсе не собирался травиться им, как Марш Арто или нести его с молчаливым достоинством, как Леопольд Вассер.

... он все-таки нашел в себе силы еще раз позвонить Леопольду. И приехать. И — разумеется, не под запись — во всем признаться. Потому что Марш хотела бы, чтобы Леопольд ей гордился.

Но в признание раскаяние тоже не умещалось. Рихард считал, что должен хоть что-то исправить. И он перестал ходить в парк днем. Теперь он ходил в центр моделирования, заказывал себе приватную ячейку и собирал виртуального помощника.

Собирал из разрозненных данных с прозрачных пластинок. Из записанных разговоров, запросов, истории репортов и перемещений. Из данных биометрики. Из публичного аватара для переговоров и приватного, осиротевшего, покинутого в светлой башне со стрельчатыми окнами.

Из фарфоровой черепашки, старого веера и книг с растертыми по страницам чернилами.

А повязку он оставил на пластинке.

Оцифрованное сознание никогда не будет цифровым бессмертием. Он знал, что Марш Арто больше нет, и где-то в Младшем Эддаберге ее оплакивает девочка Бесси, которую он не смог забрать с собой, хотя он подавал заявления.

И Леопольд Вассер скорбит по ней. Бесси так переживала, что уронила куртку. Рихард предлагал купить такую же, но она сказала, что это будет нечестно.

Скорбь Леопольда не поместится в записки, потерянную куртку и исполнение последнего желания. Рихард понимал это, но ничего не мог сделать.

Тогда он считал, что прав. Что исправляет системную ошибку. Тогда у него не было платформы, бессонницы и прозрачных пластинок.

И теперь он не мог, да, пожалуй не мог исправить ошибку.

Но может, хоть какую-то ее часть?

Он оставил Марш короткую стрижку, длинную челку и алое пальто. Оставил саламандру — красноглазую и золотую. Оставил память о его, Рихарда, поступках, потому что так было честно и потому что как оказалось здесь они не имели никакого значения. Он спрашивал себя, решился бы оставить их, если бы знал, что его могут привлечь к ответственности.

И смог честно ответить — да, оставил бы. Потому что иначе все не имело бы смысла.

Он закрыл доступ к части своих файлов и счетов, но не стал ставить почти никаких ограничений. Пусть говорит, что хочет и не подчиняется командам — вызвать кэб и заказать еду может Дафна.

Рихард прекрасно знал, что будет, если дать Марш Арто говорить, что она хочет. Но иначе все не имело бы смысла.

Сколько людей захочет такой помощи? Сколько людей захотят говорить с помощником без ограничений? С женщиной со злым лицом и в нарочито агрессивном красном пальто?

На это Рихард уже никак не мог повлиять. Зато мог оставить ей возможность регистрироваться в сетях и посещать конвенты.

Забрать у Марш Арто возможность кому-нибудь нахамить было бы жестоко.

Следующие полгода в Среднем Эддаберге Рихард тоже помнил плохо. Помнил постоянный видеоряд, слепки и трансляции. Тот ужасный эфир, который, оказывается, вовсе не был свидетельством безумия. И раз за разом проявляющуюся любовь к людям — странную, болезненную, такую же, как его, Рихарда, раскаяние.

«Акция была на сотню золотых ос».

Совсем нет ненависти.

И в одну из душных летних ночей, когда звезды были особенно холодными и черными, Рихард дошел до парка. Зашел в шелестящую темноту, и шел долго, от одного зажигающегося фонаря к другому. Когда он проходил мимо, свет за его спиной гас.

Он шел, пока фонари не перестали зажигаться, а на небе не засветились редкие золотые брызги.

Тогда он сел на кованую скамейку, вытянул руку, но долго молчал и не мог решиться.

— Аве, Арто, — наконец сказал он.

Бесконечные секунды звезды насмешливо подмигивали с безразличного неба, а потом на его воротнике зажегся зеленый огонек.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Благодарности

Аве Екатерине Близниной — за выход за рамки и возможность сделать новое, за поддержку и редактуру.

Аве Юлии Полетаевой — за потрясающую обложку и взгляд прямо в сердце.

Аве Марии Камардиной — за обратную связь и потрясающий портрет с осами и розовыми бликами.

Аве Анатолию Герасименко — за комментарии, неизменное чувство юмора и носки для Бесси.

Аве Demi Urtch — за потрясающий шарик и все сказанные слова.

Аве Андрею Гудкову и Ingrid Wolf — за то, что поверили и в новую историю.

Аве вам, дорогие читатели — кто оставляет комментарии, ставит лайки, добавляет книгу в библиотеку или просто молча уносит что-то с собой. Это и есть золотые осы.